

ЖИЗНЬ БЕЗ СЛОВ

ПРОЗА ПИСАТЕЛЕЙ ИЗ ГУАНСИ

НОВЫЙ ВЕК
КИТАЙСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

新世纪中国文学

Новый век китайской литературы

Коллектив авторов

**Жизнь без слов. Проза
писателей из Гуанси (сборник)**

«Гиперион»

2018

ББК 84(5 Кит)

Коллектив авторов

Жизнь без слов. Проза писателей из Гуанси (сборник) /
Коллектив авторов — «Гиперион», 2018 — (Новый век китайской
литературы)

ISBN 978-5-89332-312-2

В сборник вошли двенадцать повестей и рассказов, созданных писателями с юга Китая – Дун Си, Фань Ипином, Чжу Шаньпо, Гуан Панем и др. Гуанси-Чжуанский автономный район – один из самых красивых уголков Поднебесной, чьи открыточные виды прославили Китай во всем мире. Одновременно в Гуанси бурлит литературная жизнь, в полной мере отражающая победы и проблемы современного Китая. Разнообразные по сюжету и творческому методу произведения сборника демонстрируют многомерный облик новейшей китайской литературы.

ББК 84(5 Кит)

ISBN 978-5-89332-312-2

© Коллектив авторов, 2018
© Гиперион, 2018

Содержание

Меланхолический юг	6
Дун Си	11
Тянь Эр	34
Фань Ипин	71
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Жизнь без слов

Проза писателей из Гуанси (сборник)

Издание осуществлено при поддержке Гуансийского университета национальностей
Ответственный редактор и составитель А. А. Родионов

- © Авторы, 2018
- © Чжан Чжулинь, предисловие, 2018
- © Булавкина Ю. Ю., перевод, 2018
- © Власова Н. Н., перевод, 2018
- © Егоров И. А., перевод, 2018
- © Завидовская Е. А., перевод, 2018
- © Колпачкова Е. Н., перевод, 2018
- © Корнильева Т. И., перевод, 2018
- © Маяцкий Д. И., перевод, 2018
- © Митькина Е. И., перевод, 2018
- © Перлова А. А., перевод, 2018
- © Родионов А. А., составление, перевод, 2018
- © Родионова О. П., перевод, 2018
- © Сомкина Н. А., перевод, 2018
- © Издательский Дом «Гиперион», 2018

* * *

没有语言的 生活

广西作家小说集

Меланхоличный юг

Область Гуанси находится на юге Китая, еще ближе к экватору от нее расположены Вьетнам и море. Длина прибрежной полосы достигает тысячи четырехсот километров. Площадь Гуанси составляет двести тридцать тысяч квадратных километров, что больше Белоруссии, а население приближается к пятидесяти миллионам человек, что сравнимо с населением Украины. Здесь издавна проживают двенадцать народов, это самый сложный в языковом плане район Китая. Впрочем, здешние писатели обычно пишут на китайском языке. Люди поселились тут в древности. Еще во времена империи Цинь (221–206 гг. до н. э.) центральное правительство учредило в нынешних пределах Гуанси отдельный округ и напрямую подчинило себе эту территорию. Из-за того, что Китай здесь граничит со странами Юго-Восточной Азии и морем, у местных жителей хорошо развит дух соперничества, они отличаются открытостью, миролюбием и терпимостью. Опять же под влиянием субтропиков, теплого и влажного климата, изумрудной растительности, относительно благоприятной обстановки люди здесь несколько расслабленные, в идейном отношении не жесткие, зачастую немного меланхоличные. Произведения писателей как будто тоже окрашены в лазурный и зеленый цвета, подобно морю и флоре.

Нынешние творчески активные прозаики из Гуанси в основном родились в шестидесятые – семидесятые годы. Их детские воспоминания содержат мало приятного, особенно у тех, кто родом из деревни. В те годы китайские крестьяне зачастую недоедали, не имели теплой одежды, переживали тяготы из-за неблагоприятной природной и социальной среды. Память об этом глубоко повлияла на литературное творчество писателей. Самый типичный пример – повесть Дун Си «Жизнь без слов». Это произведение в свое время получило одну из высших литературных наград Китая – премию имени Лу Синя, заслужило много положительных отзывов, на его основе был снят фильм, телесериал, поставлена пьеса и так далее. Повесть по задумке просто удивительна: автор сводит вместе, в одну семью, немного, глухого и слепого и проводит их через разнообразные испытания. Некоторые из трудностей, требующих от них мудрости и способности к выживанию, возникают из-за физических особенностей героев, другие же становятся следствием злого умысла окружающего мира. Если говорить о первых обстоятельствах, то в повести через тонкие сюжетные ходы описываются проблемы в общении между людьми. Что же касается вторых, то в произведении автор показывает, что маргинальные, уязвимые группы населения часто подвергаются социальному давлению. Примером тому служат сцены третирования инвалидов так называемыми нормальными людьми. Изменить такое положение вещей в обществе очень трудно. Так, в повести члены одной семьи, чтобы спастись от людей со злым сердцем, переезжают на другой берег реки, но это, в принципе, не помогает, поскольку их обидчики, словно проникшие в плоть личинки, следуют за ними. В этой семье родился слышащий и способный говорить мальчик с хорошо видящими глазами. После первого же дня учебы в школе он принес оттуда частушку, высмеивающую глухоту и немоту его отца и матери, и затем сам перестал разговаривать. Холод от этой истории пробирает до костей, но все же повесть смягчает и согревает души читателей, растапливает лед в сердцах. Дун Си в своей прозе всегда помещает героев в экстремальные обстоятельства, проверяет условия выживания человечества, и тем самым в исчерпывающей полноте показывает судьбу человека и сущность так называемой человеческой природы.

Схожее внимание к социально незащищенным слоям сельского населения демонстрирует Ли Юэжэ в рассказе «Черный буйволенок». Население Китая огромно, что в определенном смысле полезно для экономического развития страны. Но из-за этого возникает острое противостояние между людьми за землю и ресурсы. Из-за этого длительное время правительство принудительно проводило политику планирования рождаемости, чиновники на всех уров-

нях получали соответствующие задания, что приводило к конфликтам между представителями власти и народом. В «Черном буйволенке» в форме увлекательного рассказа мелкого сельского чиновника, занимавшегося регулированием рождаемости, изложены перипетии жизни главной героини Лань Юэцзяо. Она уже родила четверых детишек и, похоже, не намеревалась на этом останавливаться. Дома у нее не было ничего, кроме голых стен, из имущества – только две ободранных кровати. Таким образом, приводится распространенное мнение о темноте крестьян: «Чем они беднее, тем больше рожают; чем больше рожают, тем они беднее». У Лань Юэцзяо возникли особые отношения с единственным ценным имуществом в ее доме – черным буйволенком. Благодаря тонкому обыгрыванию многозначности слова «черный» Ли Юэжэ поместил рассказчика в число пострадавших. Старые хитрецы и пройдохи Лао Лань, Лао Лю и Лао Чжан вынудили его, неопытного дурачка, стать злодеем, опустившимся ниже норм традиционной морали. Сами они, не шевельнув и пальцем, воспользовались выгодами от перевыполнения плана по регулированию численности населения и избежали дурной славы за несправедливые поступки. Таким образом, в «Черном буйволенке» произошел удивительный поворот: рассказчик сквозь призму самоуничижения достиг цели – самооправдания. Вот только Лань Юэцзяо, как и ее буйволенок, способный лишь охнуть от боли, оказывается принесенной в жертву. Буйволенок стал жертвой выполнения рассказчиком служебного задания, а Лань Юэцзяо становится жертвой самого изложения. Она ведь сама не произнесла ни слова, и нам неоткуда узнать, что она на самом деле чувствовала и думала, даже в передаче ненадежного повествователя. Это произведение показывает безмолвных представителей низов китайского общества: подобно Ван Лаобину из повести Дун Си «Жизнь без слов», эти люди просто не могут ничего высказать.

В схожем ключе написан и рассказ Тао Лицунь «Материн остров». В произведениях писательницы всегда уделяется внимание радостям и горестям низших социальных слоев, особенно сельских женщин, описываются их терзания и борьба, упорство и жертвенность. При этом автор не превращает своих персонажей из народа в совершенно отчаявшихся горемык, напротив, в трудностях они ищут лучшего, в испытаниях защищают чувство собственного достоинства. Хотя в «Материном острове» мы можем заметить отзвуки романа «Третий берег реки» Жуана Гимарайнса Розы, этот рассказ ближе к китайским сельским реалиям, особенно в освещении женских судеб и переживаний. Мать семейства, привезенная из чужих мест, всю жизнь молчаливо терпела придирки и требования мужа и детей, но однажды сбежала на необитаемый островок, где стала возделывать огород и разводить птиц. В рассказе не проясняются мотивы ее поведения и не описана развязка истории, но при чтении становится очевидным, что героиня стремится обрести личное пространство и больше не желает быть просто придатком к мужу и детям. Рассказчица, от чьего лица ведется повествование, не понимает, почему мать так поступила, и это усиливает одиночество и упрямство молчаливой беглянки.

«Записки о реке Тоньянхэ» Хуан Пэйхуа – это цикл миниатюр, связанных с исторической памятью. В трагических и комических сюжетах этих текстов отражены переживания народа, живущего на берегу реки. В основе историй лежат народные легенды о подлинных и вымышленных событиях, под умелым пером писателя прошедшие обработку и превратившиеся в его собственное творчество. Здесь собраны миф о том, как любовь матери и сына тронула Небо, легенда о ратных доблестях правителей прошлого, история о глупости чиновников и сообразительности простонародья, комические эпизоды из деревенской жизни.

На этом фоне повесть Ян Шифана «Взирая на реку» тоже отталкивается от воспоминаний о происходившем на реке, но конфликт ее построен на желании позабыть о прошлом и невозможности это сделать. По мнению главного героя, раз кровные родители бросили его, это означало прекращение взаимных обязательств, полный разрыв связей. Именно поэтому повествование строится вокруг приемных родителей – это среда, в которой рос главный герой, его единственная опора. Конечно, когда к концу повествования в их мир проникают посто-

ронные шумы, герой стремится выяснить их происхождение. При столкновении с настоящими родителями в его цельном внутреннем мире возникает трещина, но одновременно встают на свои места все детали повествования. Главным для него становится тот факт, что когда-то решившиеся бросить младенца родители жили совсем рядом.

Мысль о неразрывности связи города и деревни отражает суть рассказа Чэнь Чжи «Спуститься с гор к светофорам». Друзья детства – юноша Цю Шэн и девушка Чунья – хоть и отдалились друг от друга, но сохранили дружбу и получили то, к чему стремились, – он, поступив в университет, уехал в город, а она осталась в горах любоваться цветами, собирать плоды и дышать свежим воздухом. Однако горы Линшань на их родине благодаря прекрасным видам и чистоте воздуха неожиданно привлекли внимание горожан и привели их к решению развивать местный туризм. И тогда спокойные горы наполнились шумом, через них стали прокладывать дорогу, валить деревья, спугнули птиц, в них принесли чуждые запахи. А горячо любимая Цю Шэном Чунья после поездки в город так изменилась, что юноша перестал ее понимать.

В рассказе Чжу Шаньпо «Последний бой кавалериста» сюжет более значительный: отец рассказчика до девятнадцати лет работал в деревне на поле, затем влился в революцию и участвовал в боях, командовал «отрядом красных казаков» (уже само употребление этого словосочетания показывает, как глубоко влияние советской и российской литературы на современных китайских писателей), потом руководил двумя городами и наконец, лишившись статуса и доброго имени, оказался на двенадцать лет за решеткой. Пораженный раком, он перебирается из городской больницы в родную деревню, чтобы там встретить смерть. Рядом с деревней проложили железную дорогу, шум поездов вынудил односельчан разъехаться, там осталась только его семья. Мать держала старую больную лошадь. Отец стал учить животное, как не бояться поездов. И когда он осознал, что конец близок, ему захотелось проскакать наперегонки с составом. Однако сам он забраться на лошадь не мог, а когда подсаживали, плохо держался в седле, пришлось по его указанию примотать его к спине лошади. И вот таким образом «оседлав» лошадь, он вслед за поездом по скакал в тоннель. В этой символической сцене проявилась сила духа отца, осознававшего «невозможность желания и все же стремившегося к нему», несмотря на утраченную славу и несбывшиеся мечты. Конечно, с другой стороны, можно сказать, что перед нами бессмысленная и бесплодная предсмертная агония.

Еще одну агонию мы видим в образе Вань Игуана, созданном писателем Фань Ипинном, однако в нем нет такого трагизма, скорее, в рассказе воплощен комизм абсурда. Повесть «Необычный допрос» в творчестве этого автора стоит особняком: здесь отсутствуют мужчины и женщины, тонущие в пучине желаний, разгул и разврат. Поскольку начальник управления по контролю за безопасностью на производстве Вань Игуан долгое время брал взятки, узнав, что комиссия по проверке дисциплины допрашивает отдельных чиновников, испугался, что сам он в трудный момент не выдержит давления и на допросе выдаст себя с потрохами. Тогда ему пришла в голову мысль подготовиться к допросу, и он попросил свою жену выступить в роли сотрудника комиссии по проверке дисциплины из прокуратуры и задавать ему разнообразные вопросы. Однако чем дальше шло это представление, тем больший страх испытывал Вань Игуан. Дошло до того, что он инсценировал обстановку допроса... Когда же его действительно арестовали, он обнаружил, что настоящий допрос совсем не такой, каким он его представлял. Разумеется, подобная развязка стала результатом его собственных прегрешений.

В повести Гуан Паня «Исчезновение Дада» также имеется сцена суда, где так называемые судьи из Общества собаководов разбирают дело собаки, обвиняемой в изнасиловании. Хотя обвинение было надуманным, судьи сначала «объели» истцу, затем подзащитных, а под конец съели и саму собаку, тем самым получив от этого дела практическую пользу. На первый взгляд эта история воспринимается как абсурд, но возможны два ее прочтения. Во-первых, повествование можно рассматривать как плод воображения главной героини, которая из-за несчастной любви заболела шизофренией и, как персонаж из рассказа Лу Синя «Записки сумасшедшего»,

стала параноиком. Конечно, в такой трактовке повесть становится мельче. Другая же интерпретация заключается в том, что доктор Чэнь действительно столкнулась с немислимым судом над своей собакой, но в ее рассказы никто не верил, и, сочувствуя ее несчастью, окружающие отправили ее на лечение как душевнобольную.

Повесть Ин Чуаня «Нельзя оборачиваться» начинается со сцены ночного кошмара, а в переплетении сна и реальности проявляется подлинный облик человеческой жизни. Хуан Ян рос вместе с Ху Цзиньшум и постоянно подвергался унижению и насмешкам с его стороны, что не позволяло ему стать настоящим мужчиной. Когда чаша терпения Хуан Яна переполнилась, он стал убийцей, заколов обидчика, и пустился в бега. Скитаясь он постепенно вырос и наконец превратился в решительного мужчину. Пройдя испытание смертельной опасностью, он осознал, что постоянное стремление убежать от правосудия не станет для него избавлением, он должен посмотреть правде в глаза, вернуться в родные места и избавиться от кошмара, мучившего его всю жизнь. И в этот момент в сюжете происходит крутой перелом: оказывается, что убийство произошло только во сне главного героя, из-за химеры он пятнадцать лет скрывался. При этом реальность была прямо противоположной воображаемому: после бегства Хуан Яна Ху Цзиньшуй женился, родил сына и жил счастливо. Конечно, бегство выковало характер Хуан Яна, ускорило его взросление. И хотя повесть заканчивается несколько обыденным счастливым воссоединением, тонкий сюжетный замысел все же производит на читателей впечатление своей новизной.

Трудности реальной жизни в обществе, а также разочарования персонажей, возникающие из-за невозможности обрести материальные блага и другие объекты желания, также можно назвать важными темами в произведениях писателей из Гуанси. В этом отношении обращает на себя внимание творчество двух авторов, переехавших в Гуанси из других мест. Так, в повести Цзинь Лу «Постель на двоих» девушка Лу Сяобин переехала на работу в Пекин из маленького городка. По природе она порядочный человек, который столкнулся с жизненным кризисом и даже прокормить сам себя не способен. Она сблизилась с юношей Ван Чэнем, земляком, также приехавшим в Пекин на заработки. В нем девушку привлекают в первую очередь постоянные доходы. Однако накануне свадьбы она отказывает Ван Чэню в близости, чтобы напоследок побыть в одиночестве. Тем самым, идя на компромисс с реальностью, она пытается сохранить хотя бы каплю самоуважения. Другая девушка, Су Цзе, росла вместе с Ван Чэнем в городке Бочэн в одном дворе, где жили семьи шахтеров. Когда шанхайский бизнесмен Сунь Вэйцзин открыл перед ней перспективы сказочной жизни, она сразу же отдала ему свое сердце. Кто же знал, что после свадьбы супруг к ней охладает, из-за чего она сорвется и решит отомстить? Обратной стороной роскоши оказывается мелочность.

Повесть Тянь Эра «Новый год в одиночестве» исполнена дерзкой энергии, присущей низшим слоям общества, и при этом автор ярко описывает их безысходность и опустошенность. Произведение получило премию имени Лу Синя и построено на излюбленном сюжете Тянь Эра – полицейский против преступника. Первый из них – пожилой следователь, обладающий большим опытом, настолько зоркий, что мог найти иголку в стоге сена, он защищает справедливость. Второй – грабитель и убийца, живущий на дне общества. По иронии судьбы их жизни удивительным образом переплетаются из-за симпатии к глухонемой парикмахерше Сяо Юй, которая вызывает у них необъяснимые чувства. Жизнь жестоко обошлась с Сяо Юй, ее мечты растаяли как дым, но из-за инвалидности она обрела особую устойчивость: в кромешной тьме она всегда могла увидеть свет. Поэтому в этой наполненной насилием, предательством и борьбой истории читатель увидит протест и узнает о чувствах проигравшего, поймет, как он находит утешение и теплоту в окружающем мраке и холоде.

Великая душа России Ф. М. Достоевский писал о своем выдающемся предшественнике А. С. Пушкине: «Став вполне народным поэтом, Пушкин тотчас же, как только прикоснулся к силе народной, так уже и предчувствует великое грядущее назначение этой силы». Можно

сказать, что и живущие далеко на юге Китая гуансийские прозаики, особенно самые талантливые из них, в своем творчестве ничуть не предаются пустым романтическим мечтаниям и бессмысленным стенаниям из-за личных переживаний. Каждая история, выходящая из-под их пера, описывает мысли и чувства китайского народа, особенно его низших слоев, показывает боль и страдания, отражает надежды и неудачи. Таким образом, меланхолия китайского юга превращается в источник и движущую силу жизни, зовет к борьбе и сопротивлению. Произведения писателей из Гуанси, как и шедевры Пушкина и Достоевского, насыщены национальным колоритом, но при этом обладают универсальностью, поднимающей их над местом и временем действия, воплощают судьбу и дух всего человечества.

Чжан Чжунлинь

Дун Си Жизнь без слов

Ван Лаобин и его глухой сын Ван Цзякуань пропальвали кукурузу на горном склоне. Стебли кукурузы вымахали выше человеческого роста, поэтому, наклоняясь и воюя с сорняками, они теряли друг друга из вида. Когда Ван Лаобин устраивал перекур, он мог лишь слышать, как работает Ван Цзякуань. По звонким и ритмичным ударам тяпки Ван Лаобин понимал, что сын вкалывает как надо.

Заполонившие всё и вся сорняки под натиском острой тяпки Ван Лаобина падали как подкошенные, мыши и другая живность только успевали разбежаться из своих нор на все четыре стороны. Вдруг Ван Лаобин заметил, что к нему ринулось нечто черное. Пока он сообразил, что разворошил осиное гнездо, его голову, лицо и шею уже облепили осы. От боли он повалился на землю, принялся кричать и кататься по кукурузному полю. Переместившись метров на двадцать, он увидел, что осиный рой по-прежнему кружится над его головой, осы преследовали его словно темная туча. Тогда Ван Лаобин принялся звать Ван Цзякуаня. Но тот был глухим, поэтому имени своего не услышал.

Ван Лаобин зачерпнул горсть земли, чтобы предпринять последнюю атаку на ос, но это дало ему передышку лишь на секунду, пока комья земли оказались в воздухе. Едва они шлепнулись вниз, осы опустились следом. Они покрыли глаза, нос и рот Ван Лаобина. Ван Лаобин чувствовал, что еще чуть-чуть и он ослепнет от их укусов. «Цзякуань, скорее на помощь! Цзякуань, твою мать, я сейчас помру!» – кричал Ван Лаобин.

После того как крики Ван Лаобина, подобно волнам, затихли, удары Ван Цзякуаня стали раздаваться все звонче. Прошло достаточно много времени, прежде чем Ван Цзякуань захотел пить. Он отбросил тяпку и пошел в ту сторону, где должен был работать отец. И тут Ван Цзякуань увидел целую прогалину, устланную сломанными стеблями кукурузы, а поверх стеблей лицом к небу лежал его отец Ван Лаобин. Его голову раздуло, словно тыкву, поверхность которой блестела словно зеркало, отражая солнце.

Ван Цзякуань обхватил голову отца и закричал в сторону гор: «Гоуцзы, Шаньян, Лао Хэй!.. Скорее на помощь!» Его крик еще долго витал между двух гор. Некоторые односельчане слышали пронзительный крик Ван Цзякуаня, но, решив, что тот просто подзывает к себе скотину, оставили его безо всякого внимания. Но когда к его крику присоединились рыдания, Лао Хэй почувствовал неладное и закричал в сторону кукурузного поля: «Цзякуань!.. Что там случилось?» Лао Хэй трижды повторил свой вопрос, но, так и не услышав ответа, продолжил работать. Вдруг Лао Хэй вспомнил, что Цзякуань глухой, и, замерев, прислушался к звукам со стороны поля Ван Цзякуаня. Он уловил смешанные с ветром причитания Ван Цзякуаня: «Мой отец помирает, отец проткнул осиное гнездо, его до смерти искусают осы...»

Ван Цзякуань и Лао Хэй притащили Ван Лаобина домой и позвали к нему лекаря Лю Шуньчана, который занимался традиционной медициной. Лю Шуньчан приказал Ван Цзякуаню стянуть с Ван Лаобина всю одежду. Лежащий на кровати Ван Лаобин напоминал жирного облысевшего хряка. Любопытные со всех сторон обступили его, наблюдая за действиями Лю Шуньчана. Пока Лю Шуньчан наносил лекарство на голову, шею, руки, грудь, пупок, ляжки и другие места на теле Ван Лаобина, зрители неотступно следили за его пальцами. Тут Ван Цзякуань заметил, что когда взгляды собравшихся достигли того места, откуда ноги растут, они стали о чем-то шушукаться, вроде как обсуждая то, что обычно хранят в тайне от чужих глаз. Ван Цзякуаню стало не по себе, словно на кровати лежал не его отец, а он сам. Тогда он взял с изголовья кровати полотенце и накрыл им причинное место отца.

Этот жест Ван Цзякуаня глубоко тронул Лю Шуньчана. Положив руки на тело пострадавшего, он замер и, глядя на собравшихся, захохотал: «Цзякуань смысленный малый, пусть он и не слышит, зато прекрасно понял, что мы говорили про его отца. Ему достаточно ваших глаз и выражений лиц, чтобы догадаться, о чем речь».

Лю Шуньчан протянул Ван Цзякуаню плоскогубцы и дал ему знак развести челюсти Ван Лаобина. Ван Цзякуань сначала взял кусок материи, как следует обмотал инструмент и только после этого осторожно засунул его отцу в рот, разомкнув зубы. Заливая в рот лекарство, Лю Шуньчан нахваливал Цзякуаня за деликатность: «Я вот не догадался обмотать плоскогубцы тряпкой, а он догадался, чтобы не причинить отцу боль. Не будь он глухим, я бы точно взял его к себе в ученики».

Когда лекарь залил целебный отвар, Ван Цзякуань убрал изо рта отца плоскогубцы и громко назвал Лю Шуньчана учителем. Лю Шуньчан на секунду даже оторопел. «Цзякуань, у тебя никак слух прорезался? Оказывается, ты все слышал. Ты правда глухой или притворяешься?» – спросил он. На эти вопросы Ван Цзякуань никак не отреагировал, по-прежнему оставаясь глухим. Тем не менее окружающие покрылись мурашками: им вдруг стало страшно, что Ван Цзякуань слышал все их насмешки.

Спустя десять дней Ван Лаобин почти поправился, однако его глаза совершенно перестали видеть, он стал слепым. Люди со стороны спрашивали его, как же так, имея нормальное зрение, он мог взять и ослепнуть. А он не уставал повторять: «Осы покусали». Поскольку слепым он был не от рождения, его органы слуха и обоняния не были сильно развиты, так что теперь Ван Лаобин оказался ограничен в передвижении, и если бы не его сын Ван Цзякуань, ему и шаг было бы трудно сделать.

У Лао Хэя одна за другой подошли все куры. Сначала Лао Хэй додумался ощипать павшую птицу, он старался так, что перья летали по всему двору. Однако после того как три дня подряд он ел мясо сдохших кур, у него возникло к нему отвращение. Тогда Лао Хэй захоронил оставшуюся падаль на склоне горы. Когда Ван Цзякуань заметил в руках Лао Хэя мертвые тушки, он смекнул, что именно его куры стали распространять чуму. Ван Цзякуань преградил ему дорогу и заявил: «Ах ты бесстыжий, почему никому не рассказал, что у твоих кур чума?» Губы Лао Хэя зашевелились, похоже, он оправдывался, но Ван Цзякуань ничего не слышал.

На следующий день Ван Цзякуань подготовил короб, чтобы нести на продажу своих куриц. Перед тем как он шагнул за порог, Ван Лаобин ухватил его и сказал: «Цзякуань, когда продашь кур, купи мне мыла». Ван Цзякуань догадался, что отец просит его что-то купить, но что именно, он не понял. «Папа, чего тебе купить?» – спросил он. Тогда Ван Лаобин изобразил на своей груди квадратик. «Сигарет?» – спросил Ван Цзякуань. Ван Лаобин замотал головой. «Кухонный тесак?» Ван Лаобин снова замотал головой. Тут он стал водить руками по голове, ушам, лицу, одежде, делая вид, что вроде как натирается, пытаясь подвести Ван Цзякуаня к догадке. Тот на несколько секунд задумался и наконец вскрикнул: «Папа, я понял! Ты хочешь, чтобы я купил тебе полотенце». Ван Лаобин изо всех сил замотал головой и громко сказал: «Да не полотенце, а мыло».

Но Ван Цзякуань, уверенный, что все уразумел, развернулся и направился на выход, и тщетный крик Ван Лаобина повис в воздухе.

Ван Лаобин на ощупь вышел из дома и присел на солнышке. Вскоре он почуял, как от его нагретой одежды исходит запах пота, а воздух вокруг был пропитан ароматом свежей травы и вонью коровьих лепешек. Ван Лаобин весь покрылся испариной, казалось, его кожа вот-вот обгорит, по его ощущениям, солнце можно было достать рукой, и этот день тянулся утомительно долго. До ушей Ван Лаобина долетал ярмарочный галдеж, в нем он хотел распознать голос Ван Цзякуаня, но, как он ни напрягался, это ему не удавалось. Тут он услышал,

как кто-то из ребятишек распевает народную песенку, причем явно на бегу, поскольку очень скоро эти звуки умолкли.

Мало-помалу ощущение жара отступило, это подсказало Ван Лаобину, что день подходит к концу. Тут он услышал, как к нему приближаются звуки радиоприемника. Они заглушили шаги Ван Цзякуаня, поэтому Ван Лаобин не понял, что Ван Цзякуань вернулся домой.

Ван Цзякуань положил в руки Ван Лаобина полотенце и сто юаней. «Папа, вот полотенце, которое ты просил, и остаток, сто юаней, держи», – сказал он. «А что ты там еще прикупил?» – спросил Ван Лаобин. Ван Цзякуань вынул из-за пазухи радиоприемник, поднес его к уху Ван Лаобина и сказал: «Папа, я тут еще купил маленький приемник, чтобы ты не скучал». – «Ведь ты все равно ничего не слышишь, зачем было его покупать?» – откликнулся Ван Лаобин.

Радиоприемник в руках Ван Лаобина завывал на все лады, нагоняя на него печаль. Он держал в руках полотенце, деньги и приемник, отсутствовало лишь мыло, которое он просил купить. Он подумал: «Я, конечно, проживу и без мыла, но как мог Цзякуань перепутать мыло с полотенцем? Если он не понимает моих жестов, как нам жить дальше? Если бы мать Цзякуаня не умерла, было бы гораздо легче».

Спустя несколько дней Ван Цзякуань присвоил радиоприемник. Он повесил его на шею, включил на всю катушку и пошел по гостям. Куда бы он ни приходил, всюду собаки встречали его неистовым лаем. И даже глубокой ночью односельчане просыпались от того, что слышали голос неутомимого приемника. Раздающиеся из его нутра шутки-прибаутки сопровождалась бранью Ван Лаобина: «Ведь ты глухой, даже половины слова не в силах разобрать, зачем включать его на всю громкость? Только впустую батарейки тратишь да отцовские деньги!»

После ужина Ван Цзякуаню больше всего нравилось ходить к Се Сичжу, там он наблюдал за игрой в мацзян. Заметив, что Ван Цзякуань, словно сокровище, прижимает к себе приемник и при этом поглаживает его обеими руками, Се Сичжу спросил: «Ты можешь услышать, что там говорят?» Ван Цзякуань на это ответил: «Слышать не слышу, но на ощупь чувствую». Тогда Се Сичжу удивился: «Странно, ты не слышишь радио, зато разобрал все, что я сказал». Ван Цзякуань вместо ответа лишь захохотал. Хохотнув несколько раз, он сказал: «Меня всегда спрашивают, могу ли я услышать, что там говорят. Ха-ха!»

Постепенно Ван Цзякуань превратился в своего рода магнит. Едва народ переступал порог дома Се Сичжу, как тут же усаживался вокруг Ван Цзякуаня. Однажды по радио передавали юмористический диалог, и Ван Цзякуань, глядя, как все вокруг, широко раскрыв рты, покатываются со смеху, стал смеяться за компанию. Се Сичжу спросил его: «Ты чего смеешься?» Ван Цзякуань непонимающе замотал головой. Тогда Се Сичжу приблизился к нему и изо всех сил заорал ему прямо в ухо: «Ты чего смеешься?» Ван Цзякуань, словно его оглушили, ошарашенно посмотрел на Се Сичжу. Выдержав долгую паузу, он сказал: «Вы смеетесь, я тоже смеюсь». Се Сичжу на это ответил: «Будь я на твоём месте, так вместо того, чтобы просиживать здесь штаны, лучше бы занялся кое-чем поинтереснее». С этими словами Се Сичжу сложил и красноречиво подвигал пальцы в непристойном жесте.

Заметив, что Ван Цзякуань покраснел, Се Сичжу подумал: «Вроде и глухой, а понимает, что такое стыд». Ван Цзякуань сердито поднялся, вышел в непроглядную ночь и с тех пор больше не переступал порога этого дома.

Покинув дом Се Сичжу, Ван Цзякуань почувствовал, что на душе у него стало так противно, словно в ней завелся какой-то червь. Погрузившись в себя, он сделал десяток шагов и вдруг натолкнулся на кого-то. Он почувствовал насыщенный аромат. Хотя удар был не таким уж сильным, человек повалился на землю, словно сноп рисовой соломы. Ван Цзякуань протянул руку, чтобы поднять упавшего, и вдруг разглядел, что это была дочь дядюшки Чжу – Чжу Лин. Ван Цзякуань хотел было пойти дальше, но Чжу Лин преградила ему дорогу.

Ван Цзякуань положил руки на плечи Чжу Лин, она его не оттолкнула. Тогда его руки медленно поползли вверх, пока не коснулись ее теплой гладкой шеи. «Чжу Лин, – произнес

Ван Цзякуань, – твоя шея словно шелк». Сказав это, он приник к ее шее и поцеловал. Чжу Лин услышала причмокивания Ван Цзякуаня, который, словно отведав вкуснейшего лакомства, смаковал послевкусие. Чжу Лин про себя подумала: «Никогда еще не слышала таких приятных звуков страсти». Это настолько ее ошеломило, что она почувствовала, как земля уходит из-под ног. Казалось, еще чуть-чуть, и она упадет. Ван Цзякуань крепко сжал Чжу Лин в объятиях, ощутив на своем лице ее горячее дыхание.

Они напоминали двух упавших в воду людей, которые отчаянно цеплялись друг за друга, погружаясь с головой в омут ночи. В эту темную пору, которая их сблизила, любые звуки казались избыточными. Чжу Лин протянула руку и выключила приемник Ван Цзякуаня, но тот его снова включил. Чжу Лин считала, что приемник был для Ван Цзякуаня не больше чем обычным ящичком, он мог лишь ощутить его вес на шее, но не более. Чжу Лин снова отняла у него приемник, приложила к уху и медленно убавила громкость, и тут же все вокруг погрузилось в невозмутимую тишину. Ван Цзякуаня переполняла неудержимая радость, он расстегивал пуговицы на груди Чжу Лин и говорил: «Ты будешь включать мой приемник, а я – твой».

Одна за другой в деревне погасли все лампы. Ван Цзякуань и Чжу Лин, одурманенные друг другом, заснули прямо в стогу. То, что произошло с Чжу Лин, напоминало сон. До этой ночи родители всегда держали ее под надзором. Мать следила, чтобы дочь была занята нескончаемым рукоделием. Дома она усердно создавала семейную атмосферу, к примеру, просила дочь поджарить тарелку семечек, после чего усаживалась под лампой, щелкала их и собственноручно отправляла в рот Чжу Лин. Мать без устали твердила о том, какие подлые мужчины и как опасно взрослым девушкам ходить в одиночку.

Чжу Лин разбудил окрик отца. Проснувшись, она почувствовала на своей груди мужские руки и со всей силы залепила Ван Цзякуаню пощечину. Тот убрал руки, его щека онемела от боли. Глядя на Чжу Лин, которая, покачивая бедрами, демонстративно отправилась восвояси, он сказал: «Ах ты бессовестная!» Но Чжу Лин уловила в его голосе нотки удовольствия. Про себя она подумала: «Сегодня я устроила бунт, причем пошла не только против родителей, но и против Ван Цзякуаня. Своей пощечиной я ему показала, кто остался победителем».

На следующее утро Ван Цзякуаня, еще сонного, вытащил из постели дядюшка Чжу. Глядя, как он брызжет слюной и потрясает кулаками, Ван Цзякуань сообразил, что тот собирается выместить на нем злобу. Однако он увидел рядом с ним Чжу Лин. Сложив руки на груди, она, подергивая плечами, рыдала в голос. Из ее спутанных волос торчала солома.

«Вчерашнюю ночь Чжу Лин, судя по всему, провела с тобой, – начал дядюшка Чжу. – Если это правда, я, так уж и быть, отдам ее тебе в жены. Раз уж ей приглянулся глухой, я не буду за нее беспокоиться». Чжу Лин подняла голову, заплаканными глазами уставилась на Ван Цзякуаня и сказала: «Говори, говори правду».

Ван Цзякуань догадался, что дядюшка Чжу спрашивает его, переспал ли он с Чжу Лин. Напуганный до смерти, он почувствовал, что ноги задрожали, словно его босиком поставили в снег. И тогда он что было сил затряс головой и стал оправдываться: «Нет, нет...»

Тогда Чжу Лин, точно дрын, вознесла правую руку над своей головой и тяжело опустила ее на левую щеку Ван Цзякуаня. Раздался звонкий, как от разрыва хлопущки, шлепок, и она почувствовала, что ее ладонь онемела. Ван Цзякуань чуть не упал, его повело набок. Прижав руку к горящей огнем щеке, он ощутил, что эта пощечина была раз в десять сильнее, чем вчерашняя. «Похоже, я и правда чем-то обидел Чжу Лин, – подумал он, – над моей головой нависла беда. Но чем я ее обидел? Почему она бьет меня без всякого повода?»

Чжу Лин, закрыв лицо руками, развернулась и, потряхивая распушенными волосами, выбежала вон. Ван Цзякуань зашел в комнату к отцу, Ван Лаобину. «Почему она набросилась на меня?» – спросил он. Но не успел он закончить фразу, как Ван Лаобин тоже отвесил ему пощечину. «К чему было выставлять себя глухим? Что же ты ничего не ответил? Такая хорошая пара тебе нашлась, а ты упустил свое счастье».

Ван Цзякуань заплакал, а когда выплакался, взял нож и выбежал за порог. Он был готов кого-нибудь убить, но ему никто не попался. Он несся по деревне, срубая ветки деревьев, и собаки с курами разлетались от него в разные стороны. Он был готов порешить сам себя, чтобы только никто другой больше его не тронул. Но, вспомнив, что дома у него слепой отец, он потихоньку умерил шаг.

Теперь по ночам Ван Цзякуань сидел взаперти. Выполняя волю отца, он щепил бамбук, чтобы потом сплести из него подстилку. Ван Лаобин считал, что для мужчин плетение из бамбука – это то же самое, что для женщин вязание или шитье подметок. Если руки будут чем-то заняты, то никаких бед никто не натворит.

Три вечера Ван Цзякуань драл бамбуковое лыко, после чего еще три дня плел из него циновку, которая к концу работы стала приобретать форму. Ван Лаобин, проведя по ней рукой, разочарованно покачал головой. Ван Цзякуань решил, что тому вместо циновки понадобилось сплести корзину, и он тут же успокоил отца, обещая все переделать. Отец в ответ тут же перестал качать головой, а Ван Цзякуань подумал: «Значит, я угадал».

В тот вечер, когда Ван Цзякуань принялся старательно распускать циновку, Ван Лаобин услышал, как кто-то ходит у них по чердаку. Он предположил, что там копошится Цзякуань, и даже окликнул его, но ответа так и не получил. Между тем шум наверху становился все громче. «Не похоже, чтобы там хозяйничал Цзякуань, – подумал Ван Лаобин, – кто тогда дерет лыко в гостиной?» Тем временем Цзякуань распускал бамбуковую подстилку, даже не догадываясь, что на чердаке кто-то есть.

Тогда Ван Лаобин слез с кровати и наощупь направился в гостиную. Тут он упал, споткнувшись о ведро с мочой. Застоявшаяся моча вылилась на пол и измарала его одежду, по комнате распространилась ужасная вонь. Он попробовал встать, но ударился головой обо что-то жесткое и понял, что оказался под кроватью. Ван Лаобин пробовал отползать в разные стороны, но везде наткнулся на кровать и набил себе на лбу пять шишек.

Учув резкий запах мочи, Ван Цзякуань подумал, что его отец справляет нужду. Но поскольку запах не исчезал, а становился все сильнее, он взял лампу и пошел проведать отца. Зайдя в комнату, он увидел, как отец весь мокрый ползает под кроватью и, открыв рот, показывает рукой наверх.

Ван Цзякуань, прихватив лампу, поднялся на чердак и заметил сломанную дверь. Кроме того, у них пропало больше десяти кусков вяленого мяса. На ветру раскачивалась лишь бамбуковая жердь, на которой они прежде висели. Ван Цзякуань крикнул вниз отцу: «Кто-то своровал мясо».

На пятый день ближе к вечеру во двор к Ван Лаобину со связанными за спиной руками в сопровождении своего отца Лю Шуньчана пришел Лю Тинлян. На шее у него висело два куска закопченного мяса, последние из тех, которые он украл. Лю Шуньчан пнул сына, и тот, повалившись на колени, упал в ноги Ван Лаобину. «Лаобин, – начал Лю Шуньчан, – я вылечил многих людей, но мне так и не удалось излечить от воровства своего сына. Несколько дней подряд он не приходил домой есть. Почуввав неладное, я решил за ним проследить. Оказалось, что в роще на другом склоне горы он с приятелями жарит украденное мясо. Всего их было четверо, они припасли и жаровню, и приправы. За других я не отвечаю, а вот Лю Тинляна связал и привел к тебе, чтобы ты его наказал по своему усмотрению».

Ван Лаобин спросил: «Тинлян, кто там был еще?» – «Гоуцзы, Гуанван и Чэнь Пинцзинь», – откликнулся тот. Руки Ван Лаобина стали ощупывать его сверху вниз, он наткнулся на мясо, а потом и на связанные за спиной руки Лю Тинляна. Он развязал веревку и сказал: «Впредь больше ничего у меня не крадите. Ступай». Лю Тинлян поднялся с земли и пошел прочь. Лю Шуньчан сказал: «Что ж ты так легко его отпустил?» Ван Лаобин ответил: «Шунь-

чан, я – слепой, Цзякуань – глухой, им меня обокрасть ничего не стоит, это легче легкого, я не могу себе позволить их обидеть».

Лю Шуньчан тяжело вздохнул и сказал: «Тебе нужно срочно что-то менять, нужно женить Цзякуаня. Может, тогда станет полегче». – «Кто же за него пойдет?» – откликнулся Ван Лаобин.

Лю Шуньчан продолжал лечить народ и потихоньку подыскивал невесту для Ван Цзякуаня. Сначала он привел к нему вдову. Та появилась, волоча за собой девчущку лет пяти и держа на руках младенца, которому не исполнилось и года. У вдовы был унылый вид: совсем недавно от болезни умер ее муж, и теперь ей срочно требовалась мужская сила для работы в поле.

У женщины оказалась очень смышленная дочка. Едва увидев Ван Цзякуаня, она упала перед ним на колени, стала отбивать земные поклоны и даже трижды назвала его папой. Лю Шуньчан про себя подумал: «Жаль, что Ван Цзякуань ничего не слышит, а то бы наверняка согласился жениться».

Между тем Ван Цзякуань погладил девочку по голове, поднял с земли и отряхнул ей колени. Закончив с этим, он вроде как и не знал, куда деть свои руки. Тогда, немного поколебавшись, он подошел к вдове и взял у нее из рук малыша. Тот истошно заорал, Ван Цзякуань раздвинул его ножки и увидел между ними петушок. Он игриво потербил его средним пальцем и, хихикая, устался на вдову. Тут из междуножья малыша вырвалась струйка, и он перестал плакать, обдав горячей мочой руку Ван Цзякуаня.

Пока вдова и ее дочь обедали, Ван Цзякуань из остатков бамбука сделал простенькую флейту. Приложив ее к губам, он несколько раз с силой подул в нее, чтобы та заиграла, после чего передал девочке и сказал: «Хорошенько поешь, а потом бери эту игрушку и возвращайся домой, а ко мне больше не приходите».

Лю Шуньчан смотрел, как эта девочка по пути домой, подпрыгивая, забавлялась с флейтой. Вылетавшие из нее грубые, рваные звуки было трудно принять за какой-то мотив, и тем не менее они навевали скорбь. Лю Шуньчан, покачив головой, проговорил: «Бедняга Ван Цзякуань».

После этого Лю Шуньчан приводил к Ван Цзякуаню еще нескольких одиноких женщин, но они казались Ван Цзякуаню или старыми, или страшными. Не найдя среди них той, которая бы тронула его сердце, он люто возненавидел всех претенденток, намеревавшихся связать с ним свою жизнь. Лю Шуньчан как-то пришел к Ван Лаобину и сказал: «Лаобин, он – глухой, а все еще перебирает, кого выбрать. Он так не скоро определится, ты бы ему подсобил». – «Придумай что-нибудь еще», – откликнулся Ван Лаобин.

Когда Лю Шуньчан привел в его дом пятую женщину, солнце клонилось к западу. Эту, из чужих краев, звали Чжан Гуйлань. Чтобы привести ее в дом Ван Лаобина, Лю Шуньчану пришлось провести целый день в пути. И теперь Лю Шуньчан, усевшись под лампой, без конца стряхивал с себя дорожную пыль и жадно пил рисовую бражку, которой его угощал Ван Цзякуань. С каждым выпитым стаканом лицо Лю Шуньчана становилось все краснее, а на шее все больше проступали жилы. «Лаобин, – сказал он, – эта женщина всем хороша, только с левой рукой у нее проблемы, ничего серьезного, просто она у нее не разгибается. Сегодня она останется у вас ночевать».

С тех пор как у них украли мясо, Ван Цзякуань и Ван Лаобин спали на одной кровати. Они делали это для того, чтобы в случае очередного проникновения воров совместно противостоять им. В тот вечер, когда к ним пришла Чжан Гуйлань, Ван Цзякуань по-прежнему лег спать с отцом. Ван Лаобин без конца щипал сына то за ногу, то за руку, намекая, чтобы тот пошел к Чжан Гуйлань. Но Ван Цзякуань словно прирос к своему месту. Наконец, устав от тычков отца, он все-таки слез с кровати.

Но, вместо того чтобы отправиться к Чжан Гуйлань, он взобрался на крышу, повесив на шею приемник, который уже долгое время валялся без дела. Ближе к утру Ван Цзякуань прямо

на крыше и уснул, а приемник продолжал работать. Это повторялось три ночи подряд, пока Чжан Гуйлань не сбежала из их дома.

Как-то раз супруги Чжан Фубао и Яо Юйпин, преподававшие в начальной школе, еще не успели встать с кровати, как услышали, что к ним кто-то стучится. Чжан Фубао открыл дверь и увидел на пороге Ван Цзякуаня с двумя ведрами воды на коромысле. Чжан Фубао, протирая глаза и потягиваясь, спросил: «Ты чего стучался?» Ван Цзякуань без приглашения напрямик прошел внутрь и перелил принесенную воду в их домашний глиняный чан. «С этого дня, – сказал он, – обеспечивать вас водой буду я».

Каждое утро Ван Цзякуань в одно и то же время приносил воду в дом Чжан Фубао. Чжан Фубао и Яо Юйпин никак не могли понять его намерений. Притащив воду, Ван Цзякуань вставал за окном класса и наблюдал за ребятами, которые собирались перед уроком, чтобы почтительно. Иногда он стоял так до тех пор, пока на начинался урок у Чжан Фубао или Яо Юйпин. «Может, он хочет обучиться грамоте? – думал Чжан Фубао. – Но у него проблемы со слухом, как я буду его учить?»

Чжан Фубао попытался положить конец этим хождениям Ван Цзякуаня, но тот его не слушал. А примерно через полмесяца Ван Цзякуань, таясь, обратился к Яо Юйпин: «Учитель Яо, прошу вас, помогите мне написать письмо Чжу Лин, скажите, что я ее люблю». Яо Юйпин тут же жестами предложила ему, вместо того чтобы выдумывать письмо, проводить его к Чжу Лин и все сказать лично. Но Ван Цзякуань на это сказал: «Я принес вам около пятидесяти ведер воды, напишите пятьдесят иероглифов, чтобы Чжу Лин подумала, что это письмо написал я. Прошу вас, учитель Яо, помогите».

Яо Юйпин взяла ручку с бумагой и написала для Ван Цзякуаня письмо чуть ли не на целый лист. Ван Цзякуань хорошенько, словно драгоценность, спрятал это письмо, чтобы при случае передать его Чжу Лин.

Три дня он носил письмо за пазухой, все не находя подходящего момента вручить его Чжу Лин. В одиночестве Ван Цзякуань осторожно его вытаскивал и рассматривал, словно мог понять, что в нем написано.

На четвертый вечер, когда родители Чжу Лин отправились в гости, Ван Цзякуань через окно передал ей письмо. Чжу Лин, прочитав послание, мало того что улыбнулась Ван Цзякуаню, так еще и высунулась в окно, дав ему знак подождать.

Но едва она собралась к нему выйти, как на пороге появилась ее мать. Ван Цзякуань остался томиться под окном, но единственное, чего он дождался, так это двух старых башмаков от дядюшки Чжу. Они вылетели из окна и приземлились аккурат на голову Ван Цзякуаня.

Яо Юйпин, узнав, что написанное ею любовное письмо не оправдало ожиданий, переложила это дело на своего супруга Чжан Фубао. Но когда Ван Цзякуань передал Чжу Лин новое письмо, никакой улыбки от нее он уже не дождался.

Чжу Лин с самого начала поняла, что писать Ван Цзякуаню помогали другие. Она перепробовала в уме всех деревенских, обученных грамоте, но обнаружить конкретного помощника ей не удавалось. Когда же почерк Яо Юйпин поменялся на почерк Чжан Фубао, Чжу Лин и вовсе растерялась. Увидав, что подпись в письме сменилась с Ван Цзякуаня на Чжан Фубао, она не могла понять, было ли это сделано намеренно или случайно. Если новая подпись была верной, то Ван Цзякуаня следовало рассматривать в новом качестве: из поклонника он превращался в обычного письмоносеца.

Под окнами Чжу Лин околачивался не только Ван Цзякуань. Среди ее поклонников были Гоуцзы, Лю Тинлян, Лао Хэй, Ян Гуан, а также те, чьи фамилии называть вслух неприлично: кто-то был женат, кто-то состоял на госслужбе. Гоуцзы и его приятели росли вместе с Чжу Лин и вместе с ней ходили в начальную и среднюю школу. Всем им за это время, случайно

или нет, уже доводилось гладить ее толстую смоляную косу. Гоуцзы говорил, что поглаживал ее, словно новенький учебник или только что оперившегося цыпленка. Но теперь Чжу Лин остригла волосы, и перед парнями предстала красивая девушка на выданье. Гоуцзы говорил, что мечтает погладить ее по щекам.

В то лето, когда Ван Цзякуань стал оказывать внимание Чжу Лин, Гоуцзы и его со товарищи осознали свой проигрыш. Они бросали в ее окна камнями и грязью, а на дверях писали непристойности и рисовали похабные картинки. Ван Цзякуань тоже относился к проигравшим, просто он этого не осознавал.

Как-то раз Гоуцзы заметил, что Ван Цзякуань стоит высоко на крыше дома Чжу Лин и под палящим солнцем помогает дядюшке Чжу переключать черепицу. Гоуцзы подумал, что дядюшка Чжу просто в очередной раз припахал к работе глухого. Он дал ему знак спуститься с крыши, после чего потащил его к дому Лао Хэя. Переживая, что не успел доложить черепицу, Ван Цзякуань оглядывался назад и просил Гоуцзы его отпустить. Он упирался изо всех сил, но Гоуцзы все-таки притащил его к Лао Хэю.

«Ты все приготовил?» – спросил Гоуцзы Лао Хэя. Тот подтвердил. Тогда Гоуцзы заломил Ван Цзякуаню руки, а Ян Гуан пригнул его голову и окунул в таз с горячей водой, словно курицу, которую собирались ощипать. «Что вы хотите сделать?» – заволновался Ван Цзякуань.

Гоуцзы и Ян Гуан насильно усадили мокрого Ван Цзякуаня на деревянный табурет, и тут же к нему с острой бритвой подошел Лао Хэй. «Мы тебя обреем, – сказал он, – чтобы твоя голова блестела словно лампочка в сто ватт, чтобы дома у Чжу Лин было ослепительно светло». Ван Цзякуань видел, как Гоуцзы с Ян Гуаном смеются и как его волосы клочками отлетают на землю.

Лао Хэй обрил Ван Цзякуаню половину головы и дал знак товарищам, чтобы они отпустили его. Ван Цзякуань потянулся к голове и, нащупав половину оставшихся волос, попросил: «Лао Хэй, обрежь меня до конца». Лао Хэй замотал головой. Тогда Ван Цзякуань с этой же просьбой обратился к Гоуцзы. Гоуцзы взял бритву и стал скрести по голове Ван Цзякуаня с такой силой, что было страшно слушать. «Больно», – пожаловался Ван Цзякуань. Тогда Гоуцзы передал бритву Ян Гуану. Ван Цзякуань увидел, как тот, озорно улыбаясь, подходит к нему, собираясь помочь товарищам. Ван Цзякуань испугался, что тот начнет орудовать бритвой так же, как Гоуцзы, а потому соскочил с табурета, вырвал бритву из его рук и убежал домой. Устроившись перед зеркалом, Ван Цзякуань сбрил оставшиеся волосы.

Когда он закончил со всем этим, солнце уже село за гору. Сверкая обритой головой, Ван Цзякуань снова полез на крышу дома дядюшки Чжу, чтобы продолжить работу. Гоуцзы и Ян Гуан, которые проходили мимо, громко закричали: «Эй ты, лампочка¹, уже скоро стемнеет, а ты все работаешь». Ван Цзякуань этого не услышал, зато прекрасно слышал дядюшка Чжу. Он швырнул сверху обломок черепицы, и тот просвистел над головой Гоуцзы, прогоняя его прочь.

Уже далеко за полночь дядюшка Чжу проснулся оттого, что его залило дождевой водой. Та протекла со стороны недоделанной крыши и словно ночной разбойник прокралась в темные комнаты. То, чего так опасался дядюшка Чжу, все-таки свершилось. Он вышел на улицу, поднял голову и уставился на черное, точно закопченное днище сковородки, небо. В тот же миг капли дождя, будто саранча, обрушились на его лицо. С крыши раздался чей-то голос: «Пакеты!» Казалось, что этот тонувший в шелесте дождя голос исходит откуда-то с небес.

Дядюшка Чжу распорядился, чтобы его домочадцы стали собирать пакеты и передавать их стоявшему на крыше. Туда был направлен свет всех фонариков. Прибежавшие по первому зову помощники принесли целую кучу пакетов, и оказавшийся на крыше человек, словно разноцветными заплатами, закрыл ими все дыры.

¹ Жарг. «третий лишний». – Здесь и далее примеч. пер.

Этим промокшим до костей спасителем, который остановил потоп, оказался глухой Ван Цзякуань. По чердачной лестнице он спустился вниз, и дядюшка Чжу пригласил его погреться у огня. Вскоре от Ван Цзякуаня пошел пар, казалось, он выходит прямо из его кожных пор.

Среди тех, кто подавал наверх пакеты, Ван Цзякуань узнал Чжан Фубао. Лао Хэй по-свойски погладил Ван Цзякуаня по голове и знаками ему объяснил, что Чжан Фубао спит с Чжу Лин. Ван Цзякуань, не поверив ему, замотал головой.

Народ начал расходиться, только Ван Цзякуань продолжал сидеть у огня, намереваясь полностью высушить одежду. Тут он заметил, что правый глаз Чжу Лин покраснел, словно от слез. Она без конца ему подмигивала, явно подавая какой-то знак. Наконец Чжу Лин встала и вышла за порог. Ван Цзякуань тут же последовал за ней. Он не слышал, что говорила Чжу Лин, но ему казалось, что этот разговор касается его. Между тем Чжу Лин обратилась к матери: «Мама, пока я подавала наверх пакеты, мне в глаза попала соринка, я пойду к Юаньюань, пусть она посмотрит, что там. Да и постель моя намокла, так что сегодня я буду ночевать у нее».

И тут Ван Цзякуань заметил, что за углом дома Чжу Лин кто-то поджидает. Посветив в его сторону фонариком, Ван Цзякуань узнал в этом человеке Чжан Фубао. Вместе эти двое дошли под дождем до коровника и спрятались там. Ван Цзякуань увидел, как в одной руке Чжан Фубао держал фонарик, а другой оттягивал веко правого глаза Чжу Лин и дул ей на глаз. Потом Чжан Фубао почти вплотную прильнул к ее глазу губами, а уже через секунду они и правда коснулись ее. Тут же, словно испутивший дух старик, свет фонаря погас, и Ван Цзякуаня обступила сплошная тьма. Все подмигивания Чжу Лин Ван Цзякуань расценил как приглашение на разговор, а та, оказывается, умышленно разыграла для него весь этот спектакль.

Дождь прошел, небо прояснилось, лысая черепушка Ван Цзякуаня, точно черпак из тыквы, колыхалась под свирепым солнцем. Он возненавидел себя, особенно свои уши. «У других уши как уши, а у меня невесть что», – подумал он. Тогда он схватил острую бритву, высоко занес ее левой рукой над головой и наотмашь отрезал себе правое ухо. «Мои уши только место зря занимают, так лучше их вообще скормить собакам», – решил он.

Наступила осень, с деревьев стали опадать крупные, размером с ладонь, листья. Опускаясь, они хлопали по земле, отчего по всей деревне то и дело раздавались звучные шлепки. Бесчисленные листья-ладошки покрывали собой все вокруг, они не собирались возвращаться назад, новые ладошки отрастут на ветках лишь следующей весной. «Листья хоть и опадают, через год появляются снова, а вот мои отрезанные уши больше не вырастут».

Ван Цзякуань воспылал к листьям такой любовью, что теперь стал с утра пораньше усаживаться под кленом, что рос на околице деревни. Алые листья опадали вокруг него, а он запускал в них руки и, словно курица, копался в них, внимательно наблюдая за движениями пальцев. «Что он там ищет?» – удивился Чжан Фубао.

Чжан Фубао заметил, что в сторону их деревни направляется человек, вскоре он разглядел в нем Ван Гуйлиня из соседней деревни. Подойдя к клену, Ван Гуйлинь спросил у Ван Цзякуаня, что тот ищет. «Ухо», – ответил тот. Ван Гуйлинь в ответ лишь усмехнулся: «Что же ты его ищешь? Твое ухо давно съели собаки, его уже не найдешь».

Когда Ван Гуйлинь снова подходил к деревне, Чжан Фубао, чтобы не быть замеченным, скользнул в придорожную рощу. «Заодно справлю нужду, – подумал он, – а там, может, Ван Цзякуань уже и уйдет». Однако когда Чжан Фубао, подвязывая штаны, вышел из рощи, Ван Цзякуань по-прежнему увлеченно рылся в листьях и, судя по всему, никуда уходить не собирался. «Вот гадкая курица», – чуть слышно ругнулся Чжан Фубао.

Тут Чжан Фубао обернулся в сторону деревни и заметил удаляющийся силуэт Чжу Лин. «Худо дело, – подумал он. – Наверное, когда я тут занимался своими делами, Чжу Лин успела подойти к клену, но, увидав там вместо меня Ван Цзякуаня, развернулась и пошла назад. Если Чжу Лин задержится еще на полчаса, мы не успеем на автобус до города».

Примерно через пять минут Чжан Фубао заметил своего ученика Лю Гофана, который несся со стороны дороги. На миг Лю Гофан остановился под кленом, подобрал три листочка и снова побежал в деревню. Гулкие звуки шагов Лю Гофана резко отдавались в груди Чжан Фубао. От волнения он не находил себе места.

Когда Чжу Лин узнала от Лю Гофана, что под кленом сидит только Ван Цзякуань, она тотчас поменяла свои планы. Сначала у нее была договоренность с Чжан Фубао, что она встретится с ним под кленом в девять часов утра, после чего они вместе поедут в больницу. Но едва она вышла за пределы деревни, как увидела приближающегося Ван Гуйлиня. Она решила, что тот наверняка столкнулся под деревом с Чжан Фубао и теперь, увидев ее, может распустить ненужные слухи. «Будет лучше, если я постараюсь избежать встречи с ним, иначе что он подумает, встретив сначала Чжан Фубао и тут же меня?» Рассудив таким образом, Чжу Лин повернула домой.

Для пущей безопасности Чжу Лин привлекла к своим планам Лю Гофана, который пробежал мимо ее дома. Она попросила его принести ей три листочка с клена, что рос на околице деревни. Лю Гофан, доставив ей три алых листочка, заодно сообщил, что под кленом сидит глухой Ван Цзякуань и что-то там ищет. «Там был кто-нибудь еще?» – уточнила Чжу Лин. Лю Гофан, помотав головой, ответил: «Нет».

Упустив возможность съездить в город, Чжу Лин стала вспыльчивой и тревожной. Ее внимательная мать Ян Фэнчи вдруг заметила, что уже давно не видела, чтобы Чжу Лин стирала свои прокладки. Тогда Ян Фэнчи решила пощупать живот своей дочери. Едва она протянула к ней руку, как тут же, одернутая криком Чжу Лин, отпрянула. Материнские руки первые раскрыли тайну о беременности Чжу Лин.

Каждый день народ видел, как Ван Цзякуань выходит из деревни в поисках своего уха и каждый раз возвращается с пустыми руками. Это длилось с полмесяца, пока люди не обратили внимание, что Ван Цзякуань направляется в деревню, ведя за собой красивую девушку.

На ее правом плече болталась черная кожаная сумка, набитая кисточками всевозможных размеров. Подходя к деревне, Ван Цзякуань снял сумку с ее плеча и перевесил на свое. Девушка приветливо улыбнулась и стала что-то рисовать в воздухе. Ван Цзякуань догадался, что она его благодарит.

На околице один за другим стали собираться зеваки, они появлялись так же неожиданно, как выскакивающие из земли ростки бамбука. Такое внимание к его персоне порадовало Ван Цзякуаня. Но больше всего он был доволен поведением девушки. «Как она догадалась, что я глухой? – задавался вопросом Ван Цзякуань. – Когда я забирал у нее сумку, она вместе со словами благодарности стала говорить со мной жестами. Ведь мы с ней впервые встретились, как она узнала, что я глухой?»

Из доносившихся с улицы разговоров Ван Лаобин понял, что к его дому вместе с какой-то немой девушкой приближается Ван Цзякуань. Вскоре он услышал, как открываются ворота и сквозь этот скрип раздается голос Ван Цзякуаня: «Отец, я привел девушку, которая продает кисти. Она очень красивая, красивее, чем Чжу Лин». Ван Лаобин стал двумя руками искать опору, чтобы встать, но Ван Цзякуань тут же усадил его обратно на табурет. «Из каких ты мест будешь, девушка?» – спросил ее Ван Лаобин, но ответа так и не дождался.

Между тем девушка достала из сумки листок бумаги и потрясла им перед собой. Ван Цзякуань заметил, что его уголки уже пообтрепались и весь он был испещрен иероглифами разной величины. «Отец, глянь, она показывает листок с иероглифами, посмотри, что тут написано?» Тут Ван Цзякуань поднял голову, увидел, что отец никак не реагирует, и только тут вспомнил, что тот слепой. «Жаль, что ты не можешь этого увидеть, – сказал Ван Цзякуань, – ее иероглифы похожи на весенние листочки, прямо загляденье».

Ван Цзякуань помахал в сторону ворот, и появившиеся невесть откуда зеваки со всех сторон повалили во двор. Сквозь нестройный галдеж Ван Лаобин различал женские, мужские, взрослые и детские голоса. Он также услышал, как они читали написанное на листке:

«Меня зовут Цай Юйчжэнь, я занимаюсь продажей кистей. Большие – 5 юаней, маленькие – 2,5 юаня, средние – 3,5 юаня. Сейчас в городах кисточками уже не пишут, там перешли на компьютеры и ручки, поэтому я продаю кисточки в деревнях. Я немая, сделайте одолжение, купите одну-две кисточки для своих деток, буду очень благодарна за помощь».

Кто-то спросил, сама ли она это написала. Она отрицательно помотала головой. Потом девушка стала передавать кисточки деревенским. Но те, глядя на них словно на оружие, медленно попятились назад. Девушка шаг за шагом подступала к ним все ближе. Ван Лаобин услышал, как народ начал расходиться, и про себя подумал: «Словно прибитые мухи, пожужжали и пропали».

Выбрав дом Ван Цзякуаня в качестве опорного пункта, Цай Юйчжэнь стала ходить по ближайшим деревням, предлагая свой товар. Но куда бы она ни приходила, всех сдувало от нее, словно ветром. Ею и ее кисточками интересовались только охочие до слабого пола мужики да некоторые подростки. Мужики в одну руку брали кисточку, а другой начинали поглаживать пылающие щеки Цай Юйчжэнь. При этом на стоявшего рядом Ван Цзякуаня никто не обращал никакого внимания. С ним не считались, ведь он был просто глухим, который увязался за Цай Юйчжэнь будто собачка. Погладив Цай Юйчжэнь, они, словно наевшись и напившись досыта, отходили от нее, так ничего и не купив. Ван Цзякуань про себя размышлял: «Если я не буду ходить вместе с ней, ее не только будут гладить по лицу, но станут хватать за грудь, а то и снасильничают».

Ван Цзякуань сопровождал Цай Юйчжэнь семь дней, за это время они продали десять кисточек. Теперь за пазухой Цай Юйчжэнь лежали мелкие засаленные купюры.

Осеннее солнышко медленно клонилось к горизонту. Ван Цзякуань пропустил Цай Юйчжэнь вперед, а сам вдыхал исходящий от нее аромат. Солнце светило им в спины, его тень наложилась на ее тень. Тут он заметил, что к ее штанам налипли кусочки глины, которые теперь покачивались в такт ее движениям. Это настолько взбудоражило Ван Цзякуаня, что он решил во что бы то ни стало ущипнуть ее за мягкое местечко. «Раз это можно другим, почему нельзя мне?» – подумал он. Размечтавшись, Ван Цзякуань неожиданно услышал отзвуки гонгов и барабанов. Он огляделся по сторонам поля, но никого не заметил. Между тем звуки все нарастали, казалось, они вот-вот разорвут его грудь. Наконец до него дошло, что эти звуки исходили изнутри – то колотилось его сердце.

Ван Цзякуань решительно протянул к Цай Юйчжэнь правую руку, но девушка подскочила и устремилась вперед. «Ты скользкая словно рыбка», – заметил Ван Цзякуань. Девушка стала шагать осмотрительнее и быстрее. Так они и шли перебежками, то и дело похихикивая.

Их пересмешки прервали две собаки, которые, пристроившись у обочины, занимались случкой. Боясь спугнуть животных, они убавили шаг. На Цай Юйчжэнь вдруг обрушилась усталость, ее ноги словно приросли к земле. Она тут же уселась и с вождением устала на собак, а те, словно учителя, никуда не торопясь, преподавали им свой урок. Лучи заката падали на их шерсть, на бескрайних поросших травой откосах царила полная тишь. Собаки, настороженно глядя вперед, слаженно покачивали восемь лапами, отчего лежавшие под ними листья издавали чуть слышное шуршание. Цай Юйчжэнь услышала необычное всхлипывание собак, ее это очень возбудило. Под эти самые звуки Ван Цзякуань и увлек ее в рощу.

Под телом Цай Юйчжэнь сухие ветки и опавшие прелые листья издавали упоительный аромат, Ван Цзякуаню казалось, что от него можно захмелеть. Ван Цзякуань увидел, что Цай Юйчжэнь открывает рот, словно что-то пытается ему сказать. «Убей меня», – повторяла Цай Юйчжэнь. При этом она испугалась сама себя. «Я научилась разговаривать, – подумала она, –

как такое может быть?» А может, эти слова так и не вылетели из ее рта, и это ей всего лишь показалось?

Между тем собаки, закончив свое дело, подобрались поближе. Цай Юйчжэнь увидела, как они равнодушно облизываются. Расположившись недалеко от них, собаки смотрели в их сторону. словно приободрившись под их взглядами, Ван Цзякуань вдруг осмелел. Тут он заметил, как Цай Юйчжэнь изменилась в лице и из ее глаз струйками потекли слезы.

Этой ночью Ван Цзякуань так и не вернулся домой, и Ван Лаобин понял, что тот остался ночевать с немой девушкой.

Даже до туалета Чжу Лин теперь сопровождала ее мать Ян Фэнчи. Вопрос, от кого забеременела Чжу Лин, поджидал девушку на каждом углу. Голос матери кружился над ее головой, словно рой навязчивых пчел, от которых было не спрятаться, не скрыться. словно тонкая бамбуковая плеть этот голос стегал ее то по рукам, то по спине, то по ногам. Чжу Лин казалось, что все ее тело превратилось в натянутую струну, что в нем не осталось ни одной клетки, которую можно было бы расслабить.

Чжу Лин боялась говорить и решила, что если будет молчать, словно немая Цай Юйчжэнь, то мать со своими бесконечными вопросами от нее отстанет. Ведь немые не отягощены грузом слов, а потому спокойно плывут по течению.

Между тем Ян Фэнчи, пытаясь вывести дочь на разговор, показывала ей детские вещишки. Чжу Лин молчала, а мать начинала причитать: «Внучок – это так прекрасно, как можно даже помышлять об аборте? Я едва погладила твой живот, сразу поняла, где у него носик, ротик, ножки, даже „петушок“ его нащупала. Ты только назови, кто это сделал, и мы сразу заставим его признать отцовство». Ян Фэнчи избрала тактику, прямо противоположную тактике Чжу Лин.

Даже малые дети могли разглядеть, что Чжу Лин беременна. Она не решалась выходить за порог. Как-то раз, когда в школе был перерыв на обед, несколько учеников, проходя мимо ее дома, прильнули к двери и стали через щелку подглядывать за Чжу Лин. Она напонила им запертого в клетке неуклюжего медведя, который беспокойно бродил туда-сюда, не находя себе места. Наблюдение через щелку за чужой жизнью подарило детям такие острые ощущения, что они забыли про обед и оторвались от двери лишь тогда, когда заметили проходивших мимо Ван Цзякуаня и Цай Юйчжэнь.

Раззадоренные увиденным, школьники решили выкинуть что-нибудь эдакое, поэтому, обступив Ван Цзякуаня, они закричали: «Ван Цзякуань – хулиган, трахнул девку и сбежал!»

Цай Юйчжэнь наблюдала, как дети орали и скакали вокруг Ван Цзякуаня, бросаясь в него грязными словечками, словно камнями или рваными туфлями. А тот лишь улыбался да прыгал, подстраиваясь под их ритм. Поскольку он ничего не слышал, все их унижительные реплики нисколько его не задевали. Чем сильнее глумились над ним дети, тем сильнее входил в раж Ван Цзякуань, на его лице даже выступили капельки пота. Наконец, потеряв остатки терпения, Цай Юйчжэнь пригрозила детям кулаком. Те отбежали подальше, а Ван Цзякуань отправился вместе с ней домой. Но едва они прошли несколько шагов, как школьники снова их обступили и, дразнясь, закричали: «Цай Юйчжэнь немая, выйдет за глухого и родит ребенка глухонемого».

Цай Юйчжэнь развернулась и побежала за главным зачинщиком, но не успела его догнать, кто-то попал в нее камнем, и она рухнула на дорогу. Камень угодил ей прямо в нос, из него упало несколько капель крови. Ползая по земле, она что-то неистово кричала обидчикам, но изо рта у нее не вылетало ни звука.

Ван Цзякуань подал ей руку и пошутил, что она сует свой нос куда не следует. Цай Юйчжэнь подумала: «Хорошо Ван Цзякуаню, он ничего не слышит, ничто его не ранит, а у меня и душа ноет, и нос разбит».

Под руководством главных зачинщиков ряды желающих подглядывать за Чжу Лин заметно пополнились. Школа находилась в трехстах с лишним метрах от ее дома, поэтому, едва настала перемена, ребята помчались туда. Чжан Фубао попробовал их задержать, но его сбили с ног. В порыве гнева он взял и отчислил четырех заводил, так им и сказал: «Впредь вам запрещается ступать даже на порог школы».

Пришла зима, Чжу Лин вышла из заточения. Она нарядилась во все яркое и теперь выглядела еще более неповоротливой. Прохаживаясь от дома к дому, каждому встречному она сообщала, что выходит замуж. А когда ее спрашивали: «За кого?», отвечала: «За Ван Цзякуаня». Когда кто-то обмолвился, что Ван Цзякуань вроде как живет с Цай Юйчжэнь, она ответила: «Жить вместе не означает быть замужем. Между ними нет любви, поэтому супружеством это называть нельзя».

Многие за глаза судачили, что Чжу Лин потеряла всякий стыд. На ее счастье Ван Цзякуань был глухим, вот она над ним и издевалась, но будь на его месте другой, ей бы не удалось разыграть такой спектакль.

За одну ночь в деревне распустились все персиковые деревья. Кроваво-алые цветы, казалось, даже пахнут, как кровь. Сидевший на пороге Ван Лаобин удивился: «Чую, запахло цветами персика. Что это они так рано распустились? Еще Новый год не отметили, а уже все в цвету».

Фотограф Чжао Кайин, который круглый год подрабатывал в горных районах, подошел к Ван Лаобину и спросил: «Будешь фотографироваться?» – «Судя по голосу, – откликнулся Ван Лаобин, – ты мастер Чжао. Снова к нам пришел. Обычно ты приходишь в нашу деревню как раз за несколько дней до праздника, какая точность. Ты вот спрашиваешь меня, буду ли я фотографироваться, а на кой мне это теперь? Прошлой зимой я тебя еще видел, а этой – уже нет. Так что фотографировать меня дело пустое. Лучше иди фотографируй молодежь: Лао Хэя, Гоуцзы, Чжу Лин. Они каждый год просят сделать по несколько снимков. Мастер Чжао, да ты присаживайся. А то я все болтаю, даже забыл тебя усадить. Мастер Чжао, ты уже пошел? Почему даже не присел?»

Пока Ван Лаобин продолжал говорить с Чжао Кайином, тот уже был далеко. За ним увязалась толпа деревенских детей и нарядно одетых взрослых. Цветы персика распустились словно специально для Чжу Лин. Взяв с собой фотографа, она бродила по персиковой роще, а красные лепестки, словно снег, оседали на ее волосах и одежде. Ее лицо пылало от волнения, его словно подкрасили этими самыми лепестками. «Чжу Лин, замри, – скомандовал Чжао Кайин, – этим аппаратом я даже твой жар сфотографирую». – «Мастер Чжао, – откликнулась она, – раз уж взялся меня фотографировать, так сделай больше тридцати снимков, изведи на меня всю пленку».

Заливистый смех Чжу Лин и ее пунцовые щеки так и запечатлелись на фоне цветущих в тот год персиков, и даже потом, когда деревенские смотрели на персиковые деревья, им вспоминалась Чжу Лин.

Закончив фотографироваться, Чжу Лин заявила в дом к Ван Цзякуаню. Это было впервые с тех пор, как сильный ливень залил их дом. Чжу Лин выглядела несколько уставшей, едва переступив порог, она пошла и улеглась прямо на кровать Ван Цзякуаня. Она заснула так же запросто, словно была у себя дома. Немного погодя ее храп услышала Цай Юйчжэнь.

Не в силах выносить ее похрапывание, Цай Юйчжэнь растолкала Чжу Лин и стала махать в сторону окна. Чжу Лин подумала, что та выгоняет ее на улицу, мол, катись отсюда. Чжу Лин на это ответила: «Это моя кровать, а ты возвращайся туда, откуда пришла». Слова Чжу Лин нисколько не напугали Цай Юйчжэнь, она со всего размаха шлепнулась на кровать, которая еще долго раскачивалась и нещадно скрипела. Она думала, что этим невыносимым звуком обратит Чжу Лин в бегство.

В свою очередь Чжу Лин решила одолеть Цай Юйчжэнь словами, ведь та могла лишь слышать, но при этом не разговаривала. Чжу Лин заявила: «Я ношу ребенка Ван Цзякуаня. Я с ним начала спать еще два года назад. Мы не знаем, откуда ты явилась, но жить здесь дальше ты не можешь». Цай Юйчжэнь в ответ встала с кровати и, расплакавшись, выбежала вон. Вскоре Чжу Лин увидела, что Цай Юйчжэнь пихает в комнату Ван Цзякуаня. «Хороший ты человек, Цзякуань, – вдруг сказала Чжу Лин, – тебе прекрасно известно, от кого у меня ребенок, но ты меня никому не выдал. И сегодня я пришла тебе поклониться».

Увидав, что лежавшая в постели Чжу Лин прикоснулась головой к краю кровати, Ван Цзякуань решил, что она хочет остаться у него дома. Чжу Лин никак не ожидала, что в эту самую секунду все ее прекрасные мечты возьмут и лопнут. «Это ребенок Чжан Фубао, зачем ты пришла ко мне? – спросил Ван Цзякуань. – Уходи, а если не уйдешь, я всем расскажу правду». – «Умоляю тебя, никому не говори, особенно моей маме, – тут же откликнулась Чжу Лин. – Я лучше умру, чтобы всем вам жилось спокойнее».

С этими словами Чжу Лин вытащила ноги из-под одеяла и опустила их на пол. Она долго шарила под кроватью, прежде чем нашла свои туфли. Слова Ван Цзякуаня оказали чудодейственное влияние. Чжу Лин попробовала подняться, но, сделав несколько попыток, так и не смогла разогнуть свою тушу. Ван Цзякуань подошел к ней и помог приподняться. Чжу Лин сказала: «Я – глухая, я ничего не слышала, я никого не боюсь».

Между тем Цай Юйчжэнь хорошенько запомнила те слова, что Чжу Лин сказала Ван Цзякуаню, пытаясь замять ситуацию. А сказала она, что лучше умрет, чтобы всем жилось спокойнее.

Цай Юйчжэнь увидела, как Чжу Лин взяла веревку и пошла в персиковую рощу за деревней. На землю опускались сумерки, лишь на вершине горы задержался отблеск вечерней зари. На веревке, которую сжимала в руке Чжу Лин, Цай Юйчжэнь заметила красный отсвет, казалось, что ее разукрасило заходящее солнце или цветы персика. «Еще днем она здесь фотографировалась, а вечером решила здесь же покончить с собой», – подумала Цай Юйчжэнь.

Неожиданно Чжу Лин обернулась и увидела, что за ней идет Цай Юйчжэнь. Чжу Лин подобрала с земли камень и швырнула в Цай Юйчжэнь. «Что ты увязалась за мной, словно собака? Может, хочешь отведать моих какашек?» – накинулась она на Цай Юйчжэнь. Та, услышав ее брань, отступила и, немного поколебавшись, опрометью побежала домой к Чжу Лин.

Дядюшка Чжу в это время как раз подметал двор, подняв такой столб пыли, что та накрыла его с головой. Цай Юйчжэнь, сомкнув руки вокруг своей шеи, стала показывать ему на комнатную балку. Но дядюшка Чжу ничего не понял и, раздраженный, что ему мешают работать, стал злиться. Грудь Цай Юйчжэнь разрывалась от боли, словно ее безжалостно полоснули чьи-то когти. Она схватила висевшую на стене веревку, обмотала ее вокруг своей шеи, встала на носочки и вытянулась в струнку. «Хочешь повеситься? – спросил ее дядюшка Чжу. – Тогда возвращайся в свой дом и вешайся». С этими словами он огрел ее метелкой по заду и выгнал за ворота.

Через какое-то время Ян Фэнчи пошла искать свою дочь по соседям. Цай Юйчжэнь, слыша ее тревожные крики, не находила себе места. Она показывала ей в сторону персиковой рощи, без конца рисуя в воздухе петлю. Тогда дядюшка Чжу связал все ее неразборчивые жесты воедино и понял, что дело плохо.

Огни факелов, похожие на редкие звезды, рассеялись по задней стороне горного склона, повсюду слышались голоса, выкрикивающие имя Чжу Лин.

На пятый день рано утром Чжан Фубао по заведенному порядку пошел к колодцу возле школы, чтобы набрать воды. Неожиданно его ведро уперлось в какой-то плавающий предмет, а из колодца повеяло странной вонью. Принеся из дома фонарик, он осветил им в колодец и

увидел тело Чжу Лин. Чжан Фубао тут же вывернуло наизнанку. Остальные деревенские, не считаясь с трудностями, предпочитали пройти чуть дальше, чтобы набрать воду для хозяйства из маленькой речушки, поэтому колодцем возле школы пользовались только Чжан Фубао с его женой. Прошло уже пять дней, как Чжу Лин бросилась в колодец, и все это время они пили оскверненную воду.

В то утро уроки в школе отменили. Следующие несколько дней Чжан Фубао по-прежнему не мог избавиться от мыслей о трупе. Школьники видели, что на уроках его постоянно тошнит. Жена Чжан Фубао, Яо Юйпин, выbleвала почти всю желчь и теперь ослабла так, что у нее не было никаких сил стоять за кафедрой.

Пришла весна, и Чжао Кайин принес в деревню сделанные в прошлом году фотографии. Держа в руках пачку изображений Чжу Лин, он пошел за деньгами к Ян Фэнчи. «Чжу Лин умерла, – сказала та, – если нужны деньги, спрашивай с нее». Получив от ворот поворот, Чжао Кайин приготовился уже бросить фотографии в огонь, но Ван Цзякуань его остановил, сказав, что выкупит все фотографии до единой.

С крыши дома, где жил Ван Цзякуань, стали доноситься странные перекатывающиеся звуки, похожие на порывы ветра или мышиную возню. Эти звуки появлялись в глубокой ночной тишине в одно и то же время, уже несколько дней подряд Цай Юйчжэнь находилась в их плену. Ей очень хотелось взять лестницу и залезть на крышу, чтобы выяснить, что это, но крошечная тьма нагоняла на нее страх.

Днем она забралась на стоявшее за домом персиковое дерево и внимательно осмотрела крышу, однако ничего, кроме серых неровных кусков черепицы да солнечных бликов, там не обнаружила. Убедившись, что крыша пуста, она решила, что больше подобных звуков по ночам не будет. Однако в положенный срок, едва Цай Юйчжэнь провалилась в сон, ее снова пробудили странные звуки. Лежа с открытыми глазами, она дождалась рассвета и, полная решимости разгадать тайну, снова полезла на дерево. Цай Юйчжэнь изучила чуть ли не каждую черепицу, но источника звука так и не нашла. «Может быть, у меня что-то с ушами?» – подумала она.

Между тем эти звуки угнетали и Ван Лаобина. Поначалу он старался к ним привыкнуть. Потеряв сон, он просто усаживался на краю кровати и ночь напролет дымил трубкой да мочился в стоявшее рядом ведро. Но мало-помалу Ван Лаобин стал терять над собой контроль. Эти звуки, словно пила, вонзались в его мозг. «Если я сейчас же не усну, то просто сойду с ума», – подумал он и, собрав всю волю в кулак, улегся в постель. Но уже через несколько минут он снова поднялся и, потянувшись к стоявшему в изголовье светильнику, свалил его на пол. После грохота разбившегося вдребезги светильника на некоторое время установилась полная тишина, но вскоре странный звук вернулся и снова стал изводить Ван Лаобина.

Тогда Ван Лаобин принялся шуметь сам, чтобы прогнать навязчивый звук. Он взял курительную трубку и стал стучать ею о край кровати на манер барабанной колотушки. Он действовал, словно неустомимый дятел, чем добавил неудобств Цай Юйчжэнь, которая точно так же, как и он, не могла уснуть.

Вскоре дятел успокоился: Ван Лаобин сменил тактику и принялся болтать, причем без умолку. Наконец Цай Юйчжэнь услышала, как его бессвязное бормотание затихло, сменившись храпом. Этот звук показался ей сладким, словно аромат вожденной пищи для оголодавшего.

Однако звуки с крыши никуда не исчезли. Цай Юйчжэнь посветила фонариком в сторону чердака, но, кроме подпорок для черепицы и досок, ничего там не увидела. Тут ей показалось, что с крыши звуки переместились вниз и спрятались в шкафах. Одну за другой она стала открывать дверцы всех шкафов, но так ничего и не нашла. От шорохов пробудился только что уснувший Ван Лаобин. «Тебе жить надоело? Я с таким трудом уснул, а ты меня снова разбу-

дила», – недовольно проворчал он. В это время вдруг наступила удивительная тишина. Цай Юйчжэнь нерешительно топталась на месте, изо всех сил стараясь больше не шуметь.

Тут Цай Юйчжэнь услышала, что Ван Лаобин подзывает ее к себе. «Иди-ка сюда, помоги мне подняться, пойдем вместе поищем, что это за звуки и где они прячутся», – сказал он. Цай Юйчжэнь толкнула Ван Цзякуаня, но тот перевернулся на другой бок и продолжил спать. Тогда она подошла к кровати Ван Лаобина, помогла ему подняться, и они вместе вышли из дома. В ночной тьме гулял сильный ветер.

Постояв перед дверью и хорошенько прислушавшись, они решили, что странные звуки раздавались из-за дома. Они направились в ту сторону и вошли в персиковую рощу, что росла на заднем склоне горы. И тут Цай Юйчжэнь увидела Ян Фэнчи: та стояла на коленях под персиковым деревом и деревянной палочкой била по дну перевернутой фарфоровой чашки, она и издавала эти пронзительные звуки. Луч фонарика был направлен прямо на Ян Фэнчи, но она, ничего не замечая, крепко закрыв глаза и сомкнув губы, продолжала что-то бормотать себе под нос. Цай Юйчжэнь и Ван Лаобин слышали, как Ян Фэнчи проклинает Ван Цзякуаня. Она говорила, что Ван Цзякуань довел до смерти Чжу Лин, и пророчила ему мучительную смерть и гибель всей его семьи.

Цай Юйчжэнь со злобой пнула фарфоровую чашку, и та отлетела на приличное расстояние. Ян Фэнчи, открыв глаза, увидела яркий свет и в испуге чуть ли не на карачках побежала вон из рощи. «Она помешалась, – сказал Ван Лаобин, – мертвых допрашивать бесполезно, вот она и поливает Цзякуаня. От нищеты и голода мы не помрем, а вот во всей этой грязи можем и утонуть. Лучше нам переехать, и как можно дальше».

Ван Цзякуань, поддерживая Ван Лаобина, перешел небольшую речушку и стал карабкаться на противоположный берег. Цай Юйчжэнь, взвалив на плечо мотыгу и лопату, следовала за ними. Напротив их деревни по ту сторону речки находилось кладбище. За исключением праздника Цинмин², народ сюда приходил редко. Ван Лаобин пересек реку и, ориентируясь по памяти, направился к могиле своего деда Ван Вэньчжана. Этот отрезок пути дался ему уверенно и легко, словно он и не был слепым. Ван Цзякуань не понимал, зачем Ван Лаобин привел его сюда.

«Отец, что ты собираешься делать?» – спросил Ван Цзякуань. «Мы раскопаем могилу твоего прадеда и устроим здесь новый дом», – откликнулся Ван Лаобин. Цай Юйчжэнь стала изображать Ван Цзякуаню, как копают землю, и тот подумал, что отец решил подправить место погребения прадеда.

Ван Цзякуань подравнял с боков могильный холмик Ван Вэньчжана, выдернул из него сорняки, но Цай Юйчжэнь стала показывать ему мотыгой, что могилу следует разрыть. Ван Цзякуань побелел от страха, увидав, как от мотыги Цай Юйчжэнь отваливаются комки и как в одно мгновение холмик наполовину разрушился. Он с серьезным видом отобрал у Цай Юйчжэнь мотыгу, взял лопату и стал методично приводить могилу в порядок.

Ван Лаобин, который перестал слышать характерные звуки раскопок, обратился к Цай Юйчжэнь:

– Почему перестала работать? Здесь хорошая почва, устроим наше новое жилище прямо здесь. Когда умер мой дед, я уже кое-что смыслил. Я видел, что вместе с дедом закопали две фарфоровые вазы, они старинные и стоят де нег, их надо выкопать. Копай же! Тебе, наверное, Цзякуань не разрешает? Так пусть посмотрит на меня.

С этими словами Ван Лаобин стал изображать, как работает лопатой. Его движения были решительными и твердыми и выглядели как приказ.

² Букв.: «праздник чистого света» – день поминовения усопших, чаще всего выпадает на 5 апреля.

– Отец, ты просишь меня раскопать могилу? – догадался Ван Цзякуань. Ван Лаобин утвердительно закивал.

– Зачем? – спросил Ван Цзякуань.

– Копай, – откликнулся Ван Лаобин.

Тогда Цай Юйчжэнь подняла с земли мотыгу и передала ее Ван Цзякуаню. Но, вместо того чтобы взять ее, он присел у воды и уставился на деревню за речкой и на черепичный карниз их дома. Он смотрел, как над каждым жилищем поднимался дымок, отчего утреннее небо подернулось синевой. Кто-то выходил из деревни пасти скотину. Чья-то курица взлетела на крышу дома Лю Шуньчана и теперь горделиво расхаживала то в одну, то в другую сторону.

Ван Цзякуань обернулся и увидел, что у могилы уже отхвачен целый угол, рядом лопата за лопатой ложилась сырая земля. Цай Юйчжэнь напоминала муравья, пристроившегося у огромной хлебной лепешки. Ван Лаобин нащупал лежавшую на земле мотыгу, медленно поднял ее и так же медленно опустил. Мотыга ударилась о булыжник и, отскочив, чуть не оттяпала ему ногу. Ван Цзякуань убедился, что решение раскопать захоронение было принято окончательно и бесповоротно. Тогда он взял у отца мотыгу и, крепко закрыв глаза, вонзил ее в могильный холм. Он делал это против своей воли, поэтому предпочел закрыть глаза. Ему казалось, что если бы отец не ослеп, то не стал бы разрушать это святое место, где они молились и отбивали поклоны.

Они продолжали трудиться полдня, пока холм не сровнялся с землей, но ни гроба, ни костей так и не обнаружили. Ван Цзякуань объявил, что в могиле ничего нет. Это чрезвычайно поразило Ван Лаобина. Он потрогал выкопанную землю, взял в руки комок, приложил к носу и несколько раз его понюхал. «Я своими глазами видел, как хоронили деда, – подумал он, – видел, как в гроб положили две красивейшие вазы, куда же все могло пропасть, причем вместе с телом?»

Близился конец лета. Ван Цзякуань и Цай Юйчжэнь выстроили на противоположном берегу небольшой глинобитный дом из двух комнат. Старый дом они разобрали, а черепицу с крыши перенесли на другую сторону реки. Так что теперь их прежнее жилище стояло под солнцем совершенно незащищенное.

В день переезда Ван Цзякуань выбросил кучу всякого старья. Он разломал старый залитый маслом алтарь, расколол в щепки несколько тяжелых ящиков. Ко всем этим вещам он испытывал какое-то отвращение. Словно путник, собравшийся в дальнюю дорогу, он решил отправиться налегке, поэтому взял с собой лишь самое необходимое.

Разбираясь с кроватью отца, он обнаружил под ней две изящные фарфоровые вазы. Он собрался их выбросить, но Цай Юйчжэнь его остановила. Протерев вазы полотенцем, она передала их Ван Лаобину. Тот, едва прикоснувшись к вазам, изменился в лице. «Это же они, именно их я искал. Я точно видел, как их положили в гроб деда, откуда они могли взяться?» Те, кто помогал им переезжать, стали объяснять, что эти вазы Ван Цзякуань вытащил из-под кровати. Но Ван Лаобин никак не желал в это поверить.

Выпрямив спину, Ван Лаобин сидел на солнышке, не выпуская вазы из рук, пока мимо него, словно растаскивающие припасы муравьи, сновали люди. Уставившись в сторону опустевшего дома, он смеялся во весь рот, когда слышал рядом чьи-то шаги.

В тот вечер семейство Ван Лаобина окончательно покинуло старое жилище. Когда все помощники разошлись, Ван Цзякуань зажег факел от старого очага, и из глаз его полились слезы. Взяв факел, он пошел впереди, Ван Лаобин и Цай Юйчжэнь следовали за ним. Ван Лаобин прижимал к себе две фарфоровые вазы, а Цай Юйчжэнь осторожно поддерживала Ван Лаобина.

Перейдя через небольшой деревянный мостик, Ван Лаобин попросил Цай Юйчжэнь остановить Ван Цзякуаня, чтобы все они как следует вымыли в реке ноги. «Хорошенько обмойте ноги, чтобы смыть всю грязь, все зловония, все, что было в прошлом», – сказал Ван Лао-

бин, и при свете огня шесть ступней погрузились в воду. Цай Юйчжэнь заметила, с каким остервенением Ван Цзякуань принялся тереть подошвы, казалось, он собирался избавиться от всех мозолей и натоптышей.

Деревенские стояли на порогах своих домов и провожали взглядами эту троицу, пока та переходила через реку. Факел в руках Ван Цзякуаня напоминал блуждающий фосфорический огонь, который безмолвно в одиночестве перемещался на противоположный берег. Церемония переезда завершилась, когда вспыхнул новый очаг. Соседи, прожившие вместе с Ван Лаобином не один десяток лет, наблюдали, как из деревни уходит тот, кто прежде всегда был рядом.

Как-то раз в осенний полдень Лю Шуньчан возвращался с горы с полной корзиной лекарственных трав. Он вывалил их у реки и стал тщательно промывать. Речная водица, словно торопливый путник, просачивалась сквозь его пальцы. По поверхности, покачиваясь, плыли пожелтевшие листья и сухие травинки. Тут его взгляд оторвался от воды и остановился на глинобитных стенах хижины Ван Лаобина.

Он заметил, как семейство Ван Лаобина покрывает крышу черепицей. Когда Ван Лаобин переезжал на другой берег, дом был готов лишь на две трети. Лю Шуньчан еще уговаривал его не спешить и подождать, пока работы будут закончены. Однако Ван Лаобин перебрался на другой берег так торопливо, словно убегал от кредиторов, так что теперь в свободное время они достраивали свое жилище.

Цай Юйчжэнь, расположившись под карнизом, брала черепицу из общей кучи, стоявший на лестнице Ван Лаобин принимал эту черепицу, а Ван Цзякуань ее укладывал. Черепица переходила из рук в руки, пока не оказывалась на самом вершине. Эти трое понимали друг друга без слов, они нацелились в будущее и не замечали своей ущербности и слабости. То и дело Ван Цзякуань из переданной наверх черепицы отбраковывал обломанную, некоторые бросал прямо в реку. Лю Шуньчан видел, как над водой летят брызги, сам шум до него не долетал. Это был беззвучный полдень, солнце неспешно перекатывалось по реке. Семейство Ван Лаобина трудилось, непрерывно нагибаясь и поднимая руки, с их стороны не доносилось ни единого звука. При взгляде на них Лю Шуньчану вдруг представилось немое кино, ему показалось, что он словно и сам вдруг потерял слух. Действуя в полной тишине, эти трое напоминали ему обитателей потустороннего мира или нарисованных человечков. Озаренные солнечными лучами, они двигались легко, словно призраки.

Тут Лю Шуньчан увидел, как на макушку Цай Юйчжэнь сверху упал кусок черепицы и раскололся на несколько частей. Девушка обхватила голову руками и, согнувшись, присела на корточки. Лю Шуньчан решил, что у нее наверняка пошла кровь, и крикнул им: «Лаобин, как там голова у Цай Юйчжэнь? Может, мне подойти и приложить лекарство?» Но ответа не последовало, словно Лю Шуньчана никто не услышал.

Ван Цзякуань спустился и, посадив Цай Юйчжэнь на закорки, понес ее к реке, где стал смывать кровь с ее лица. Лю Шуньчан крикнул: «Цай Юйчжэнь, как дела?» Но Ван Цзякуань и Цай Юйчжэнь по-прежнему не откликнулись. Лю Шуньчан подобрал лежавший у его ног камешек и бросил его в реку. Ван Цзякуань лишь мельком взглянул на брызги и пошел в заросли за лечебной травой. Сорванную траву он как следует пережевал, после чего выплюнул получившуюся кашу в правую руку и размазал по ране Цай Юйчжэнь.

Цай Юйчжэнь снова взобралась на спину Ван Цзякуаня, и он понес ее назад. Хотя тропинка поднималась наверх, Ван Цзякуань шел, подпрыгивая на ходу, и казался таким счастливым, словно нес свою невесту. В какой-то момент он играючи уронил Цай Юйчжэнь на землю, и та стала колотить его кулачками, желая вырваться и убежать вперед. Но Ван Цзякуань расставил руки, преграждая ей путь. Тогда Цай Юйчжэнь пришлось уцепиться за его плечи и продолжить путь, подпрыгивая вместе с ним.

Сделав несколько шагов, Ван Цзякуань вдруг обернулся и схватил Цай Юйчжэнь в охапку. Та, словно листок бумаги, легко приподнялась над землей и оказалась в объятиях Ван Цзякуаня. Ван Цзякуань внес ее в дом на руках. За ними на ощупь вернулся Ван Лаобин. Лю Шуньчан заметил, как дверь беззвучно закрылась. «Вот и прошел еще один день их жизни, и похоже, они счастливы», – подумал Лю Шуньчан.

Осенний ветер, словно ночной путник, шаркал вдоль берегов реки. Ван Лаобин и Ван Цзякуань уже провалились в глубокий сон. Цай Юйчжэнь услышала снаружи какой-то звук, ей показалось, что ветер сорвал что-то висевшее на стене их дома. Поначалу она не придала этому значения, ведь теперь их покрытый черепицей дом приобрел вполне жилой вид и в нем можно было спать спокойно. Но, переживая, что ветер унесет сохнувшую на улице одежду, она все-таки заставила себя подняться с постели.

Цай Юйчжэнь открыла дверь, ее шею тут же обдуло ветром. Она включила фонарик, и его луч уподобился вытянутой в бесконечность палке, один конец которой упирался в руку Цай Юйчжэнь, а другой – в ночную темень. Держа в руках эту сверкающую палку, она обогнула угол дома и увидела висевшую на бамбуковом шесте одежду. Та никуда не улетела, ветер трепал висящие рукава, словно кто-то с силой тряс чьи-то руки. Решив занести одежду домой, Цай Юйчжэнь зажала фонарик во рту и потянулась к шесту. Но не успела она до него дотронуться, как ее кто-то схватил. Сильные руки перенесли ее через канаву, через две могилы и наконец повалили в стоявший у реки стог сена. В этой сумятице Цай Юйчжэнь выронила фонарик, лампочка разбилась, и оба берега реки погрузились в жуткий мрак.

Кто-то разорвал одежду Цай Юйчжэнь и, словно изголодавшийся по молоку щенок, накинулся на ее грудь. Цай Юйчжэнь хотела закричать, но не могла. От укусов ее соски горели огнем, она запомнила, что у насильника была борода. Он пытался стянуть с нее штаны, но она крепко зажала пояс в руках и каталась по стогу, пытаясь увернуться. Разозлившись, насильник освободил одну руку, нашарил карман и вытащил оттуда нож. Он приставил этот ледяной нож к лицу Цай Юйчжэнь, и та сразу обмякла. Услышав треск ткани, она поняла, что нож прорезал мотню на ее штанах.

Насильник грубо оседлал Цай Юйчжэнь, словно лошадь. И пока она под ним барахталась, ее штаны окончательно порвались. Она поняла, что держаться за них теперь нет смысла, и тогда всеми пальцами вцепилась насильнику в лицо. Цай Юйчжэнь рассчитывала, что на следующий день сможет найти обидчика по царапинам.

Их схватка продолжалась довольно долго, и тут изо рта Цай Юйчжэнь неожиданно вылетели слова: «Я убью тебя». Она бросила их прямо в лицо насильнику. Тот вдруг соскочил с нее и побежал вон. Она лишь слышала его испуганные причитания: «Я встретился с нечистой, разве немые умеют говорить?» Но по голосу Цай Юйчжэнь не смогла определить, кто это был.

Когда она вернулась в дом и зажгла масляный светильник, Ван Цзякуань увидел ее исцарапанную грудь и порванные штаны. Он тут же разбудил отца и принялся объяснять:

– Отец, Цай Юйчжэнь только что изнасиловали. У нее штаны разрезаны ножом и вся одежда порвана.

– Спроси ее, кто это сделал, – откликнулся Ван Лаобин и тут же понял, что Ван Цзякуань все равно ничего не слышит. Тогда он вздохнул и через стенку крикнул: – Цай Юйчжэнь, иди сюда, я тебя спрашиваю, можешь не бояться, все равно я ничего не вижу.

Цай Юйчжэнь подошла к кровати Ван Лаобина.

– Ты его разглядела? – спросил он.

Цай Юйчжэнь помотала головой.

– Отец, она мотает головой, что это значит? – забеспокоился Ван Цзякуань.

Ван Лаобин продолжил допрашивать Цай Юйчжэнь:

– Разглядеть ты его не разглядела, но, может, оставила на нем какие-нибудь отметины?
Цай Юйчжэнь закивала.

– Отец, она кивнула, – прокомментировал Ван Цзякуань.

– Где ты оставила эти отметины? – спросил Ван Лаобин.

Цай Юйчжэнь двумя руками изобразила царапины на лице, после чего погладила подбородок. Ван Цзякуань все ее жесты передал отцу.

– Ты исцарапала ему лицо и подбородок? – уточнил Ван Лаобин.

Цай Юйчжэнь один раз кивнула и один раз мотнула головой. Ван Цзякуань все это передал отцу.

– Ты поцарапала ему лицо? – переспросил Ван Лаобин.

Цай Юйчжэнь кивнула. Ван Цзякуань передал отцу, что она кивнула.

– Ты поцарапала ему подбородок? – переспросил Ван Лаобин.

Цай Юйчжэнь замотала головой. Ван Цзякуань передал это отцу. Цай Юйчжэнь пыталась объяснить, что у насильника была борода, открыв рот, она пыталась это объяснить, но тщетно. Уже готовая расплакаться, она вдруг увидела, что лицо Ван Лаобина тоже покрывает густая растительность, поэтому потянулась к нему рукой и потрогала за бороду. Ван Цзякуань объяснил отцу ее действия. Тогда Ван Лаобин спросил:

– Юйчжэнь, ты хочешь сказать, что у того человека была борода?

Цай Юйчжэнь кивнула. Ван Цзякуань передал, что она кивнула. Наконец Ван Лаобин сказал:

– Цзякуань меня все равно не слышит, поэтому хоть я и понял твои объяснения, до него это донести не получится и он за тебя отомстить не сможет. Если бы я был зрячим, то даже если бы тот человек убежал на край света, я все равно бы его достал. Несчастное дитя.

Цай Юйчжэнь громко зарыдала. Она заметила, как из невидящих глаз Ван Лаобина потекли две дорожки слез. Они прокладывали себе путь по морщинам на его лице и повисали на бороде.

Будь то днем или ночью, Ван Цзякуань неотступно следил за прохожими. В руке он сжимал палку и замахивался ею на всякого, кто смотрел в сторону их дома. Он подозревал всех мужчин, даже Лю Шуньчана, который каждый день приходил к реке, чтобы помыть собранные травы. Ван Цзякуань относился с неприязнью и сомнением к любому, кто дольше обычного смотрел в сторону их жилища.

Ван Лаобин попросил Цай Юйчжэнь сломать деревянный мостик через речку, но Ван Цзякуань этому воспротивился. Цай Юйчжэнь было приготовилась разрушить переправу, однако тот стал махать палкой, убежденный в том, что голодный котяра обязательно появится на их берегу снова. «Я выжидаю», – объяснил он Цай Юйчжэнь.

Ван Цзякуань терпеливо ждал почти два месяца, пока наконец не дождался возможности отомстить. Однажды он увидел, как кто-то перебежал через мостик и стал на ощупь продвигаться к их дому. Ван Цзякуань не мог разглядеть лица человека, но в ярком свете луны прекрасно увидел, что тот был одет в белую рубаху. Ван Цзякуань трижды ударил палкой в окно, подавая условный знак Цай Юйчжэнь.

Человек в белой рубахе встал перед дверью и, оглядевшись по сторонам, заглянул в щель. Ничего там не увидев, он осторожно приблизился к окну, где находилась спальня Ван Цзякуаня, и, встав на цыпочки, вытянул шею, пытаясь разглядеть, что происходит внутри. И тут из темноты вылетел Ван Цзякуань. Замахнувшись палкой, Ван Цзякуань со всей силы ударил его по ногам, и тот, словно кузнечик, отскочил от окна и, не успев подняться, повалился на колени. Человек попытался встать и скрыться, но едва он добежал до угла дома, как Ван Цзякуань крикнул: «Отец, бей его!» И тут же из-за угла на голову беглеца обрушилась палка. Обхватив голову руками, он покатился по земле, после чего снова поднялся на ноги, но теперь он держал

камень. Однако не успел он прицелиться в Ван Цзякуаня, как из кучи хвороста на него накинулась Цай Юйчжэнь. Она огрела его палкой по руке, и тот, выронив камень, от боли прижал ее к себе.

Общими усилиями эти трое плотно прижали человека к земле, достали фонарик и осветили ему в лицо. «Так это ты, Се Сичжу, – произнес Ван Цзякуань. – Ты больше не играешь в мацзян? Что тебя принесло сюда?» Се Сичжу пошевелил губами, промычав что-то в ответ, но Ван Лаобин и Цай Юйчжэнь ничего не разобрали.

Цай Юйчжэнь заметила, что растительность на лице Се Сичжу практически отсутствует, никаких шрамов от царапин на нем тоже не было. «Неужели все его раны уже успели затянуться?» – подумала она. Ван Цзякуань спросил: «Это он?» Цай Юйчжэнь замотала головой, давая понять, что она не уверена. Вдруг Ван Цзякуань вытаращил на нее глаза, да так, что казалось, они вот-вот вылезут из орбит. И тогда Цай Юйчжэнь закивала.

Цай Юйчжэнь и Ван Цзякуань перетащили Се Сичжу через реку и выбросили на отмель. Не сводя глаз с Се Сичжу, они стали отступать назад, разбирая мост через реку. Бревна и доски они сбрасывали прямо в воду. Из-за этих булькающих звуков Цай Юйчжэнь казалось, что их окружают утопающие.

С той самой ночи, как Цай Юйчжэнь изнасиловали, Ван Лаобину стало казаться, что он, Цзякуань и Юйчжэнь превратились в единое целое. В его памяти навсегда остался разговор, который состоялся той ночью у его кровати. «Я задавал вопросы, Юйчжэнь кивала или мотала головой, Цзякуань сообщал мне ее реакцию, втроем мы наладили общение между собой. Вот и вчерашней ночью мы общими усилиями одолели Се Сичжу. И пусть Цзякуань не слышит, я не вижу, а Юйчжэнь не разговаривает, мы его все-таки победили. Мы словно превратились в одного здорового человека. Выходит, если мы это одно целое, ударив Ван Цзякуаня, я ударю себя, если поглажу Цай Юйчжэнь, значит поглажу себя... Теперь, когда мост разобран, мы больше не будем общаться с бывшими соседями», – рассуждал Ван Лаобин.

В дни, когда заедала скука, Ван Лаобин садился на пороге дома и пускался в бесконечные фантазии. У него было много всяких мыслей, однако ни одну из них осуществить он не мог. Похоже, ему предстояло провести в размышлениях всю жизнь до конца дней. Как-то раз он сказал Цай Юйчжэнь, что будет доволен, если всегда сможет так же спокойно сидеть у своего дома и никто их больше не побеспокоит.

Из деревенских с ними никто не общался. Ван Цзякуань и Цай Юйчжэнь на другой берег тоже не ходили. Цай Юйчжэнь считала, что, хотя их разделяла лишь небольшая река, душами они были бесконечно далеки друг от друга. «Можно сказать, что мы избавились от них раз и навсегда», – думала она.

Лишь Ван Цзякуань то и дело тосковал по миру людей. Когда наступила летняя пора, он, закатав штанины, переходил реку вброд, чтобы насобирать персиков. Обычно он отправлялся на другой берег поздним вечером, чтобы ни кто его не увидел. Больше всего ему нравилось срывать персики с того самого дерева, у которого фотографировалась Чжу Лин. Ему казалось, что эти плоды самые сладкие.

Примерно через год Цай Юйчжэнь родила резвого мальчугана. Когда новорожденный издал первый залиvistый крик, Ван Лаобин не мог усидеть на месте. «Мальчик или девочка?» – спросил он Цай Юйчжэнь. Тогда Цай Юйчжэнь взяла мозолистую руку Ван Лаобина и осторожно положила ее на петушок между ножек малыша. Ван Лаобин шупал эту мягонькую нежнейшую плоть и не мог от нее оторваться, как, бывало, не мог оторваться от своей курительной трубки. «Я должен выбрать для него самое звучное в мире имя», – сказал он.

Целых три дня Ван Лаобин раздумывал над именем для внука. В это время у него пропал всякий аппетит, его словно подменили. Сначала он хотел назвать его Ван Чжэньго или Ван

Гоцином, потом ему в голову стали приходиться такие имена, как Ван Тянься, Ван Цзэдун и тому подобные, он додумался даже до Ван Баданя³. Перебрав кучу вариантов, Ван Лаобин наконец остановился на Ван Шэнли⁴. «У нас появился звонкий потомок, было бы здорово, если бы он мог и слышать хорошо, и видеть, и разговаривать, чтобы в будущем у него не было никаких трудностей, чтобы он во всем одержал победу и завоевал этот мир».

Утром, в полдень или под вечер в погожие дни можно было увидеть, как Ван Лаобин поднимает своего внука Ван Шэнли над головой и выкрикивает в сторону реки его имя. Иной раз малыш начинал поливать его сверху, но деда это отнюдь не смущало; играя с внуком, он весь растворялся в нем. В семье появился раскатистый хохот, который жил своей жизнью.

Между тем Ван Цзякуань не знал о том, что его отец уже подобрал малышу звучное имя. Он общался с ребенком по большей части посредством зрительного восприятия. Для него услышать смех сына было недостижимой роскошью. Но когда Ван Цзякуань видел растянутый в улыбке ротик, излучающий счастье, он тотчас представлял, что сын издает какие-то звуки. Услышь он эти звуки, он радовался бы так же, как если бы в кармане у него появилась увесистая пачка денег. Поэтому Ван Цзякуань сам выбрал имя для сына и назвал его Ван Юцянь⁵. Ван Лаобин уже много раз запрещал Ван Цзякуаню окликать сына таким именем. Однако Ван Цзякуань не понимал, что от него хотят, он не мог услышать, как произносится имя Ван Шэнли, а потому продолжал называть сына Ван Юцянем.

Ван Шэнли потихоньку подрастал, при этом каждый день его называли двумя разными именами. Он запросто откликнулся на имя Ван Шэнли, которым его звал Ван Лаобин. Но при этом ему следовало откликаться и на имя Ван Юцянь, когда его звал Ван Цзякуань. Однажды Ван Шэнли спросил Ван Лаобина: «Почему ты называешь меня Ван Шэнли, а отец – Ван Юцянем? Можно подумать, что я – это два человека». – «Просто у тебя два имени, – объяснил дед. – Ван Шэнли и Ван Юцянь оба относятся к тебе». – «Мне не нужны два имени, – отозвался Ван Шэнли, – скажи папе, чтобы он больше не называл меня Ван Юцянем, мне не нравится имя Юцянь». С этими словами Ван Шэнли потряс кулачком в сторону отца и повторил уже ему: «Не зови меня больше Ван Юцянем. Мне не нравится, когда ты меня так называешь». Растерянный Ван Цзякуань, не понимая, что случилось, тут же спросил сына: «Юцянь, ты почему на меня замахиваешься? Ты хочешь ударить своего отца?» Ван Шэнли ринулся на Ван Цзякуаня, стал кусать его за руки и ругаться: «Я же попросил тебя не называть меня Юцянем, а ты все равно зовешь, я тебя закупаю».

Ван Лаобин услышал звук пощечины и понял, что ее отвесил сыну Ван Цзякуань.

– Шэнли, – сказал Ван Лаобин, – твой отец глухой.

– Что значит «глухой»? – спросил Ван Шэнли.

– Это значит, что он не может слышать то, что ты ему говоришь, – пояснил Ван Лаобин.

– А мама, почему она никогда не называет меня по имени? – спросил Ван Шэнли.

– Твоя мама немая, – ответил Ван Лаобин.

– Что значит «немая»?

– Это значит, что она не может говорить, – объяснил Ван Лаобин. – Твоя мама очень хочет с тобой поговорить, но не может.

Тут же Ван Шэнли заметил, как мама что-то нарисовала в воздухе его отцу. Тот кивнул и обратился к Ван Лаобину:

– Отец, Юцяню скоро пора идти в школу.

Тогда Ван Лаобин тяжело вздохнул и сказал:

– Юйчжэнь, сшей для Шэнли школьную сумку, летом отправим его учиться.

³ Ругательство, означающее «сволочь, ублюдок».

⁴ Шэнли означает «победа».

⁵ Юцянь означает «быть при деньгах».

Ван Шэнли, словно встревоженный птенец, смотрел на деда, отца и мать, их странные жесты впервые напугали его. Он задрожал всем тельцем и громко расплакался.

Когда пришло лето, радостная Цай Юйчжэнь привела Ван Шэнли в школу. И в первый же день по возвращении домой Ван Лаобин и Цай Юйчжэнь услышали, как мальчик распевает дразнилку: «Цай Юйчжэнь немая, вышла за глухого и родила ребенка глухонемого...» Цай Юйчжэнь показалось, что в ее сердце впились сразу несколько сотен игл. Упав духом, она отвернулась и, словно раненая лошадь, надрывно заголосила. Она не ожидала, что первым, чему научится сын, станет эта дрянная песенка. Уж лучше бы он и вовсе не ходил в школу. Одна и та же мысль крутилась у нее в голове: «Я думала, что все уже давно позади, а оказывается, нет».

Ван Лаобин замахнулся на Ван Шэнли своей трубкой и пять раз ударил мимо, пока наконец не попал по Ван Шэнли.

– Дедушка, – спросил Ван Шэнли, – почему ты меня бьешь?

– Зря мы тебя растили, – отозвался Ван Лаобин, – ты оказался хуже, чем слепой, глухой или немой. Имя Ван Шэнли тебе не подходит, надо было назвать тебя Ван Баданем.

– Сам ты Ван Бадань, – огрызнулся Ван Шэнли.

Тогда Ван Лаобин его спросил:

– Ты знаешь, кто такая Цай Юйчжэнь?

– Не знаю, – отозвался Ван Шэнли.

– Она – твоя мама, а Ван Цзякуань – твой папа.

– Так, значит, эта дразнилка высмеивает меня и нашу семью, – догадался Ван Шэнли. –

Дедушка, как мне поступить?

Ван Лаобин приложился к трубке и сказал:

– Это ты решай сам.

С тех пор Ван Шэнли превратился в молчуна и на вид ничем не отличался от своих родственников – слепого, глухого и немой.

Тянь Эр Новый год в одиночестве

Лао Хуан два раза в месяц ходил в парикмахерскую подстригаться и дважды в неделю – бриться. Кожа на лице у него была пористая, как апельсиновая корка, самому бриться было непросто. А так он приходил в парикмахерскую, усаживался в кресло и ожидал, когда острое лезвие ножа начнет мягко скользить по коже, разглаживая все неровности. Красота! Закрыв глаза и слушая звук сбрасываемой щетины, он вспоминал, как раньше в деревне косили рис. Открыв глаза, он снова увидел перед собой милое личико немой парикмахерши Сяо Юй. Заметив, что постоянный клиент смотрит на нее, она подняла бровки и что-то пролопотала, как бы спрашивая, не больно ли ему. Лао Хуан широко улыбнулся и взглядом показал, что все в порядке и она может продолжать брить. За эти два года он часто думал, что Небесный владыка, должно быть, гнусный парень, раз он такую красивую женщину с золотыми руками сделал немой.

Тут вошел еще один клиент, выбрал кресло и сел. Немая издала свистящий звук, похожий на электромагнитные волны, пронизывающие воздух. Лао Хуан сделал жест, показывая, чтобы Сяо Юй ускорила, чтобы не упустить клиента. Немая покачала головой, мол, ничего страшного, и ласково проворковала что-то вошедшему.

Два года назад, когда Лао Хуана перевели сюда, в отделение полиции района Ю'ань города Ганчэн, он по привычке стал присматривать себе приличную парикмахерскую, чтобы продолжить наслаждаться бритьем. Лао Хуану было уже пятьдесят – возраст, когда «познают волю Неба», и, помимо работы, ему требовалось, чтобы чьи-то умелые руки помогли ему брить лицо. Он опробовал многие парикмахерские и в результате остановился на этой, расположенной позади парка горы Бицзяшань. Место, конечно, на отшибе. Впервые там оказавшись, он еще издали заприметил убогую деревянную вывеску, на которой была наклеена надпись: «Парикмахерская. Немая Сяо Юй». Он насторожился: в таком месте открывать парикмахерскую, подумал он, да много ли людей сюда придет? Оказалось, что хозяйка парикмахерской, Сяо Юй, хорошо знала свое дело, и у нее было много постоянных клиентов. Она завоевывала их своей тщательностью и аккуратностью и, сколько бы ни было посетителей, всегда выполняла свою работу на совесть, старательно подстригая и брея каждого точными, выверенными движениями, как гравер, вырезающий иероглифы для печати на каменной заготовке. Пришедших она никогда не старалась во что бы то ни стало удержать, каждый сам решал, оставаться ли ему ждать или уходить.

Сяо Юй обработала лицо Лао Хуана присыпкой, смела состриженные волосы полотенцем, потом взяла его за подбородок и еще раз внимательно осмотрела. Только после этого работа считалась выполненной. Вошедший молодой человек хотел было занять место Лао Хуана, но Сяо Юй губами показала ему, чтобы тот пропустил вперед одного старичка.

Лао Хуан не торопясь спускался с горы и, услышав, как шумит ветер, невольно поднял голову. Уже стемнело. Пыльный вечерний воздух был практически непроглядным и довольно плотным. В некоторых домах на горных склонах зажгли свет. Неподалеку располагался сталеплавильный завод, поэтому воздух здесь был очень пыльным, и ночи из-за этого делались еще гуще. В темноте огоньки на горе светились багрово-красным оттенком.

Беспорядочно расставленную мебель в кабинете гармонично дополняла стойкая вонь полицейских носков. Молодые сотрудники любили поиграть в баскетбол и кабинет использовали вместо раздевалки. Раньше команда их отделения чаще проигрывала, чем выигрывала, но в этом году, с приходом в отделение Сяо Цуя, невысокого парня, умевшего вдохнуть жизнь в игру и выходявшего на поле в качестве защитника, победы их команды участились. Теперь

молодежь играла в баскетбол с еще большей отдачей. Лао Хуан постоянно смолил в кабинете, иногда он выкуривал по целой пачке: ему казалось, что сигаретный дым перебивал вонь от носков.

В тот день поступил вызов. Сразу несколько машин выехали в Ганчэнскую четвертую среднюю школу ловить правонарушителя. Вообще-то должны были поехать молодые полицейские, но все они ушли играть в баскетбол, и Лао Хуану пришлось отправляться самому. Четвертая школа находилась в поселке рядом с городом. Полицейских не хватало, поэтому этот район приписали к отделению полиции района Ю'ань. Там располагался коксохимический завод, и от этого воздух там был очень сильно загрязнен, а нрав у людей свиреп, и правонарушения совершались довольно часто. В этот раз в полицию обратились несколько молодых преподавателей из четвертой средней школы. Они пожаловались на одного ученика из третьего класса, у которого зыграли гормоны, и он постоянно тискал одноклассниц. Поначалу учителя пытались воздействовать на него разговорами, заставляли писать объяснительные, делали выговоры и даже оставляли под присмотром в школе. Половое созревание у этого ученика наступило довольно рано, а вот умом он еще не вырос, зато с каждой жертвой храбрости все прибавлялось. В тот день после обеда он влез в комнату общежития к одинокой учительнице музыки и принялся тискать дремавшую на кровати женщину. Преподавательница была симпатичная и притом незамужняя. Этот поступок вызвал всеобщее возмущение, и учителя-мужчины сразу вызвали полицию.

Парня поймали легко. Всю дорогу он трясся, как жалкий слюнтяй, но по прибытии в участок вдруг резко переменял тактику и стал заявлять, что он не виноват и его подставили. Он поднял ор: «Где доказательства? Какие у вас есть доказательства?» Очевидно, паренек вырос на гонконгских фильмах, а гонконгские фильмы, вместе с пропагандой секса и насилия, одновременно зарождают в зрителях какое-никакое правовое сознание: они как сумасшедшая нянька, кормящая детей то ложкой сахара, то ложкой дерьма. Но ему было невдомек, что полицейских больше всего раздражают как раз вот такие дешевые фразы из кино. Один из полицейских не сдержался и уже было направился к нему, чтобы проучить, но Лао Хуан остановил его и сказал:

– Сяо Кунь, у тебя что, еще есть силы? Пойдемте-ка сначала поедим.

Пока компания во главе с Лао Хуаном была в столовой, команда молодых полицейских как раз вернулась после баскетбола. Они уже к тому времени поели: после игры на сталеплавильном заводе, где они играли с тамошней второй командой, они остались там на обед, ну и, поднимая тосты, немало выпили. Лао Хуан еще ел, когда услышал звук заезжающих во двор автомобилей, – это полицейские возвращались после игры. Лао Хуан тут же забеспокоился, казалось бы, без особой на то причины, и только вернувшись в кабинет, он понял, почему встревожился.

Но было уже поздно. Подвыпившие полицейские, вернувшись, увидели в камере крепкого, здорового мальчика, похожего на первоклассную боксерскую грушу, и у них зачесались кулаки. Парень все кричал, что его несправедливо обвинили, а полицейские стали подтрунивать:

– Да по твоему виду сразу понятно, что ты негодяй, кто же это тебя несправедливо обвиняет?

И тут малец, не подумав, брякнул, что они действуют противозаконно. Полицейские, все еще подшучивая, сказали, мол, много ты понимаешь, парнишка! А папану эта фраза была на руку: он как будто в темноте нащупал выключатель и включил свет, – и, ухватившись за нее, закатил истерику.

Как раз в это время вошел заместитель начальника отделения майор Лю:

– Что вы тут все хихикаете? – приструнил он молодых полицейских, и те сразу притихли. Пацан посчитал, что его слова возымели действие, и в воцарившейся тишине завопил с еще бóльшим воодушевлением.

– За несколько десятков лет работы я еще никогда не встречал таких распоясавшихся юнцов, – сквозь зубы про говорил майор Лю. – Если это безобразия сейчас же не прекратятся, это может плохо кончиться.

С этими словами он бросил взгляд на двух практикантов, и те сразу его поняли: подошли к пацану и отвесили ему по оплеухе. Один ударил слабо, а второй надеялся, что после окончания обучения его распределят работать в отделение полиции района Ю'ань, и поэтому, не щадя сил, бил наотмашь из стороны в сторону. Практикант бил так, что у него рука заныла и помутнело в глазах, а голова у парня была большая, круглая, и с каждым ударом она все больше напоминала ему упругий баскетбольный мяч. Практикант отрывался от души, так что стоявшие рядом и наблюдавшие за происходящим молодые полицейские стали засучивать рукава. У Сяо Цуя тоже застучало в висках и глаза налились кровью.

Как раз в тот момент, когда у практиканта заканчивались силы и еще несколько ребят готовы были прийти ему на смену, в комнату вошел Лао Хуан. Он громко окликнул:

– Сяо Цуй, Сяо Сюй, Ван Цзиньгуй и Сяо Шу! Срочно выйдите, есть дело!

Молодые полицейские, подчинившись служебной иерархии, безропотно пошли следом за Лао Хуаном. Выйдя из кабинета, они стали подниматься по лестнице. Лао Хуан не проронил ни слова, пока они не добрались до открытой площадки на верхнем этаже. За ним еле плелись молодые полицейские. Лао Хуан, по-прежнему молча, вытащил пачку сигарет и раздал по одной, а потом каждому поднес зажигалку. Молодые полицейские закурили, постояли на воздухе, и у них прояснилось в головах; даже говорить ничего не нужно было, они и так поняли, что хотел сказать Лао Хуан.

В субботу Лао Хуан проснулся, взглянул в зеркало и подумал, что щетина еще недостаточно длинная. Но дел особых не было, и он решил опять сходить в парк Бицзяшань. Подойдя к парикмахерской Сяо Юй, он обнаружил, что дверь заперта. Он немного подождал, но Сяо Юй не появлялась. Лао Хуан зашел в магазинчик неподалеку купить пачку сигарет, а заодно узнать у хозяина, во сколько открывается парикмахерская.

– Эта немая себе на уме, хоть у нее и индивидуальное предприятие, но работает она как госучреждение, с понедельника по пятницу, а в субботу и воскресенье у нее обязательный выходной, – усмехнулся хозяин магазина.

– Ведь в выходные клиентов должно быть больше! И чем только она думает?! – удивился Лао Хуан.

– Да ее не заботят гроши, что ей приносит парикмахерская, – сказал хозяин магазина. – Она хочет зарабатывать большие деньги, чем и занимается.

С этими словами он вскинул руки вверх, жестах изображая бьющий родник. Лао Хуан сразу понял, что этот жест означал «Пивоварню». Так называется находящаяся под запретом, но все равно продолжающая существовать азартная игра, в которой берут тридцать два пронумерованных шарика для пинг-понга, помещают их в жеребьевочный барабан и таким образом дурачат народ, не знакомый с теорией математической статистики. Сколько ни запрещай эту игру, сколько ни устраивай облавы, а она все равно возвращается и процветает, прямо как грибок на ногах.

Позвонил Сяо Цуй, пригласил Лао Хуана в ресторан на утку по-пекински. Подойдя к ресторану, он увидел, что часть одного иероглифа на вывеске отвалилась, и вместо «Печеная утка по-пекински» получилось что-то вроде «Е*еная утка по-пекински», но хозяин ресторана не обращал на это внимания. Сяо Цуй пригласил Лао Хуана выпить пива в благодарность за то, что в тот день он удержал его и не позволил распускать руки. У арестованного пацана на следующий день начался бред и поднялась температура, его отвезли в больницу. Жар спал,

но бред не отступал. Уж слишком тяжелая у практиканта рука, наверное, он сильно повредил ему голову. Майор Лю настаивал, что пацан изначально был беспросветно тупым, знал только «темно да рассвело» и больше ни на что не способен. Он выписал родителям пацана штраф, и те смогли забрать его домой.

Утка была удачной, у Лао Хуана и Сяо Цуя разыгрался аппетит, они заказали еще и нарезанный клубень лотоса в маринаде. Наевшись, Сяо Цуй сказал:

– Мы с приятелем собираемся съездить в Парчовую пещеру, поехали с нами? Машину мы арендовали.

Про пещеру Сяо Цуй вычитал в одном туристическом журнале. Лао Хуан тоже полистал журнал – фотографии Парчовой пещеры действительно выглядели очень заманчиво – и согласился:

– Раз уж и машина есть, то и я с вами!

На следующий день Сяо Цуй заехал за ним ближе к полудню, и они отправились в путь.

– Это Юй Синьян, – представил водителя Сяо Цуй. – Раньше мы были соседями, а сейчас он работает на сталепрокатном заводе, изготавливает переводные рычаги. В детстве все пацаны нашей улицы подчинялись Юй Синьяну и вместе с ним устраивали драки с ребятами из других районов. Мы всегда выходили победителями!

Юй Синьян, улыбаясь, обернулся к Лао Хуану, и Лао Хуан увидел его простоватое лицо и лоб с залысинами. Сяо Цуй объяснил, почему они так припозднились:

– Вчера вечером мы пошли в прокат автомобилей и взяли новенькую машину марки «Чанъань», модель «Улин». У Юй Синьяна права есть, но он редко водит, поэтому, когда парковался у дома, забыл, что там навалена куча битого кирпича, и врезался в нее со всего размаха. В результате разбилась фара и еще в одном месте образовалась большая вмятина. Юй Синьян тут же отогнал машину на свой завод, там в цеху вмятину выправили.

Лао Хуан невольно стал беспокоиться за своих молодых товарищей:

– Как же вы вернете машину?

– Пустяки, – сказал Юй Синьян, – мы поедem на сервис, а там такие компьютерные технологии – в миг восстановят лаковое покрытие, побольше пройдутся по месту прогиба, даже черт ничего не заметит!

Лао Хуан увидел в зеркало заднего вида смущение на лице Сяо Цуя. Машину арендовал именно он. А Юй Синьян не торопился выезжать из города, он направился в район неподалеку от завода и позвал еще нескольких приятелей с собой, сказав Сяо Цую:

– Сяо Цуй, мы все тут голодранцы, а тут такой редкий случай – машину взяли, давай прихватим с собой товарищей!

Сяо Цуй, конечно, согласился, но лицом совсем поник. Сколько занимает дорога до Парчовой пещеры, Сяо Цуй не знал. Юй Синьян позвонил своему приятелю, и тот неуверенно сказал, что около трех часов пути. Хотя Юй Синьян и ехал быстро, до Парчовой пещеры они доехали только через пять с половиной часов. Уже почти стемнело. Билеты оказались по двести юаней с носа. Это значительно превосходило ожидания Сяо Цуя. Опять же с ним было еще шестеро человек. Юй Синьян сказал:

– Ничего страшного, мы с приятелями подождем, а вы с Лао Хуаном идите!

Сяо Цуй и Лао Хуан переглянулись, не зная, как поступить. Пригласить всю компанию – так это больше тысячи юаней. Но и заставлять людей ждать снаружи три часа, пока они осмотрят пещеру, тоже никуда не годилось. Они посоветовались и решили не ходить, а возвращаться в город. Ведь и обратный путь не близкий.

Машину ввели по очереди и вернулись только к половине первого. Юй Синьян испытывал угрызения совести и настаивал на том, чтобы пригласить всех на лапшу с бараниной. Сидеть в душной машине было так же утомительно, как идти пешком, да к тому же за пятичасовую дорогу они успели хорошенько проголодаться. Все согласилось с предложением Юй

Синьяна и поехали к подножию горы Бицзяшань. Ресторан оказался закрыт. Юй Синьян постучал по двери, требуя, чтобы хозяин ресторана разжег печь и приготовил им восемь порций лапши с бараниной.

Лао Хуан ел быстро. Эта привычка у него выработалась в семидесятые годы, когда он служил в железнодорожных войсках. Он умял миску лапши вместе с бульоном в два-три приема и вышел на улицу покурить. Ночи в районе горы Бицзяшань темные, звезды еле-еле видно. Вдруг он заметил огонек на вершине горы. По прикидке Лао Хуана, примерно в том месте находилась парикмахерская Сяо Юй. Потом он усмехнулся: как же это может быть Сяо Юй? Сегодня ведь воскресенье, она отдыхает.

Шлак сразу заметил, что Лао Хуан из «резиновых башмаков», хоть и постаревший, но все равно «зеленый башмак». Шантрапа Ганчэна прозвала полицейских «резиновыми башмаками»: офицеров полиции – «желтыми резиновыми башмаками», а рядовых сотрудников полиции – «зелеными башмаками». Возможно, эта кличка осталась от предыдущих поколений: сейчас в полиции носят не резиновые башмаки, а кожаные ботинки, но было время, когда и резиновые башмаки не все могли себе позволить носить. А у полицейских было трудовое страхование, и у каждого – пара внушительного вида резиновых башмаков, в которых можно было в дождь везде ступать, не боясь промочить ноги. Шлак еще по прическе Лао Хуана стал подозревать, чем тот занимается: хотя волосы у него были коротко пострижены, от постоянного ношения фуражки они приобрели особую форму. Конечно, не каждый, кто носит фуражку, «резиновый башмак». Шлак определил это по глазам Лао Хуана. Поначалу казалось, что взгляд у него вялый, не цепкий, но иногда он мельком взглядывал в лицо человека, впиваясь в него зрачками, как лезвием бритвы. В тот раз Шлак как раз зашел в парикмахерскую Сяо Юй и встретил там Лао Хуана. Перед уходом Лао Хуан мельком, как распознающим штрихкод сканером в супермаркете, скользнул взглядом по Шлаку, считывая информацию о нем. Тот взгляд Шлак долго обдумывал и пришел к выводу, что Лао Хуан «резиновый башмак».

Напротив дома, где располагалась парикмахерская немой Сяо Юй, находилось каменное здание старой постройки, на его черепичном водостоке красовалась надпись «1957 год». Штукатурка здания потемнела. Шлак со Шкуркой снимали там квартиру на втором этаже. Шлак сидел у окна и поглядывал, что происходит в парикмахерской немой Сяо Юй. Выражение лица у него было задумчивое. Шкурка сказал:

– Братан, сделай лицо попроще! О чем ты там все думаешь?

Они с Шкуркой сняли эту квартиру в прошлом году. Шлак не собирался сходить с женщинами, но в парикмахерской напротив все мелькала перед глазами Сяо Юй, и со временем он стал обращать внимание на ее грацию. А потом осознание собственного одиночества ударило ему в голову, как низкосортная водка. И он впервые пошел к ней постричься. Сначала сделал прическу с пробором, затем подстригся «под ежик», а потом и наголо, да еще и побрился и заплатил стоимость четырех стрижек. Сяо Юй была не дура, сразу поняла, что у него на уме.

Он приходил еще несколько раз, и наконец однажды они заперли парикмахерскую и отдались друг другу. Оказалось, что в постели Сяо Юй была очень горяча, она вертелась как рыба, только что пойманная в сети. В перерывах Шлак хотел «поговорить» с Сяо Юй, то есть пообщаться жестами. Сяо Юй не знала жестовый язык, никогда не учила его и жестикулировала по своему усмотрению, а когда встречалось что-то незнакомое, начинала импровизировать. И Шлак в результате что-то улавливал. Сам он был неразговорчив, но общаться с Сяо Юй ему понравилось. Иногда, когда он изобретал способ передать какое-то сложное понятие, ему начинало казаться, что у него очень развито воображение.

Шкурка пинком с грохотом распахнул дверь. Сяо Юй этого не услышала, она ведь была глухонемой. Шкурка тащил на спине плетеный баул и сразу увидел их обоих, абсолютно голых, сидящих на старом, изодранном диване в облаке пыли и перьев. Шлак толкнул Сяо Юй, и

только тогда она заметила, что кто-то вошел, и плотно прикрыла свои отнюдь не большие груди одеждой.

– Шкурка, тебя стучаться не учили? – с упреком спросил Шлак.

– Приятель, да у вас так все культурно, тише мышей, как же мне было услышать? Давайте еще раз попробуем! – захихикал Шкурка. Он ловко бросил мешок на землю, закрыл за собой дверь и легонько постучал.

– Ты пока покури, Сяо Юй одеться надо, – крикнул Шлак.

Сяо Юй оделась, но вставать не хотелось, и она взяла полистать какой-то старый журнал об электронике. Шлак показал ей самоизобретенными жестами: мол, ты что, читать умеешь? Иероглифы знаешь? Сяо Юй вытянула губки, взяла ручку и на столе написала иероглифы от одного до десяти, а потом еще старательно вывела свое полное имя: «Юй Синьхуэй». Шлак улыбнулся и подумал, что она, наверное, только эти тринадцать иероглифов и знает. Шлак поднял ее с дивана, указал через дорогу и хлопнул по изящным бедрам, давая понять, что пора возвращаться в парикмахерскую.

Шкурка раскрыл мешок. Внутри лежали две связки медной проволоки, пять стальных шаров для шаровой мельницы и один большой строительный гаечный ключ. Шлак посмотрел на него искоса и ухмыльнулся:

– Братан, да ты просто разнорабочий!

– Еле удалось упереть! Сейчас на заводе проверки идут, воровать трудно.

– Не говори «воровать». Ты «работаешь разнорабочим». Разве это то же самое, что воровать? Вон, смотри-ка, вон старый гаечный ключ подобрал, или вот кусок мусора, чтобы немного заработать.

Шкурка изменился в лице:

– А, конечно, понимаю, что у тебя от рождения великий талант банки грабить. Но пока что ты ни один банк не ограбил и живешь на мои деньги. Украл ли я, подобрал ли я – какая разница? Я-то не торчу целыми днями дома и не завожу себе подружек.

– Я верну тебе все деньги, которые сейчас трачу. Бомба почти готова.

– Для тебя сварганить самодельную бомбу труднее, чем другим атомное оружие! И не притворяйся, что целыми днями дома сидишь и научными исследованиями занят. Да ты протейшие электросхемы-то понимаешь?

– Да понимаю я. Эта штуковина уже может взорваться, я просто хочу ее еще немного усовершенствовать. Это ведь бомба, в конце концов, а не партию в мацзян сыграть: потом не переиграешь!

Шкурке надоело с ним пререкаться, и он пошел стряпать, бурча себе под нос:

– И готовить я должен. Может, я еще и задницу ему подтирать должен?

Когда стемнело, они сели ужинать.

– Еды много, ты бы немую позвал, вместе бы по ели, – предложил Шкурка.

Шлак вышел на балкон, но парикмахерская была уже закрыта. Шкурка приготовил много блюд, в готовке он разбирался даже лучше, чем в воровстве. Он мог бы стать шеф-поваром, Шлак ел и размышлял об этом.

– Братан, а ты не можешь ей позвонить и пригласить ее прийти к нам? На вечер бы мне ее одолжил. – Шкурка выпил две чашки рисового вина, в голове у него помутилось, и ему захотелось женского внимания. – Немая-то вполне себе ничего, у тебя, братан, глаз-то зоркий!

– Тупица, она же еще и глухая, как она телефон услышит? – ответил Шлак на автомате, но потом подумал, что в сказанном есть подвох. – Да как у тебя язык повернулся такое сказать? На первый раз я тебя прощаю, но если еще будешь такое болтать, я тебе задницу надеру!

Шкурка понял, что ляпнул лишнее, но все же огрызнулся:

– Ого, да ты серьезно, что ли? Вот не ожидал! Ты еще скажи, что на ней жениться собрался! – И тут же опустил голову к тарелке с супом. Все равно Шкурка силой не смог бы

одолеть Шлака, это он уже по опыту знает. Шкурка, конечно, яростно дерется и раньше никогда не проигрывал, но это было до встречи с Шлаком. А у них в районе такой закон: кто сильнее, за тем и правда.

Одним желтым днем Шлак и Сяо Юй по неосторожности заговорили о прошлом. Это было на втором этаже в выходящей на улицу комнате, которую снимал Шлак. Сяо Юй жестами показала ему, что была замужем и у нее есть двое детей. Шлак спросил, почему она развелась, но тут жесты Сяо Юй стали запутанными, и Шлак так и не понял. Сяо Юй спросила о его прошлом. Шлак подумал немного и жестами показал, что до Сяо Юй у него не было женщин. Сяо Юй, конечно же, не поверила и, взвизгнув, набросилась на него, обнажая зубы и делая вид, что хочет укусить. Это был довольно звонкий визг, но приглушенный. Небо резко, без перехода, потемнело, и вскоре им стали не видны жесты друг друга. Сяо Юй хотела включить свет, но Шлак резко сжал ее в объятиях. Ему не нравилось включать свет, особенно когда он был наедине с женщиной, чтобы в темноте искать губами ее губы: целоваться лучше всего в темноте, это как пить пиво лучше охлажденным.

Напротив, в десяти метрах от парикмахерской, стоял нервно подмигивавший уличный фонарь. Когда-то он работал нормально, но сейчас уже почти не горел. Шлак заметил человека, медленно поднимавшегося по склону. Это заставило Шлака подойти поближе к окну, и он узнал в нем старого «зеленого башмака». «Зеленый башмак» подошел к парикмахерской и увидел, что дверь заперта. Сяо Юй тоже увидела его, узнала старого клиента и уже было собралась спуститься в парикмахерскую подстричь и побрить его, но Шлак удержал ее. Зажимать ей рот не было необходимости, все равно кричать она не может. Человек на улице, похоже, был недоволен, он встал перед парикмахерской и закурил, поглядывая на возвышавшийся рядом фонарь.

Это из-за фонаря он решил, что парикмахерская Сяо Юй открыта, решил Шлак.

Когда «башмак» ушел, Сяо Юй усадила Шлака на скамейку, принесла ножницы и машинку для стрижки. Волосы у Шлака были еще короткими, можно и не стричь, но Сяо Юй хотелось опробовать на нем новую креативную стрижку, которую она увидела то ли в каком-то журнале, то ли еще где – не на клиенте же тренироваться? Теперь, когда Шлак стал ее любовником, она считала, что он должен поддерживать ее в стремлении совершенствоваться, и Шлак, не желая ей перечить, подставил голову: «Стриги как вздумается, только смотри скальп с меня не сними!» Сяо Юй изобразила ему стрижку «крышка унитаза» и была очень довольна результатом.

В тот день Лао Хуан отправился погулять, дошел до подножия горы Бицзяшань и заметил, что возле парикмахерской горит свет. Он повернул в ту сторону, надеясь побриться, но, когда подошел ближе, обнаружил, что это свет от фонаря, а парикмахерская закрыта. Он постоял немного, слушая шелест ветра. В это время позвонил Сяо Цуй и спросил, где он. Услышав, что на горе Бицзяшань, Сяо Цуй с Юй Синьяном подъехали за ним на такси и потащили пить чай.

Большая часть такси в Ганчэне была марки «Шэнлун Фукан», из-за выгнутого кузова сзади они похожи на пикап, внутри было довольно просторно, но жителям Ганчэна такие автомобили не нравились: «С головой, да без хвоста», – говорили они. Юй Синьян светился от счастья.

– Юй Синьяну на заводе выдали компенсацию за увольнение, и теперь он работает в такси, вот выехал в ночную смену, – пояснил Сяо Цуй.

– Водить я люблю! – добавил Юй Синьян. – Еще бы несколько лет на заводе рельсы потягал, и если бы вконец не обнищал, так точно бы свихнулся!

Юй Синьяну не хотелось брать клиентов в тот вечер, он покатал Лао Хуана и Сяо Цуя по заводскому району и хотел завезти в чайную попить чайку.

– Я не буду чай, – сказал Лао Хуан, – от чая не заснешь потом, а у меня возраст, знаешь ли, бессонница. Если хочешь, мы можем у тебя посидеть, выпьем, закусим, славно будет.

Лао Хуан хотел сэкономить деньги Юй Синьяна, тот сразу его понял и согласился. Он жил за горой Бицзяшань на маленьком склоне, в районе под названием Туаньцзао, – там селились семьи рабочих. Одноэтажный дом Юй Синьяна стоял последним в ряду домишек из огнеупорного кирпича. За домом был участок, где семья без разрешения построила крытый рубероидом сарайчик, от которого исходило зловоние.

У всех рабочих сталепрокатного завода было увлечение – заниматься перепланировкой жилища. Юй Синьян свой дом полностью перекроил, нарезав на множество мелких каморок. Они прошли через гостиную в комнату Юй Синьяна, чтобы посидеть втроем. Лао Хуан успел прикинуть, что места мало, а людей проживает очень много, все сидят друг у друга на головах.

– А сколько вас человек в семье? – как бы невзначай поинтересовался Лао Хуан.

Юй Синьян, открывая упаковку с солеными закусками, тяжело вздохнул:

– Нас очень много: я, жена моя, старший брат, мать, ее брат-придурак и еще четыре ребенка.

– Откуда же у вас четыре ребенка? – удивился Лао Хуан.

– У брата двое детей, у меня один и еще ребенок младшей сестры.

– А сестра что, не растит ребенка сама? – спросил Лао Хуан.

– Да потаскуха она, что тут скажешь, – сказал Юй Синьян, нахмурившись. Ему не хотелось говорить о семейных делах, и Лао Хуану стало неудобно расспрашивать дальше. Они выпили. Лао Хуан, выпив спиртного, забыл, что не надо бы обсуждать эту тему, и продолжил:

– Синьян, а твой брат что, разведен?

Юй Синьян тяжело вздохнул:

– Мой брат глухонемой, инвалид, женился, но брак был непрочным, жену не удержал...

Тут он остановился, поднял чашку и чокнулся со всеми. Они пили водку «Больше, чем поллитра» – она так называется, потому как в бутылке шестьсот миллилитров. Сейчас это самая популярная водка в Ганчэне, экономичная и почти не бьет в голову. Лао Хуан с Сяо Цуем не позволили Юй Синьяну напиваться, налили ему пару чашечек, а остальное поделили между собой. Перед уходом Лао Хуан заметил комнату с обшарпанной дверью слева от гостиной. Он указал на нее Юй Синьяну и спросил:

– Это у вас туалет?

– По нужде надо? В другой стороне, а это не туалет.

– Лао Хуан в полумраке гостиной устался на Юй Синьяна.

– А там кто живет?

– Сестра.

– Так она тоже развелась? – спросил Лао Хуан.

– Развелась, потаскушка. Родила двоих детей, мальчик остался с отцом, а она дочь растит.

– А что, ее нет дома? – продолжал расспрашивать Лао Хуан.

– Не вернулась еще, она иногда возвращается, иногда нет. Ребенка на мать повесила, мать перед ней в долгу.

Лао Хуану стало не по себе: у Юй Синьяна такая большая семья, а работает он один. Из-за нехватки средств они в сарайчике позади дома разводят свиней, и в квартире из-за этого воняет хрюшками, пойлом и навозом. Сейчас, кроме специализированных хозяйств, в городе уже редко кто держит свиней: от них в жаркую погоду в доме не избежать появления комаров, мух и клопов.

То дело в результате обернулось не лучшим образом. Парнишку из четвертой средней отдубасили конкретно. Сяо Цуй невольно восхищался дальновидностью Лао Хуана. Майор Лю специально выбрал того полицейского-практиканта, у него было собственное мнение на этот счет: он повидал немало преступников, и, бросив пару раз взгляд на кучку студентов, сразу видел, кто ему нужен. Он выбирал себе ребят, которые с полуслова понимали, когда надо

пускать в ход кулаки. За многолетнюю практику по расследованию преступлений майор Лю усвоил, что самый простой и надежный способ – это физическое воздействие, от пары неожиданных ударов никакой молодец не устоит. Майор часто наставлял новичков: преступников можно заставить говорить только силой. Однако последние пару лет «сверху» все чаще стали приходить документы, запрещающие допрос под пыткой. Официально трудоустроенные полицейские опасались вылететь с работы и потому не распускали руки. И майору Лю оставалось рассчитывать только на практикантов: эти сопляки ни о чем и не думают, кроме как о том, чтобы хорошо себя показать в деле, и очень послушны.

На следующий день после того как они отлупили того пацана, они сообщили родителям, что те могут принести деньги и забрать своего ребенка. Его отец потратил больше десяти тысяч, чтобы выволочь сынка. Он привез его домой, а с ним что-то неладное: то заплачет, то засмеется. Отец ему: «Что с тобой, что с тобой?» А тот только и твердит: «Хочу пись-пись».

Он просился в туалет неделю или две, и в большинстве случаев без повода, чем совершенно измучил своего отца. А как-то наделал в штаны без предупреждения. Тогда терпение отца кончилось, и в тот же день он оставил дома ничего не соображающего сына и, спрятав под мышкой кухонный нож, направился в четвертую среднюю школу. Он хотел отыскать молодых учителей, которые в тот день позвонили в полицию, но те как испарились. К нему вышли заместитель директора, завуч и двое учителей физкультуры. Папаша потребовал компенсации, он сказал, что его сына избили и сделали инвалидом и что школа должна нести за это ответственность. В полиции с него взяли штраф в двенадцать тысяч юаней, и школа должна полностью возместить ему эту сумму. Школа, конечно, своей вины не признавала, но из гуманных побуждений готова была выделить тысячу юаней на лечение. Разница между суммами была слишком велика, и стороны не смогли прийти к общему решению. Тогда папаша выхватил нож и стал им махать направо и налево. Даже физруки, заявлявшие, что занимались ушу, не видали такой ярости и в момент были повержены на землю. У отца мальчишки глаза налились кровью, он принялся кидаться на всех, кто внешне был похож на учителя, и поранил многих людей. Когда приехала полиция, злоумышленник уже выбежал в школьный двор и собирался сесть в машину и скрыться с места преступления. Майор Лю, матерясь, выкрикнул ему, что он слабак, раз нападает на безвинных людей, что его сына избили в полиции, и если бы у него было достаточно смелости, он бы лучше пришел мстить туда. И, пыхтя от ненависти, он повернулся к стоявшему позади Лао Хуану и сказал:

– Тоже мне, сраный молодец против овец нашелся!

Когда злоумышленник был пойман, майор Лю велел местным дружинникам провести его по улицам вокруг четвертой средней школы и коксохимического завода: здешние молодчики уж больно любят задираться да скандалить, так чтоб им неповадно было. Да и надо было показать, что в полиции не только в баскетбол играть умеют.

Впоследствии, когда в вышестоящих инстанциях расследовали дело об избии ученика из Ганчэнской четвертой средней, майор Лю, естественно, повесил всех собак на практикантов. Лао Хуан видел, как те рыдали навзрыд, и хотя ему было их жаль, он знал, что такие типы, которые тупо подчиняются тому, кто старше, не повзрослеют, пока шишек себя не набьют. В этот раз ситуация была очень серьезной, спустить дело на тормозах было невозможно. Тот из них, кто бил сильнее, зря потратил годы на обучение в полицейском училище.

Сяо Цуй с Лао Хуаном шли по улице и весело болтали, когда слышали гудок автомобиля позади себя. В этом был весь Юй Синьян: стоило ему только приметить Сяо Цуя с Лао Хуаном, так он бросал все свои дела и вызывался их подвозить. Несмотря на то что жил он довольно стесненно, он не слишком-то заикливался на работе и любил проводить время с друзьями. К тем, кого он признавал другом, он относился с безусловным расположением. Пару раз он встречал Лао Хуана на улице одного и предлагал подвезти до дому. Лао Хуану было очень неудобно, ведь они были не очень хорошо знакомы, но Юй Синьян сказал, что давно хотел,

чтобы у него был такой друг, как Лао Хуан. В этот раз Юй Синьян усадил к себе в машину Лао Хуана и Сяо Цуя и спросил:

– Куда поедем?

– Да в «Е*еную утку», – наобум ответил Сяо Цуй.

Юй Синьян тоже знал, что на вывеске того ресторана отвалилась часть иероглифа и получилось такое странное название. Придя в заведение, они втроем дождались столика и уселись пить пиво. Лао Хуан напомнил Юй Синьяну:

– Синьян, ты на пиво-то не налегай, тебе еще везти нас!

Но Юй Синьян отмахнулся:

– Да ничего страшного, пиво – это не алкоголь, так, напиток, – и сделал большой глоток.

Они говорили о том о сем, и речь зашла о семейных делах Юй Синьяна. В гостях у Юй Синьяна ему было неудобно расспрашивать подробно, но после визита Лао Хуана подтачивало любопытство. А когда Юй Синьяну хотелось поболтать, его было не остановить. У него была нелегкая жизнь, и все переживания, копившиеся в душе, ему хотелось излить кому-то, иначе делалось очень трудно. Сначала заговорили о нем самом.

– А что я? Мне о себе и рассказать нечего, кроме как что жизнь у меня заковыристая. По молодости, еще лет десять назад, ввязывался в драки, не думая о последствиях, крушил, что под руку попадет, но сейчас уже так не делаю, потому как и за решетку попадал, и потом ущерб возмещать приходится. А у меня денег нет. Брату моему кололи стрептомицин, и от этого он оглох на оба уха. Младшая сестра тоже оглохла от этого чертова стрептомицина.

– Так раз брат от этого лекарства потерял слух, зачем же его было колоть и сестре?

Юй Синьян сделал большой глоток.

– Это моя мать виновата, она женщина недалекого ума, вот и натворила дел. Хорошо хоть я в детстве не болел и мне никогда уколов не делали, иначе бы у нас вся семейка глухонемых была, – горько усмехнулся Юй Синьян и продолжил про сестру: – А она умная, умнее, чем я, только вот оглохла. Отцу девочка была обузой, и когда она потеряла слух, он не стал отдавать ее в специальную школу, где она могла бы выучиться языку жестов, денег пожалел. За это она его ненавидит. Подростком она пошла к одному парикмахеру учиться, ну а потом... а потом он ее насильничал и еще обвинил в том, что это она его соблазнила. А она-то мычит, ничего толком сказать не может. Ну, потом родился ребенок, беленький такой, умер при родах. И к чему я все это только рассказываю? Не будем больше об этом.

– Да-да, не будем, – поддакнул Лао Хуан. Он внезапно вспомнил Сяо Юй из парикмахерской за горой Бицзяшань. Но Сяо Юй и Юй Синьян совершенно не похожи друг на друга. Если уж они брат и сестра, так у одного из них точно произошла генная мутация.

Не будем, не будем, а почему бы и не поговорить? Юй Синьян сам не удержался и продолжил рассказ:

– А потом она вышла замуж. Мужик любил развлекаться на стороне и таскал у нее деньги. Раньше ее парикмахерская располагалась в районе Туаньцзао. Ремесло она свое знает, характер хороший – к ней народ с утра до вечера потоком шел. А муж ейный брал деньги, которые она приносила, и тратил их на женщин. Однажды одна шлюха к нам в дом заявила, стала права качать, я ее за дверь выставил. Она поняла, что со мной шутки плохи, и убежала. Я считал, что должен защищать сестру – в конце концов, я ж ей старший брат, а она глухонемая. Я и муженьку ее несколько раз всыпал, а он под этим предлогом и развелся с ней. Она меня за это ненавидит. А я-то тут при чем? Раз ей так нужен мужик, так нашла бы себе кого понадежнее! Она умная, конечно, но обидчивая из-за инвалидности, поэтому любит придирается к мелочам.

– Так это не твоя ли сестра открыла парикмахерскую на горе Бицзяшань? – воспользовался паузой Лао Хуан.

– Так вы знакомы? – просиял Юй Синьян.

– Бреет мастерски!

– Значит, моя сестра! – заулыбался Юй Синьян. – Она красивая, не то что я, с рожей как кочан.

– Не садись сегодня за руль, иди-ка ты домой отдохни, – сказал Лао Хуан.

– Да ладно, ничего страшного. – Юй Синьян зачерпнул пригоршню орешков и заказал еще по бутылке пива. Они выпили по кружке. Глаза Юй Синьяна увлажнились. Лао Хуану оставалось только напоминать самому себе поменьше пить, чтобы потом помочь ему отогнать машину.

Юй Синьян обратился к Лао Хуану:

– Сяо Цуй говорит, что ты разведен. Так ты сейчас один?

У Лао Хуана задергалось веко. Он почувствовал, что этот балда собирается спьяну молотить всякую чепуху, и попытался сменить тему разговора.

– Э-э, ты мне зубы не заговаривай, – сказал Юй Синьян, – ты умный, сразу все смекнул. Я знаю, ты хороший, надежный человек. А моя сестра хоть и глуха на оба уха, но молодая, заботливая. Если ты к ней будешь хорошо относиться, и она к тебе всем сердцем прикипит.

– Синьян, я вот что тебе скажу: твои шутки далеко зашли. Ты знаешь, сколько мне лет? У меня дочь в следующем году замуж выходит. – Лао Хуан напустил на себя серьезный вид. – Ты с пивом перебрал, вот и несешь ерунду.

– Да какая же это ерунда! – возмутился Юй Синьян.

– Синьян, – вмешался Сяо Цуй, – ты и вправду уже накричался, вот и несешь... неизвестно что.

Юй Синьян был нетрезв, но все прекрасно соображал. Он вытаращился на Лао Хуана, сидевшего с каменным лицом, и тут же отреагировал:

– Как это – неизвестно что? Напросился к вам в компанию, е*еной уткой объелся, вот и несу по**ень!

У Шлака последнее время была очень насыщенная личная жизнь, и планы по созданию бомбы он пока оставил, переключившись на изучение языка жестов с немым Лао Гао. Лао Гао продавал самокрученные сигареты. Шлаку нравились у него сигареты с табаком «Берли», очень крепкие, так мало-помалу они и познакомились. Лао Гао был грамотным. Шлак показывал ему в словарики «Синьхуа» какое-нибудь слово, а Лао Гао тут же показывал ему, как это изображается на жестовом языке. Образность жестового языка делала его легким для запоминания, и Шлаку казалось, что с его помощью можно более точно передать смысл слов. Вернувшись от Лао Гао, он тут же обучал Сяо Юй новым жестам, и она охотно училась, ведь выдуманные ею жесты были ограниченны. Например, когда Сяо Юй пальцем указывала на Шлака, он понимал, что она обращается к нему. Ну а как сказать поласковее «дорогой», например? Если не учить жестовый язык, так и затруднишься сказать. Шлак научил Сяо Юй двум жестам, как передать это значение. Первый способ такой: обе руки надо сжать в кулаки, вытянуть большие пальцы, поставить руки вместе и провести кругом. Второй способ такой: вытянуть правую руку вперед и погладить большой палец левой руки с внешней стороны. У Сяо Юй была своя тракторка, ей казалось, что второй способ уж слишком двусмысленный: больше похож не на слово «дорогой», а на намек заняться любовью. И Сяо Юй предпочитала использовать первый жест: большой палец, в ее понимании, означал человека, два больших пальца – возлюбленных, а когда возлюбленные встречаются, то, понятное дело, голова идет кругом – вот и образность!

На сталепрокатном заводе был свой телеканал. Раз в два дня показывали десятиминутные новости, а в остальное время крутили сериалы и старые фильмы. Репертуар телеканала был ограничен, и один и тот же фильм ставили по многу раз. Память у Сяо Юй была очень хорошей, каким бы замысловатым ни был сюжет, она запоминала все подробности с первого раза, и когда они смотрели повтор, Сяо Юй спешила описать Шлаку, что будет в следующей сцене. Больше всего ей нравилось смотреть, как в старых гонконгских боевиках нелепо умирают герои. Когда она хотела изобразить, что кто-то кого-то убьет, она подставляла ладонь ребром к своему горлу,

как если бы это был нож, и закатывала глаза. Шлак от Лао Гао научился стандартному жесту для слова «убивать», он выглядел так: указательный палец левой руки вытянуть вперед, а правой рукой сделать жест, как будто спускаешь курок. Сяо Юй это жест не нравился, и она предпочитала использовать свой. Она перенимала жесты, которым ее учил Шлак, выборочно. Шлаку все больше нравилась эта глухая девушка. В ней была какая-то загадка, увлекавшая его все сильнее и сильнее. Ему часто казалось немыслимым, что он, знавший многих женщин, сейчас сходит с ума от глухонемой.

Сяо Юй время от времени использовала голову Шлака в качестве тренировочного поля, выстригая ему всевозможные прически по образцам из потрепанных журналов. Каждый раз при встрече она проверяла, насколько отросли волосы Шлака, и если считала, что достаточно, усаживала его на скамейку и принималась творить. В тот день показывали иностранный фильм «Последний из могикан». После просмотра Сяо Юй внимательно изучила голову Шлака. Его волосы были длиной всего несколько сантиметров, по идее, недостаточно длинные, чтобы делать прическу из фильма. Но Сяо Юй не терпелось попробовать. Сделать стрижку было просто: побрить налысо, оставив полоску волос сверху шириной в три пальца. В скором времени прическа была готова, она обнажила один шрам слева и два справа – следы старых разборок. «Хорошо еще хоть сверху немного оставила, иначе бы открылся красноватый след от шва», – думал Шлак. Но Сяо Юй прическа не понравилась, она решила довести начатое до конца и сбрила оставшиеся волосы.

Шлак протянул Сяо Юй пятьдесят юаней и велел купить головной убор и темные очки. Сяо Юй спустилась в магазин у подножия горы и купила не фуражку, а кепку с длинным козырьком. Очки она приобрела в ларьке на улице, с очень сильным затемнением, можно в любое время надеть их, и будет темно, как ночью.

Когда Шкурка зашел в комнату, Шлак как раз примерял головной убор.

– Не сопреешь в кепке-то? – спросил Шкурка.

Шлак промолчал. Шкурка заметил темные очки. В путешествие Шлак не собирался. Тут его озарило:

– Шлак, что, бомба готова? Можно приступать?

Шлак снял кепку и показал свою лысую голову.

– Опять обрили, башка мерзнет, греюсь.

Шкурка искоса разочарованно посмотрел на него.

– Что ты все тянешь? Если передумал, так и скажи! Что, я должен до скончания века ждать, как дура – замужества?

Шлаку было нечего возразить. Иногда он вспоминал, как у него зародилась мысль обвязать себя взрывчаткой и пойти грабить банк, как эта мысль вызревала и как он решил ее осуществить. Поначалу это были не более чем разговоры за бутылкой. Но Шкурка воспринял их серьезно, вызвался быть помощником и все спрашивал, когда они начнут. Шлаку было неудобно говорить, что это он наболтал по пьяни. Несколько раз он уходил от ответа, но со временем план по захвату банка вырисовывался все четче и четче, и от пустых разговоров они перешли к конкретным действиям. Шлаку казалось, что его, как пружину, завели. Конечно, это сделал не Шкурка, но тогда кто же? Узколобый Шкурка не раз его спрашивал:

– Ты что, просто так трещал, напугать хотел? Драться- то ты умеешь, но не каждый, кто кулаками машет, готов рисковать жизнью.

Шлак упрямылся, когда Шкурка начинал ставить под сомнение его способности, он твердо стоял на своем:

– Взрывчатое вещество еще не готово. Тут нужны некоторые специальные знания. Или, может, ты изобразишь, а я посмотрю? Когда ты сделаешь, тогда мы и приступим.

Шкурка ничего на это не отвечал. Он хотя и досадовал, что Шлак медлит, но сам в жизни не смог бы изготовить ничего сильнее хлопушки.

В скором времени бомба была готова. Хотя еще оставалось несколько технических моментов, ограбление было уже вопросом времени. Шлак это хорошо понимал.

Однажды рано утром Сяо Юй сама пришла к нему. После занятия любовью она сказала, что ей надо будет уехать на несколько дней. Ее сын, оставшийся после развода с мужем, заболел, требовались деньги. У нее сейчас денег не много, должна будет все отвезти. Она сама хотела побыть с сыном несколько дней, поухаживать за ним, ведь это ее кровиночка, развод тут ничего не меняет.

В последующие дни заведение Сяо Юй действительно было закрыто. Шлак все сидел у окна и смотрел на парикмахерскую через дорогу. Ему очень хотелось иметь достаточно средств, чтобы помочь Сяо Юй. Деньги, конечно, не главное, но зачастую именно они могут решить многие вопросы. Шлак вырос на приключенческих романах с единоборствами, и, начитавшись их, решил, что кто хорошо дерется, тот и более-менее богат и может свободно колесить по свету, соря деньгами направо и налево. И только сейчас, когда он стал взрослым, он понял, что все совсем не так.

Шкурка опять приволок домой целый мешок барахла. Он развязал веревку, и на пол со звоном покатались разные мелкие предметы и несколько пустых бутылок из-под пива. Шлак хотел сначала съзвизить на это счет, но не смог ничего сказать, на душе у него сделалось тяжело.

– Как продвигается работа над бомбой? – Шкурка кинул ему книгу из серии «Самоучитель для молодежи», изданную в начале семидесятых годов – учебное пособие по обороне для низовых организаций народного ополчения. На обложке стояла печать: «Для распространения среди молодежных групп из выпускников школ, отправляющихся в деревню».

– Полистай, может, пригодится, – сказал Шкурка. – Посмотри, там есть картинка бомбы в разрезе. Бомбу вообще можно разрезать?

– Братан, да это для наглядности нарисовали. Где ты ее отрыл? Она бесполезна. Можно двадцать раз посмотреть «Минную войну»⁶, все равно не поймешь, как делать мины.

Он вертел в руках эту старую книжицу, и на душе у него делалось еще мрачнее. Ему очень хотелось схватить Шкурку за ухо и прокричать: «Человечество уже шагнуло в двадцать первый век, в любом деле надо разбираться в науке, в технологии. Даже для изготовления самодельной бомбы нужен высокий технический уровень». Но разве ж мог Шкурка это понять, раз в один мешок грузил и пустые бутылки, и мечту разбогатеть? В результате Шлак осознал одну вещь: если у них с Сяо Юй когда-нибудь родится ребенок, обязательно надо, чтобы он хорошо учился.

Шкурка сел, открыл пачку сигарет «Дацяньмэнь», затянулся и сказал:

– Шлак, а не обязательно делать бомбу, мы можем начать с малого. – Дым от сигареты был очень густой и выходил из Шкурки наружу вместе со словами. Он продолжил: – Можно ведь еще чем-то заняться, не обязательно банк грабить. Например, тащить кабель с железной дороги, срезать внешние блоки кондиционеров или на товарной станции тырить цинковые бруски. Хотя много и не напромышляешь, но по крайней мере безопасно.

Шлак нахмурился. Он никогда не думал заниматься такой ерундой, да и сейчас это его не очень заинтересовало. Шкурка продолжал:

– Или можно заняться таксистами. У этих ребят всегда по тысяче юаней на руках водится. Нож к горлу приставишь, так они все и отдадут как миленькие. Ли Мусин и Сяо Фан этим пробавляются.

Это Шлаку показалось более надежным. Да и не мог он постоянно говорить Шкурке «нет», Шкурка бы решил, что он трус.

– Братан, а ты водить-то умеешь? – спросил Шлак.

– Умею, только права не получил.

⁶ «Мишная война» – китайский фильм 1962 года. – Здесь и далее примеч. пер.

– Дурак, ты на ворованной тачке собираешься с правами кататься? Давай готовиться.

Приняв решение, Шлак подошел к окну и посмотрел на послеполуденное небо. Ему очень хотелось увидеть Сяо Юй. Парикмахерская была заперта. Стал накрапывать дождь.

Преступление было совершено на участке между районом Ю'ань и промышленной зоной Дадин. От четырехполосной трассы в сторону отходила узкая улочка, шедшая вдоль ручья. Параллельно этой улочке на расстоянии километра находилась речная отмель. Труп выбросило на отмель. Когда положение тела очертили, находиться на месте преступления стало еще тягостнее. Мигалки не выключали. В подобные утренние часы воздух делался особенно густым. Машина, в которой ехал Лао Хуан, по дороге забарахлила, и он прибыл минут на десять позже остальных. Подойдя, он увидел заплаканные глаза Сяо Цуя. Как бы мужчина ни вытирал слезы, следы все равно видны, не то что у женщин.

– Что произошло? – спросил Лао Хуан, подходя. Вопрос Лао Хуана вызвал новую волну эмоций у Сяо Цуя, его глаза вновь увлажнились, и он ничего не ответил. Лао Хуан подошел поближе. Тело лежало в той же позе, в какой было найдено. Выражение на лице и конечности застыли в странном положении. Лао Хуан почувствовал, с какой обидой умирал этот человек. Лицо покойника казалось знакомым, но после смерти лица могут исказиться до неузнаваемости. Лао Хуан подошел еще ближе и узнал в умершем Юй Синьяна.

Экспертиза на месте преступления проводилась согласно установленному порядку. Специалисты осматривали территорию, тщательно отыскивая отпечатки пальцев, следы, вещественные доказательства и тому подобное. Лао Хуан почувствовал себя лишним и отошел поближе к воде, сел на гальку и нащупал в кармане сигареты. В глаза бил мерцающий свет сигнала полицейской машины. Из зарослей кустарника на отмели поднимался и тут же исчезал туман. Лао Хуан зажег сигарету. Он окинул взглядом место и подозвал ближайшего полицейского сделать фотографии. «Этого будет недостаточно», – подумал он про себя.

– И принеси еще гипсовый порошок, надо будет отлить форму, около тела в мягкой земле остался отпечаток ноги, – добавил он.

В расследовании Лао Хуан редко делился своими суждениями, но когда он что-то поручал, молодые полицейские сразу выполняли его задание. В исследовании отпечатков ног он слыл мастером. Его за это ценили и именно поэтому перевели в нынешнее отделение полиции.

Затем Лао Хуан обнаружил в кустах два окурка и захватил их с собой. Полоска гравия на берегу была как будто специально предназначена для отдыха. Он подумал, что если бы след от задницы представлял какую-нибудь ценность, надо было бы и его запечатлеть. Он мог бы с уверенностью заявить, что преступник там сидел: оставив тело, он подошел к реке смыть следы крови, и, утомившись, сел на гальку покурить. Преступники часто после убийства чувствуют сильную усталость. Река была довольно широкой, но мелкой, иначе тело не прибило бы к отмели.

Пока Лао Хуан делал гипсовую форму, его окружила группа молодых полицейских. Поначалу, когда начинают отливать формы, не всегда понятно, на что надо обращать внимание, и раз уж такой мастер, как Лао Хуан, лично показывал технологию, следует смотреть во все глаза. Лао Хуан уложил ленту из армированной сетки по краю следа и очистил его от соринки. В местах, где след пропечатался не очень четко, нужно было работать особенно аккуратно, и это мог сделать только опытный профессионал. Лао Хуан начал медленно вливать разведенный гипс. Стоявшие поодаль молодые полицейские вытянули шеи, напряженно следя за происходящим. Лао Хуан видел боковым зрением их восторг, и ему было приятно. Своевременно высказанное восхищение твоей работой все же может привести в прекрасное рабочее состояние.

На совещании, организованном на месте преступления, первым выступил майор Лю. Он возглавлял практически все важные уголовные расследования. Его методы были устаревшими,

он проводил масштабные расследования, не жалея ни материальных, ни человеческих ресурсов, но всегда добивался результата. После установления личности погибшего майор Лю определил, что это было убийство с целью угона автомобиля. В прошлом году часто возбуждались дела по угону и грабежу машин, за которыми наверняка стоит шайка преступников. Городское управление полиции уже утвердило общий стратегический план по раскрытию этих дел, согласно ему сейчас шла стадия сбора улик и уточнения информации. Сети расставлены, ждали только сигнала к началу действий. Логично, что майор Лю отнес это преступление к делам рук шайки угонщиков автомашин. Кроме того, бандиты чаще всего крали такси, потому что эта марка автомобилей была очень распространена, стоила недорого, и преступники могли распродавать автомобиль на запчасти. За несколько лет бандиты создали бизнес по продаже запчастей, но им все было мало, они хотели переходить к продаже оптом, большими партиями.

До сих пор в делах об угоне и ограблении машин не было убийств. А поскольку майор Лю причислил это дело к остальным, появлялось основание говорить о том, что шайка грабителей перешла к более серьезным преступлениям. Это означало, что городское отделение полиции должно внести соответствующие изменения в общий план, выделить больше полицейских сил и увеличить интенсивность расследований. Майор Лю убедительно изложил свои доводы. Говоря, он по привычке сжимал и разжимал пластиковую бутылку из-под питьевой воды, отчего она то сдувалась, то опять вбирала воздух, издавая резкий хрустящий звук.

Иногда Лао Хуану хотелось обсудить с майором Лю вопрос о целесообразности расходов, затрачиваемых на расследования преступлений, но он прикусывал язык. Он знал, что у майора Лю голова забита практическими вопросами, и ему в жизни не понять такое словосочетание, как «целесообразность расходов, затрачиваемых на расследования преступлений»: хорош тот кот, который ловит мышей. А если в погоне за мышью он перевернет шкаф с посудой, то это не его проблемы, а хозяйина.

Совещание устроили прямо на гальке. Земля была леденющей, холод проникал до самых костей. Лао Хуан поднялся и высказал свою точку зрения:

– Считаю преждевременным причислять данное происшествие к делам об угоне машин. Майор Лю молча перевел взгляд на Лао Хуана.

– Налицо явные отличия этого дела от тех, где орудовала банда преступников. Прежде всего, никого не убивали, самое большее – оглушали водителя тупым предметом, чтобы тот отключился и было удобнее угнать машину. У той преступной группировки никогда не возникало повода для убийства. А в этом случае убийца орудовал острым предметом, одним ударом прикончил человека.

Молодые полицейские слушали очень внимательно. Майор Лю обвел присутствующих взглядом, поджал губы, опять сдвинул пластиковую бутылку, но в ней уже не было воздуха и она не издала звука.

– Что-нибудь еще? – спросил он.

Лао Хуан ухмыльнулся, как будто ожидая, что майор Лю задаст этот вопрос. Он достал только что изготовленную гипсовую форму, поставил ее посередине и, указывая на верхнюю часть, сказал:

– Это отпечатки подошв. Используя обычную процедуру, едва ли можно достоверно судить о росте преступника. На отпечатках, собранных на месте преступления, виден рисунок двух типов: геометрический и волнообразный. Размер обуви довольно большой, и в соответствии со стандартной процедурой следует предположить, что оба преступника были ростом выше ста восьмидесяти сантиметров. Местные же все по большей части невысокие, двое людей ростом по сто восемьдесят с лишним сантиметров редко встречаются. Даже исходя из этого факта, следует признать, что налицо явное отличие этого дела от других. Однако, судя по характеру следов, обнаруженных за зарослями, – Лао Хуан указал пальцем на кустарник, – становится очевидным, что длина шага не соответствует росту. Это служит доказательством того,

что преступники намеренно надели обувь большего размера, чтобы сбить с толку уголовный розыск. Поэтому стандартная процедура вычисления роста в данном случае неприменима. – Лао Хуан поднял гипсовые формы и продолжил: – Оба преступника, вероятно, молодые мужчины старше тридцати лет, следы обладают типичными характеристиками этой возрастной категории: на них видны заметные царапины, щербинки и выбоинки. Следует отметить, что обычно передняя часть отпечатка относительно глубокая, здесь же на нос ботинка, по всей видимости, не оказывалось никакого давления, и он приподнимался, что не соответствует стандарту. Это еще раз доказывает, что преступники носили обувь большего размера, носы ботинок наполнили чем-то мягким, что привело к их неплотному соприкосновению с поверхностью земли.

– Ну и что с того? – вставил майор Лю.

Лао Хуан открутил крышку бутылки, медленно сделал несколько глотков воды и продолжал:

– Очевидно, что ходить в обуви большего размера, да и еще надевать ее, идя на преступление, неудобно. Члены шайки, занимающиеся грабежом машин, уже совершили множество преступлений, и даже если бы им захотелось запутать следы и помешать расследованию, они бы не стали устраивать маскарад с обувью, усложняя себе жизнь. Надо полагать, что оба преступника в этом деле неопытны, поэтому уделили маскировке столько внимания, они слишком старались все предусмотреть. Исходя из вышесказанного, я полагаю, что можно совершенно точно разделить это дело и дела о грабеже машин.

– Не стоит быть столь категоричным! – Лицо майора Лю вытянулось, отчего он стал похож на карася, выпускающего пузыри воды. – Считаю вполне возможным придерживаться двух версий: временно причислить это дело к серии случаев об угоне машин, и, получив поддержку городского управления, провести широкомасштабное расследование. Данное дело имеет частные отличия, мы назначим ответственное лицо для проверки. – Майор Лю уже много лет был на руководящей должности и сейчас решил использовать не допускающий возражений тон.

Лао Хуан ничего не ответил. Ему не хотелось провоцировать майора Лю.

Покидая место происшествия, Лао Хуан позвал Сяо Цуя и еще двух молодых полицейских поехать вместе. Они отстали от других машин и ехали медленно, надеясь по пути обнаружить новые улики. Привычка Лао Хуана, выработанная за многие годы: после изучения места преступления еще раз проехать по соседним улицам и навести справки – неоднократно приносила свои результаты. Да и к тому же весь день он напрягал мозги на месте преступления, и сейчас, катаясь по улицам и посматривая вокруг, он расслаблялся. Трава на обочине почти везде спутана, а отдельные участки прилизаны ветром, как волосы, покрытые лаком. Кое-где зелень начинала жухнуть. Вдруг Лао Хуан велел водителю остановиться. Он выпрыгнул из машины и пошел к черному пятну в нескольких десятках метров от дороги.

– Что там? – спросил Сяо Цуй.

– Пока не знаю, хочу посмотреть, – ответил Лао Хуан. Он шел не быстро, но и не медленно, а когда вернулся, в руках у него была кепка из тех, какие носит молодежь, – черная, с большим козырьком, с внутренней стороны приклеена этикетка фирмы «Мэйтэбан».

– Кепка, – сказал Сяо Цуй. Он взял ее посмотреть. Обычная кепка. Лао Хуан спросил:

– Ну да, кепка. Посмотри, в ней нет ничего примечательного?

Сяо Цуй напрягся. Ему очень хотелось выпалить тот же ответ, что был в голове у Лао Хуана. Он долго вертел ее в руках, но так и не смог найти никакой зацепки.

– Ты слишком глубоко копаешь, – сказал Лао Хуан, – ты проще смотри, а если и это не сработает, сними свою фуражку и сравни.

Сяо Цуй так и сделал. Но только что толку сравнивать фуражку с этой кепкой? Лао Хуану больше не хотелось его мучить, он усмехнулся и произнес, указывая на край с внутренней стороны:

– Смотри сюда. Видишь, тут еще нет следа от жирных волос? Значит, носили ее совсем недолго.

– А как можно точно узнать, что ее оставил преступник?

– Сразу видно, что эта кепка брендовая, стоит несколько десятков юаней. Предполагаю, что ее сдуло ветром. Если это не злоумышленник, который спешил совершить преступление, то что могло помешать человеку остановиться и поднять ее?

До Сяо Цуя постепенно начало доходить.

– Так все произошло на этом отрезке пути, и первое место происшествия здесь? – Сяо Цуй посмотрел вдоль трассы. Серая поверхность дороги напоминала дохлую змею.

Лао Хуан ничего не ответил. Он надел кепку и учуял исходивший от нее тонкий запах присыпки. Сейчас уже редко кто из парикмахеров после стрижки обрабатывает голову клиента присыпкой.

В районе Туаньцао панихиды всегда справляли очень шумно. В этом обшарпанном отдаленном местечке, тем не менее, живет очень много людей. Лао Хуан и Сяо Цуй купили по траурному венку. Людей с завода и хороших знакомых Юй Синьяна пришло очень много, расставили столы с картами и мацзяном. Лао Хуан отыскал стул и уселся в уголке. За соседним столом, где резались в карты, одному из игроков позвонили, и он подозвал Лао Хуана:

– Братец, сыграешь пару партий вместо меня?

Лао Хуан кивнул и протиснулся к столу. Играли в «Сортир», проигравший платил пять цзяо. Игроки за столом были полные дилетанты. Лао Хуану было скучно, он выигрывал и постоянно отвлекался.

Часов в девять вечера он увидел Сяо Юй. Говорили, что домашние искали ее днем, обошли всю гору Бицзяшань, но так и не нашли. И вот она пришла сама, в скромной строгой одежде, с заплаканными, опухшими глазами. Подойдя к портрету Юй Синьяна, она зарыдала. Звук ее плача был низкий, пугающий. Многие оторвались от своих занятий и посмотрели на Сяо Юй. Она упала на землю, и родственники кинулись ее поднимать. Лао Хуан склонился над картами. Выплакавшись, Сяо Юй медленно пошла в его сторону и села на стул, на котором только что сидел Лао Хуан. Он взглянул на нее, она долго всматривалась в него и наконец узнала в нем старого клиента. Она утерла слезы, через силу улыбнулась и тут же опять зарыдала.

В два часа ночи в поминальный зал зашел молодой человек с рыбьими глазами и прямоком направился к Сяо Юй. Она спала, уткнувшись себе в колени. Молодой человек ее разбудил и жестами показал, чтобы она вышла поговорить. Лао Хуан машинально окинул его взглядом, в том числе и ботинки. Это уже была профессиональная привычка: когда он смотрел на кого-то, его взгляд всегда фиксировал обувь человека. Бетонная поверхность пола была очень твердой, к тому же его недавно подмели и пыли не было, поэтому следов не осталось. Лао Хуан продолжил игру, время от времени косясь на дверь. Сяо Юй вышла следом за «рыбьим глазом», и оба пропали из виду. Ганчэнские ночи были непроглядно темны.

В тот вечер Шлак был в совершенном смятении. Он раскаивался, что убил человека, причем и денег-то не добыл, к тому же убитый оказался братом Сяо Юй. Он негодовал: как же так? Такой большой город, и надо же, вот совпадение! В тот день он посмотрел на физиономию таксиста, но совершенно не подумал, что он может быть как-то связан с немой Сяо Юй. Вечером того дня он подошел к месту, где стоял гроб, и велел Шкурке позвать Сяо Юй. Когда она вышла, он повел ее вглубь переулка. Шкурка тактично исчез. Шлак снял кепку, почесал голову и жестами спросил у Сяо Юй, что произошло. Сяо Юй, заливаясь слезами, сказала, что убили ее брата.

Шлак совершенно точно знал, что Юй Синьяну действительно перерезали глотку. Сяо Юй плакала не переставая. Она плотно сжала веки, но слезы продолжали течь. В бледном свете

фонаря ее глаза были похожи на две мокнувшие раны. Шлак вытер ей лицо, вынул из кармана несколько банкнот, вложил их ей в ладонь и сказал: «Не плачь, у тебя есть я». Сяо Юй с усилием улыбнулась и попыталась сдержать слезы. Шлака еще больше задела ее улыбка. Он схватил ее, оттащил от света и крепко поцеловал. Когда он вытолкнул ее язык из своего рта, в нем уже бурлило страстное желание. Он взял такси до дома в Бицзяшань и затащил ее в свою съемную квартиру. Страстно обнимая ее, он почувствовал, как тело Сяо Юй становится влажным и липким. Шлак не включал свет, так как знал, что лицо у нее сейчас было крайне печальным, это поставило бы его в неловкое положение и он не сумел бы справиться с эмоциями.

Во время продолжительного любовного акта Шлак слышал треск хлопучек вдали. Возможно, в таком большом городе, как Ганчэн, в это же время проводились другие траурные церемонии, и эти хлопучки пускали не для Юй Синьяна.

Майора Лю временно направили в городское управление полиции, чтобы он возглавил дела об угонах и грабежах автомашин. Расследование шло интенсивно, сбор доказательств продолжался, выражаясь канцелярским языком, «были достигнуты промежуточные результаты». Несколько основных дел были взяты под контроль. На совещании в городском управлении майор Лю обозначил свою точку зрения. Он считал, что необходимо сначала расставить сети и не стремиться разом поймать всех преступников, а нанести удар по ключевым центрам, после этого подвести итоги и уже на втором этапе отлавливать мелких сошек по отдельности. В городском управлении поддержали позицию майора Лю, но сеть получалась очень широкой, следовало привлечь дружественные полицейские отделения из соседних провинций для совместных действий, так как первый этап надо было отработать тщательно и основательно.

Последнее время майор Лю ни с кем не виделся, практически все время занимался рабочими делами на выезде. Иногда он приходил в отделение в модном гражданском штатском костюме с лакированным кожаным портфелем под мышкой, совсем как бизнесмен из Гуандуна. Несколько полицейских он взял себе в помощники, и они ездили вместе с майором Лю по делам. Остальные же, ведя свои дела, ходили к Лао Хуану за советами. Было видно, что он пользуется авторитетом у коллег, но он старался не брать инициативу на себя. Когда спрашивали его мнение, он говорил:

– Делайте, как считаете нужным. У каждого свои методы, братцы, у телеги своя дорога, у коня своя. Я посмотрю, так у вас идей больше, чем у меня, будет!

Лао Хуан обратил все свое внимание на найденную кепку. Особенно не распространяясь, он поручил троим полицейским заниматься этим делом. Майор Лю постоянно отсутствовал, и Лао Хуан получил свободу действий. Сяо Цуй и другие молодые полицейские считали, что заниматься поисками преступников по такой крошечной зацепке – пустое дело. Что можно найти по кепке, найденной на обочине? Ганчэн, конечно, город небольшой, но людей в нем больше миллиона, город поделен на несколько районов, а кепка самая заурядная, искать убийцу по ней – все равно что искать иголку в стоге сена. Более того, еще неизвестно, имеет ли кепка какое-то отношение к преступлению. Лао Хуан странно усмехался, говоря:

– Погодите, еще рано судить. Трудное или легкое дело – критериев нет. В одних делах оказывается, что все гораздо труднее, чем предполагаешь, а в других – наоборот.

Занявшись кепкой вплотную, молодые полицейские поняли, насколько ошибочным было их начальное суждение. Установив, что это оригинальная кепка фирмы «Мэйтэбан», можно было сразу исключить все оптовые рынки, мелкие магазинчики и придорожные лотки. В Ганчэне находилось пять специализированных магазинов фирмы «Мэйтэбан». По статистике магазина, данная кепка была основной моделью, поступившей в продажу в прошлом году. Всего в Ганчэн было привезено сто семьдесят четыре экземпляра. Товарные чеки и квитанции имеются на пятьдесят одну штуку (тут пришлось объяснить хозяину магазина, что идет расследование преступления, и к Управлению по промышленности и торговле это не имеет ника-

кого отношения, только тогда хозяин согласился предоставить чеки). Сяо Цуй собирался по чекам найти этих пятьдесят одного покупателя и сначала проверить их, но Лао Хуан сказал, что тех пятьдесят одного человека надо оставить в покое и проверить оставшихся сто двадцать три. Хозяин магазина и продавцы по памяти описывали полицейским тех, кто покупал такие головные уборы. Собирать сведения получалось мелкими партиями, что козий помет: в один раз вспомнят парочку, в другой – еще одного-двух. На этом этапе полицейским пришлось тренировать свое терпение, они неоднократно обходили пять магазинов и получали все новую информацию. Сяо Цуй заносил описание каждого покупателя в компьютер.

Расследование о том, кому принадлежала кепка, так и не сдвинулось с мертвой точки, а городское управление решило в ближайшее время устроить облаву на угонщиков автомобилей. Были мобилизованы все подразделения полиции. Майор Лю уже вернулся в свое отделение, сменив костюм бизнесмена обратно на полицейскую форму. Лао Хуану ничего не оставалось, как отложить дело о кепке и подключиться к общему заданию.

Перед началом совместной операции все задействованные сотрудники правоохранительных органов собрались в зале заседаний городского управления полиции. Обстановка напоминала ограбление в столовой самообслуживания. Пришедшие получили по две этикетки с номером, на которых надо было написать свое имя, и одну из них прилепить к антенне телефона. Далее несколько серьезного вида девушек-полицейских синхронно прошли по рядам с поддонами из нержавеющей стали, куда все должны были положить свои мобильники. Лао Хуан с грохотом опустил в поддон и свой телефон. Сяо Цуй впервые увидел, каким телефоном пользуется Лао Хуан. Это был «Нокиа 5110», модель пятилетней давности, огромный и похожий на молоток. Когда он опустил в поддон свой аппарат, казалось, рука держащей поддон девушки немного опустилась. Полицейские, клавишие телефоны после него, не могли сдерживать усмешку, глядя на мобильник Лао Хуана: уж слишком он выделялся среди остальных.

В день операции Лао Хуан никак не мог собраться с силами, а в Сяо Цуе, наоборот, энергия была ключом, так как на установочном совещании ему подняли боевой дух. Хотя операция сама по себе была довольно скучной: надо было задержать преступников и разыскать автомобили – все равно что дома картошку чистить. Группа Лао Хуана и Сяо Цуя была ответственна за задержание преступника по фамилии Цюань в номере спа-центра на втором этаже отеля «Хуанцзинь Сибу». Выбив дверь из армированного пластика и ворвавшись в помещение, они увидели распаренного и урчащего от удовольствия парня, сидевшего в кадке, в каких в деревнях закалывают свиней, и девушку, делавшую ему массаж. Увидев людей с пистолетами, Цюань не дрогнул ни одним мускулом, как человек, выдавший вида. Когда Сяо Цуй приблизился к нему, Цюань вдруг зарыдал в голос. Сяо Цуй с отвращением сплюнул в сторону и подумал: «Ну что за невезуха, готовился-готовился полдня, а тут такой соплежуй».

Другой группе полицейских, которую направили на старый склад завода азотных удобрений, довелось увидеть более интересную картину: открыв ворота, они обнаружили аккуратные стопки мешков с химическими удобрениями, уложенные в десять с лишним чжанов⁷ шириной и четыре-пять чжанов высотой. Но стоило им разобрать первый ряд, как внутри оказались сложенные штабелями автомобили. Это были ворованные или списанные машины. Репутация у той банды преступников была не очень: они слегка ремонтировали списанные автомобили, перекрашивали и сбывали на черном рынке как подержанные, зарабатывая на разнице. Лао Хуан волновал только один вопрос: есть ли там машина Юй Синьяна. Но в тот раз ее не нашли. В последующие месяцы городское управление полиции отыскало еще сорок списанных автомобилей, проданных в соседние провинции. Машины Юй Синьяна «Линьян» с номером 3042 среди них тоже не было.

⁷ Чжан – мера длины, равная 3,33 м.

Устроили собрание, чтобы отметить успехи. К майору Лю проявляли в тот день особое внимание, перед ним стояли микрофоны всех размеров, прямо как стопка дров. Майор говорил так много, что стал даже заговариваться. Вечером майор Лю поволок всех в караоке-бар. Лао Хуан с Сяо Цуем ехали следом за машиной майора и опять приехали к отелю «Хуанцзинь Сибу». В холле туда-сюда без толку слонялись, как зомби, множество девушек. Сразу стало понятно, что они торгуют собой. Сяо Цую показалось это нелепым: почему они оказались именно здесь? Сяо Цуй бросил несколько взглядов на Лао Хуана, желая узнать, что он думает по этому поводу, но Лао Хуан, казалось, не замечал выражения лица Сяо Цуя. Когда у него в руках оказался микрофон, он запел арию «Сколько же горя, слышны голоса соотечественников, обиженных на дорогах»⁸. Это была ария на два голоса, но кто ж из молодых мог подпевать? Лао Хуан спел за двоих – и за Ли Юйхэ, и за точильщика ножей. Лао Хуан заметил недоумение Сяо Цуя, но не мог же он ему сказать, что майор Лю получает долю с этого отеля. Без участия полиции такого размаха сутенерский бизнес не продержался бы и дня. Конечно, это все по слухам, не точно. И хотя об этом ему рассказал его хороший приятель, и вряд ли он стал бы болтать что попало, Лао Хуан, как старый полицейский, предпочитал верить доказательствам.

Поскольку во время этой операции машину Юй Синьяна не обнаружили, Лао Хуан предложил выделить этот случай из общего расследования и вести дело отдельно. И конечно, руководить им он будет самостоятельно. Он взял к себе нескольких людей, которых уже давно при­смотрел.

Вскоре из магазина «Мэйтэбан» в районе Туаньцао Сяо Цуй получил информацию о том, что эту модель кепки покупала одна глухонемая женщина. Продавщица, только что вернувшаяся из отпуска, очень хорошо ее запомнила. Если бы обычный человек покупал такую мелочь, как кепку, она вряд ли запомнила бы это событие так отчетливо, или могла бы спутать, за трусами приходил человек или за кепкой. А тут немая пришла за мужской кепкой – продавщица обратила на это внимание. Женщина сначала жестами показала, что хочет получить скидку, и продавщица с трудом смогла до нее донести, что в их магазине скидок не делают, здесь не рынок. Продавщица думала, что раз немая не получила скидку, то и покупки не будет, но она все же приобрела кепку. Сяо Цуй фиксировал приметы немой, и продавщица добавила, что время от времени эта женщина проходит мимо их магазина.

Сяо Цуй показал свои записи Лао Хуану:

– Вам никого это не напоминает? – спросил он.

– Сяо Юй, – моментально отреагировал Лао Хуан. Сяо Цуй кивнул. Лао Хуан нахмурился:

– Так что, она купила кепку своему брату? Неужели она была на Юй Синьяне? Он ведь не имел привычки носить головной убор.

– Может быть и так, – ответил Сяо Цуй. – Юй Синьян пошел в таксисты, а таксисты целыми днями на улице, любят носить кепки с козырьком. Вот Сяо Юй и решила сделать ему подарок, все сходится.

Сяо Цую пришлось проторчать несколько дней у магазина «Мэйтэбан», чтобы убедиться, что это именно та глухонемая. И вот в один дождливый день после полудня продавщица похлопала его по плечу: «Она, это она». Он посмотрел, куда указывали, и действительно увидел Сяо Юй. Вернувшись в отделение, он решил, что кепку как улику надо считать бесполезной: понятно же, что Сяо Юй купила ее в подарок брату, поэтому кепка слетела с головы Юй Синьяна. Однако Лао Хуан считал, что не стоит пока тревожить Сяо Юй, а лучше понаблюдать за ней, посмотреть, с кем она обычно общается.

На следующий день Сяо Цуй по распоряжению Лао Хуана пошел на гору Бицзяшань, чтобы от парикмахерской, как исходной точки, понаблюдать за обстановкой. Через дорогу

⁸ Ария из так называемого образцового революционного музыкального спектакля 1960-х годов «Красный фонарь».

напротив стоял черный обшарпанный дом в пять этажей. Сяо Цуй забрался на плоскую крышу здания, устроил себе наблюдательный пункт в кладовке, крытой рубероидом, и стал наблюдать за происходящим внизу. Сяо Цую казалось, что жизнь у Сяо Юй проще некуда: каждый день открывает парикмахерскую, закрывает парикмахерскую, иногда вечером идет играть в «Пивоварню». Денег, которые она зарабатывает за два дня, хватает только на то, чтобы купить пять-шесть фишек. В заведении Сяо Юй обычно смотрела, как играют другие. Однажды она поставила на нечетное число, и ее сумма умножилась в тридцать два раза. На следующий день она парикмахерскую не открывала, целый день провела за игрой, пока не спустила все деньги.

На четвертый день Сяо Цуй увидел, что Сяо Юй перевезла целую грудку вещей в парикмахерскую. Создавалось впечатление, что она собирается поселиться в собственной лавке и больше не станет возвращаться домой. Сяо Цуй был убежден, что Сяо Юй не имеет никакого отношения к делу, поэтому он спустился, пришел к ней в салон и поинтересовался, не может ли он чем-нибудь помочь. Сяо Юй узнала Сяо Цуя, она помнила, что он был другом ее брата, работает в полиции. Она свалила вещи кучей и не стала разбирать, на лице ее застыло подавленное выражение. Сяо Цуй достал кепку и показал ей, у Сяо Юй тут же брызнули слезы из глаз. Можно было не спрашивать, и так понятно, что эту вещь она подарила своему брату. Сяо Юй хотела оставить ее себе на память, но Сяо Цуй отрицательно покачал головой.

Улика не оправдала ожиданий, и многих охватило уныние. На нее было затрачено немало времени, и вот какой результат.

– Как же раньше мы не предположили, что это кепка покойника? – не сдержался Сяо Гуй.

Лао Хуан ничего не ответил. Он самокритично думал, что, может, он понимает только в отпечатках следов, а для того, чтобы разбираться в головных уборах, надо обладать другим мышлением?

Вечером того дня Лао Хуан сидел дома: телевизор ему смотреть не хотелось, прочитанное не лезло в голову. Он вертел в руках ту кепку и вдруг обнаружил маленькое, еле заметное круглое пятнышко крови слева на внешней стороне, от которого ткань затвердела. Кепка была черной, и крохотное пятнышко было практически незаметно. Лао Хуан тут же отнес кепку на проверку в лабораторию городского управления полиции, чтобы сравнить с образцами крови Юй Синьяна. Он сомневался, можно ли по такому маленькому следу провести лабораторный анализ, но его заверили, что запросто. Результаты подтвердили, что это действительно кровь Юй Синьяна. Лао Хуан был еще больше озадачен. Аутопсия показала, что жертве разбили нос, а другая рана была нанесена ножом справа в шею.

Если это кровь Юй Синьяна, думал Лао Хуан, то как она оказалась на его собственной шапке? Пятнышко круглое, очевидно, что кровь брызнула, а не была смазана. У шапки есть козырек, и если бы кровь брызнула в то место, капле пришлось бы описать в воздухе дугу. Даже Бэкхем, который ногами на пианино может играть, вряд ли смог бы так пнуть мяч.

В тот день Шлак открыл входную дверь и собирался спуститься, когда увидел поднимавшегося наверх человека. Было видно, что он не местный жилец, он шел по лестнице, задирая голову. Когда человек проходил мимо Шлака, Шлак схаркнул в мусорное ведро, стоявшее в углу у двери, и зашел обратно в квартиру. Он сразу понял, что это был «зеленый башмак»: его левый карман штанов оттопыривался, там было оружие, телефон же он держал в руке. Шлак подошел к окну, выходящему на парикмахерскую, и посветил зеркальцем. Сяо Юй заметила сигнал, подошла к двери, и Шлак жестами показал ей, чтобы она не приходила, что он сам зайдет к ней вечером.

Вечером, когда Сяо Юй отправилась в игровое заведение, «зеленый башмак», естественно, пошел следом. Шлак еще больше утвердился во мнении, что «зеленый башмак» высматривает его. Сяо Юй вышла из игровой, «башмак» – за ней. В районе одиннадцати «баш-

мак» посмотрел на часы и отстал от Сяо Юй, свернув на другую дорогу. Шлак велел Шкурке стоять на стреме, а сам потащил Сяо Юй в съемную квартиру, где они опять предались страсти. Прыть Сяо Юй распалила чувства Шлака, ему нравилось испытывать опустошенность после секса. После он включил свет, усадил ее в кресло и объяснил, что должен будет уехать на какое-то время.

Сяо Юй очень расстроилась. Она почувствовала, что в этот раз Шлак уезжает надолго. Если бы он уехал на пару дней, она бы ничего не сказала, хотя раньше расставания и на пару дней было достаточно, чтобы сердце ее начинало разрываться на куски. В ее мире не было звуков, он был исключительно пуст и безмолвен. И ей не хотелось разлучаться ни на день с этим мужчиной. После знакомства с ним она часто видела во сне, что он вдруг исчезает, как дым. Она беспомощно хваталась за воздух, пытаясь удержать его, но дым просачивался сквозь ее пальцы.

Сяо Юй жестами встревоженно попросила его сказать ей правду: вернется ли он? Шлак не нашел, что ответить, он и сам этого не знал. На его руках была смерть человека, как можно точно сказать, вернется ли он? Он сказал, что в этот раз уедет надолго, но обязательно вернется. У Сяо Юй внутри все оборвалось. Она прильнула к нему, на глазах выступили слезы, послышались сдавленные всхлипы. Он обнимал ее бесконечное число раз, но в этот раз он почувствовал, что все ее тело стало липким, как тесто из клейкого риса. Ему нравилось, что она не сдерживает своих чувств, не скрывает своей привязанности. Она нигде не училась, поэтому, естественно, отличалась от большинства женщин. Шлак долго-долго обнимал ее. Она жестами спросила, когда же он вернется, пусть назовет точную дату. Он подумал, закурил сигарету. Потом он зажал в кулак пальцы левой руки, оттопырив большой: этот жест мог многое означать, но Шлак поднес сигарету к большому пальцу, легонько прикоснулся к нему и резко раскрыл пальцы левой руки, и Сяо Юй сразу его поняла. Шлак хотел изобразить хлопушки. Сяо Юй сжала одну руку в кулак и обхватила его другой рукой: на языке жестов это означает «праздник весны», то есть Новый год. Шлак знал, что она поняла, и, легонько улыбаясь, кивнул. Она улыбнулась сквозь слезы в ответ. Он продолжал объяснять жестами, чтобы к тому дню она украсила парикмахерскую, повесила парные надписи и фонарики и подготовила хлопушки. И он обязательно придет к тому времени, даже поклялся, что если он не придет, то... Он раскрыл ладонь и ребром провел себе по шее. Сяо Юй опустила его руку и кивнула, показывая, что верит ему.

В тот же вечер Шлак и Шкурка уехали в относительно далеко расположенный район Юйтянь.

В деревне Шуйдан к востоку от района Дадин находился малоприметный искусственный водоем, небольшой по площади, десять с небольшим му⁹, но очень глубокий. В начале осени там утонул один рыбак, но тело не всплыло. Его родственники заплатили управляющему водохранилища, чтобы спустили воду и отыскали тело. В день, когда осушали пруд, в деревне царил оживление, как на Новый год. И стар и млад – все собрались посмотреть. Сколько они жили в деревне, воду из водоема ни разу не спускали. К тому же на дне должен находиться труп. Жителям деревни хотелось посмотреть, насколько сильно он был попорчен рыбами. Воду стали откачивать, илистое дно постепенно обнажалось и тут же высыхало под лучами солнца, приобретая серо-белый оттенок. Вскоре показалось и тело, головой вниз, ногами вверх, напоминающее какое-то подводное растение. Уровень воды понизился, и ноги отяжелели и опустились. Люди хотели разглядеть его получше, но тут их внимание привлекла другая вещь.

Автомобиль с табло «Такси».

⁹ Му – китайская мера площади, равная 0,07 га.

Это странно, говорили люди, ведь ясно, что он утонул на рыбалке, так неужели он влетел в пруд на машине? Тогда он должен был бы находиться в салоне. Секретарь партийной ячейки деревни был человеком высокосоциальным, он считал, что здесь имеет место преступление и надо вызвать полицию. Но он не мог вспомнить номер и спросил у старосты деревни: сто десять или сто девятнадцать? Староста тоже не был уверен и сказал, что можно по любому номеру звонить, они там все работают сообща.

В этот раз Лао Хуан ехал впереди всех и первым прибыл к водоему. Он тут же стал хлопотать, огораживая место полицейской лентой, и только через довольно долгое время спустился на дно пруда, утопая по пояс в иле. Он подошел к автомобилю и протер номерной знак – 3042, номер Юй Синьяна.

Выбравшийся из водоема Лао Хуан весь был в грязи, верхняя половина тела черная, нижняя – желтая, рукава тоже все в иле.

– Скорее идите в машину, снимите одежду и вытретесь, – сказал Сяо Цуй.

– Ничего страшного, – улыбнулся Лао Хуан, – грязевые ванны полезны для здоровья.

Он встал рядом с машиной и окинул взглядом водоем. Лао Хуан заметил, что деревенские следят за ним и все как один улыбаются, взглянул на свое отражение в автомобильном стекле и увидел, что его одежда четко делится на два цвета, как желатиновая капсула для лекарства. Он досадовал, что собралось так много народу. Почва вокруг пруда мягкая, если бы людей было мало, место бы хорошо сохранилось, и, пройдя вдоль берега, можно было бы обнаружить следы от колес. А по отпечаткам протекторов, кто знает, может, можно было бы найти и еще что-то важное. Но пришло так много людей, вытоптали все вокруг пруда, что там могло остаться?

В деревне Лао Хуан пригласил старосту, секретаря партийной ячейки и управляющего водохранилища в деревенский ресторанчик, чтобы задать им еще несколько вопросов.

– Многие ли из неместных могли знать об этом водохранилище?

– Водохранилища есть в каждой деревне, – ответил староста, – и наше ничем не отличается от других.

– А многие ли приходят сюда на рыбалку? – спросил он управляющего водохранилища.

– Мы в основном занимаемся разведением рыбы. Место на отшибе, дорогу сюда трудно найти, порыбачить приходят только из окрестных деревень.

– И никто не видел, как машина заехала в деревню?

– У нас в деревне автомобили бывают редко, – сказал секретарь ячейки. – Эта машина, видимо, ночью приехала, иначе ее кто-нибудь бы заметил.

Принесли кушанья. Они взялись за палочки для еды и обнаружили, что Лао Хуан не задает больше вопросов, и им стало неловко: как же так, Лао Хуан заказал целый стол снэди, а они отделались всего парой ответов взамен?

– Товарищ Хуан, не будет ли у вас еще вопросов? – спросил управляющий водохранилища.

Лао Хуан подумал и поинтересовался:

– А почему ночью никто не стережет водохранилище?

– Дело вот в чем, – ответил управляющий, – мы совсем недавно вывели мальков и выпустили их в пруд, сейчас ничего не поймаешь, мальки проплывают сквозь ячейки в сети.

– А кто знает, что вы запустили мальков и пруд ночью не охраняется?

– Деревенские знают, те, кто часто приходит рыбачить, тоже знают.

Старосте деревни тоже хотелось помочь следствию, он попросил задать и ему несколько вопросов, но Лао Хуан сказал, что уже достаточно, и поднял чашку за их здоровье.

Лао Хуан и Сяо Цуй затребовали материалы по мужчинам в возрасте от двадцати до пятидесяти лет, проживающим в деревне Шуйдан и еще семи окрестных деревнях. В этих восьми населенных пунктах таких мужчин оказалось меньше двух тысяч. Если бы несколько

месяцев назад Сяо Цую дали такой объем работы, он бы был им раздавлен, но дело с кепкой закалило его, и сейчас проверка данных двух тысяч человек уже не казалась ему трудной задачей. Сяо Цуй, Сяо Чжу и Сяо Гуй тщательно изучили материалы за три дня, сразу отсеяли девятьсот тридцать человек и принялись за вторичный отсев, – ушла еще половина. Осталось около четырехсот сорока имен, и они принесли эти материалы Лао Хуану на просмотр.

Лао Хуан планировал справиться с работой за пять дней, но уже на второй день утром он открыл очередную папку и увидел фотографию мужчины с глазами навывкате. Его как током ударило. Он отчетливо помнил, что видел этого рыбаглазого на поминках Юй Синьяна, он еще позвал Сяо Юй выйти. Его звали Пи Вэньхай, тридцать два года, разведен, сидел за воровство. Лао Хуан вдруг подумал о Сяо Юй. Неужели из-за того, что она инвалид, он считал ее чище других? И какое отношение она имеет к убийству? Мысли Лао Хуана хаотично метались, но в глубине души он почувствовал боль.

Лао Хуан тысячу раз поднимался на гору Бицзяшань и каждый раз с наслаждением предвкушал, как Сяо Юй мягко и нежно будет брить ему лицо. Но в этот раз шаги его были тяжелы. Осень уже подходила к концу, на дороге пустынно. Парикмахерская была закрыта. Лао Хуан немного потоптался и собрался уходить, но тут из задней комнатки вышла Сяо Юй и окликнула его. Она открыла парикмахерскую и включила свет. Лао Хуан вспомнил слова Сяо Цуя о том, что она перевезла свои пожитки сюда. Во время бритья Лао Хуан против обыкновения сидел с открытыми глазами и разглядывал ее печальное лицо. Похоже, она только что плакала, веки припухли. Закончив работу, она закрыла парикмахерскую. Сейчас она каждый день ходила в специальную школу, занималась с преподавателем языком жестов. Она всегда сожалела, что не знала этого языка, давно хотела его выучить, но все откладывала то из-за одного, то из-за другого. И вот наконец решилась.

По воскресеньям Сяо Юй обычно не работала в парикмахерской, а ходила на урок по языку жестов. Лао Хуан и Сяо Цуй хотели устроить наблюдательный пункт в доме напротив заведения, пусть даже за деньги. В прошлый раз Сяо Цуй устроил пункт в кладовке на крыше, но результата он не получил. Они увидели на столбе объявление об сдаче квартиры на втором этаже в здании как раз напротив парикмахерской – лучше места и не придумаешь. Лао Хуан велел Сяо Цую позвонить хозяину, чтобы посмотреть квартиру. Владелец жилья оказался лысым мужчиной средних лет. Он открыл дверь. Внутри еще не убрали после предыдущих съемщиков, их вещи в беспорядке валялись на полу.

– До вас здесь тоже снимали двое мужчин, – сказал хозяин. – Стоимость невысокая, всего каких-то сто двадцать юаней, платить можно ежемесячно. Но те двое задерживали оплату, а потом вообще смылись. Не повезло с ними.

Лао Хуан разговор не поддержал, а сразу подошел к окошку, которое выходило на улицу. Парикмахерскую было видно прекрасно.

– Ну и хорошо, что они съехали, – продолжал владелец. – Я человек приличный, а с этим сбродом общаться – себе дороже. Вот кто они, эти двое? Сняли мою квартиру, подцепили немую хозяйку парикмахерской и каждый день с ней здесь забавлялись! Эта немая-то – отъявленная шлюха, лучше держаться от нее подальше.

– Что? – У Лао Хуана загорелись глаза, он обернулся на хозяина квартиры. Хозяин повторил сказанное, ногой сгребая валявшийся на полу мусор. Лао Хуан понял, что снимать квартиру уже нет необходимости, он предъявил свое удостоверение и показал фотографию Пи Вэньхая.

– Это он? – спросил Лао Хуан.

Хозяин пригляделся и закивал.

– А второй как выглядит? – продолжал Лао Хуан.

Владелец квартиры призадумался:

– Каждый раз этот приходил, деньги приносил, а второго я толком и не видел.

– Толком и не видел или вообще не видел?

– Никогда не видел.

– А откуда ты знаешь, что тут двое жило?

– Так этот говорил, – ответил хозяин, указывая на фотографию Пи Вэньхая. – Сказал, что его брат тоже тут живет, что у него характер скверный, и велел без особой необходимости к ним не заглядывать. Он обещал сам мне в конце месяца передавать деньги в руки.

– Так и кто из них с парикмахершей сошелся?

– Ну, этого я не знаю, – закачал головой хозяин.

Лао Хуан тут же обыскал обе комнаты. Но Шлак был человеком предусмотрительным и, конечно, не оставил никаких вещественных доказательств. Только вот порядок они не соблюдали и в квартире давно не прибирались. Лао Хуану удалось в пыли на полу разглядеть несколько отпечатков следов: размер обуви довольно большой, судя по отпечаткам, ботинки новые, совпадают с отпечатками на отмели. Рост Пи Вэньхая не больше метра семидесяти, и даже если у него была акромегалия¹⁰, ему не требовалось носить обувь такого размера.

Немая Сяо Юй за это время очень изменилась. Подучив язык жестов, она стала излучать уверенность образованной женщины и даже принялась подрабатывать в других парикмахерских, делая модные стрижки. Теперь с ее лица не сходила печаль. Лао Хуан понял, что Сяо Юй влюбилась и в настоящее время не видится с тем мужчиной, вот и загрустила. Он помнил, как Юй Синьян рассказывал, что Сяо Юй всегда нужен рядом мужик. Это объяснение немного вульгарно, но ведь на самом деле из-за своего физического недуга она гораздо более остро чувствовала одиночество и ей требовалось больше утешения. Лао Хуан придумал хитрость, как разузнать у Сяо Юй о ситуации. Он позвонил приятелю, знавшему язык жестов, и сговорился пойти вместе к Сяо Юй побриться. После бритья они не торопились уходить, остались поболтать о том о сем. Других клиентов в парикмахерской не было, и Сяо Юй обрадовалась возможности пообщаться, к тому же на языке жестов. Она только что выучила новые обозначения слов, и ей не терпелось поскорее их применить. Однако, начав пользоваться стандартными жестами, она уже не так свободно объяснялась, как раньше, стараясь правильно жестиковать и при этом артикулировать. Фамилия того приятеля была Фу. Раньше он работал учителем в спецшколе и очень хорошо понимал затруднения Сяо Юй. Когда Сяо Юй приноровилась, Лао Фу спросил, как ему велел Лао Хуан, не потому ли она так грустна, что рассталась с мужчиной. Глаза Сяо Юй заблестели, и она изо всех сил закивала, соглашаясь. После того как Шлак ушел, ей так трудно встретить кого-нибудь, кто бы ее понимал. Лао Фу подсказал, что она могла бы повесить его фотографию на стену, каждый день смотреть на нее, и ей становилось бы легче. Сяо Юй еще не проходила слово «фотография». Тогда Лао Фу сделал прямоугольную рамку из больших и указательных пальцев и покачал ее из стороны в сторону, но Сяо Юй не поняла, о чем он говорит. Лао Фу осенило: он взял со столика зеркало, погляделся в него, а потом пальцем указал на него, тогда Сяо Юй поняла. Но у нее не было изображения того мужчины. Идея ей понравилась, и она нахмурилась. Лао Фу уже заранее придумал, что сказать дальше. Он сообщил, что у него есть знакомый, который делает фотографии, надо только представить себе человека, и он сможет сделать снимок по воспоминанию. Сяо Юй вытаращила глаза, очевидно, не веря. Лао Фу поклялся, что это правда, и он даже может привести с собой того приятеля, при условии, что Сяо Юй его бесплатно подстрижет. Сяо Юй весело засмеялась и сказала, что это даже сделкой назвать нельзя и что тот человек сама доброта.

Через день Лао Фу привел к Сяо Юй из городского управления полиции специалиста по составлению фотороботов. Лао Хуан тоже поехал, захватив с собой ноутбук с установленной на нем нужной программой. По дороге туда на сердце у него было тяжело. Как же просто обмануть

¹⁰ *Акромегалия* – патологическое увеличение отдельных частей тела, связанное с повышенной выработкой гормона роста. – *Примеч. ред.*

Сяо Юй, как же ей не хватает инстинкта самосохранения, более того, она еще открыто подставляется каждому, кто хочет одурачить ее. А раз так, то стоит ли пользоваться ее доверчивостью? Но о некоторых вещах нельзя позволять себе думать слишком много. Он полицейский, знает, что такое дела об убийствах, знает, насколько это серьезно. В тот день было ветрено. Машина подъехала на самую вершину горы. Они вышли. Было видно, как ветер закручивается спиралями, оставляя на земле полоскообразные следы. Зайдя в парикмахерскую, они заметили, что Сяо Юй специально к их приходу нарядилась и прибрала в заведении: начисто подмела пол от волосков и щетины и поставила букет из пестрых полевых цветов на стол.

Лао У, специалист по составлению фотороботов, открыл ноутбук, и Лао Фу стал задавать вопросы на языке жестов. Начали с общих черт, потом перешли к мелким деталям. По мнению Сяо Юй, Лао Хуан немного напоминал Шлака. Она притянула его ближе к себе и стала активно жестикулировать. У Лао У опыта было предостаточно: сначала он рисовал портреты от руки, потом на прозрачной пленке. А теперь, с появлением компьютеров, стало гораздо удобнее, мельчайшие детали облика можно было менять бесконечное количество раз. У Сяо Юй, как уже говорилось, была хорошая память, и она сразу видела, какая деталь лучше подходила. Внешность Шлака прочно врезалась ей в память, и программа выдала очень реалистичный его портрет. Пока собирали изображение, Лао Хуан видел, как на лице девушки разглаживались морщинки и иногда появлялась легкая улыбка.

Лао Хуан и Шлак были похожи только овалом лица, этим сходство и ограничивалось, поэтому его помощь понадобилась только в начале составления портрета, и потом его присутствие уже не было необходимо. Он вышел из парикмахерской и, закулив сигарету, неспешным шагом отправился прогуляться. Темнело, ветер крепчал. Он убеждал себя, что ему нечего стыдиться, что это его работа. Сяо Юй ведь нравится этот мужчина, думал он, так, может, Юй Синьян был против него или даже угрожал ему. Вот и мотив для убийства вырисовывался.

Вдруг из парикмахерской донесся сдавленный звук – это был визг Сяо Юй, она и визжала приглушенно. Лао Хуан понял, что фоторобот готов. По мнению Сяо Юй, этот портрет был точным изображением Шлака.

Провели еще одну спецоперацию. Каждый год городское управление организовывало несколько крупных спецопераций, чтобы держать в тонусе незаконопослушных граждан и продемонстрировать свою полную боеспособность. В этот раз мероприятие было направлено, помимо традиционной борьбы с порнографией, азартными играми и проституцией, еще и на борьбу с грабителями, ставшими главной проблемой этого года. Все полицейские действовали сплоченно, без разбивки по районным отделениям. Группа, которую возглавлял Лао Хуан, была вынуждена на время оторваться от своих ежедневных дел. Сяо Цуй очень расстраивался, что приходится делать паузу в расследовании, и не скрывал досады. Лао Хуан расплывался в улыбке:

– Подожди, подожди! Вот будут тебя называть «старина Цуй», тогда ты поймешь, что иногда обстоятельства невозможно изменить, а если их невозможно изменить, то и переживать из-за этого не стоит.

Лао Хуан сделал много копий фотографии Пи Вэньхуа и портрета второго подозреваемого и как раз хотел попросить у городского управления, воспользовавшись случаем, поискать этих двоих по всему городу.

– С другой стороны, надо пользоваться возможностью, – говорил Лао Хуан Сяо Цую. Лао Хуан обладал умением приспособиться к ситуации и продолжать пробивать свои идеи.

Лао Хуан и Сяо Цуй направили в район Тяньюй, находившийся вдалеке от сталепрокатного завода, там располагались элитные жилые комплексы. В ночь надо было идти в патруль. Они оставили машину у края дороги и пошли по улицам района Тяньюй, разговаривая и не забывая внимательно рассматривать прохожих. У Лао Хуана были нависшие веки и немного

запавшие глазные яблоки, отчего казалось, что он не выспался. Сяо Цуй уже долго с ним работал и знал, что это только видимость. Глаз у Лао Хуана цепкий, было бы, наверное, преувеличением сказать, что он как мифическое зеркало, отражающее реальное обличье нечистой силы, но детали подмечал не хуже микроскопа. Они обошли много улиц, и Сяо Цуй спросил:

– Ну как, никого, похожего на бандита, не видно?

– Не видно, – покачал головой Лао Хуан. – Бандитов видно, только когда они бандитствуют.

Через какое-то время они вернулись к машине и получили по радиации приказ срочно выдвигаться к «Гранд-отелю Юйчэн» отлавливать проституток и их клиентов. В этом вопросе никогда не было однозначного решения, в основном действовали по принципу «если не стучат, то мы и не ловим». Если же поступил донос, а никого не поймали, то потом полицию могли обвинить в преступном бездействии. Неизвестно, как быть, поэтому лучше устроить облаву. Сяо Цуй очень воодушевился, ему казалось это гораздо более захватывающим, чем высматривать грабителей.

В ловле проституток нет никакой интриги, все вполне предсказуемо. Ногой выбивают входную дверь, заходят внутрь, стреляют холостым, начинается паника, визг. Затем группа полицейских вышибает двери маленьких, похожих на мышьи норки, отдельных комнаток, и пары больших белых копошащихся крыс тут же перестают пыхтеть и начинают трястись от испуга. Сяо Цуй, послушный ребенок и прилежный ученик, воспитывался на принципах «пяти ценностей и четырех достоинств»¹¹. Только он один знал, какая грязь скрывается у него где-то в глубине, и тут, на облаве притона, как раз можно было на законных основаниях и безнаказанно снять напряжение. Он быстрее остальных, со спринтерской скоростью врвался в комнатки. Результат был неплохим. Полицейские выводили мужчин и женщин в зал и делили на две группы. Они садились на корточки, каждый к своей стене, как будто коллективно присели по большому.

Донос написала женщина, проживающая в соседнем от отеля доме. Она заметила, что ее сын-подросток постоянно лежит на балконе и смотрит в ту сторону. Ну и она тоже посмотрела. Оказалось, что окна во многих комнатках не зашторивались, и там такое творилось – просто кино для ее сына. Она опасалась, как бы это не оказало на него негативного влияния. Она и менеджеру отеля говорила, чтобы занавески задергивали, но некоторые из клиентов эксгибиционисты, им не нравилось закрывать шторы, тут менеджер ничего не мог поделать. Стоимость жилья росла на глазах, и женщина не могла позволить себе переехать в другое место, как мать Мэн-цзы¹², ей оставалось только набрать номер полиции и донести на отель.

Майор Лю быстро прибыл на место и сразу направился прямо к Лао Хуану:

– Ошибка, ошибка! Это мой знакомый держит!

Лао Хуан лениво посмотрел на майора Лю:

– Да?

Он знал, как надо поступить дальше, – проявить милосердие и всех отпустить. Не было необходимости в таком несущественном вопросе противостоять майору Лю. Майор Лю был одет в гражданское, под мышкой держал кожаный портфель. Вскоре стало понятно, что ситуация будет улажена. Майор Лю выдохнул и бросил косою взгляд на группу женщин слева. Как раз в этот момент одна из девушек подняла голову, внимательно посмотрела на майора Лю и крикнула:

– Полиция, этот старый хрыч постоянно ко мне ходит, я его узнала, узнала!

¹¹ «Пять ценностей» – быть воспитанным, вежливым, быть опрятным, соблюдать дисциплину, блюсти нормы нравственности. «Четыре достоинства» – обладать красивой душой, красиво говорить, совершать красивые поступки, поддерживать красоту окружающей среды.

¹² Мать философа Мэн-цзы трижды переезжала, чтобы создать благоприятные условия для воспитания сына.

Шум в зале вдруг затих. Все хорошо расслышали ее слова, но не могли поверить своим ушам.

Девушка увидела, что все полицейские уставились на нее, и пробормотала:

– У него на заднице слева шрам от раскаленных щипцов в форме знака «равно».

Майор Лю посинел и подскочил к девушке. Лао Хуан даже не успел его остановить, как майор с ожесточением пнул девушку к стене. Она хотела крикнуть, но на несколько секунд у нее сжалось горло и перехватило дыхание. В этот момент Лао Хуан сумел остановить майора Лю. Майор уже занес ногу, выбирая, куда пнуть девушку, уголки его рта скривились, и он прорычал:

– Ах ты шлюха драная, да ты знаешь, кто я такой?

Девушка уже пришла в себя, она бросилась на майора и укусила его. Майор хотел ударить ее еще раз, но Лао Хуан был довольно силен и крепко сжимал его руки. Сяо Цуй давно уже стоял рядом, но, обнаружив, что Лао Хуан и сам справляется, не вмешивался. «Хорошо поработали. Тянули-тянули, и вытянули целую гору репок, да и еще и хрен в придачу», – думал он.

Не прошло и пары дней, как майора выпустили, как будто ничего не произошло. Отель, правда, сохранить не удалось, его «закрыли на реорганизацию». Лао Хуан опять был с Сяо Цуем в ночном патруле и обратил внимание, что Сяо Цуй какой-то вялый, как из рассола вынутый.

– Ты такой молодой, чего тебе бояться? Майор Лю ничего с тобой не сделает, – пытался успокоить его Лао Хуан.

Последнее время одетые в штатское Лао Хуан и Сяо Цуй ежедневно, еще до наступления сумерек, прочесывали улицы и переулки старого района в Юйтянь. Медленно совершая обход, Лао Хуан покуривал сигарету. У дороги был общественный туалет, и Сяо Цую приспичило. Сяо Цуй спросил, если ли у Лао Хуана салфетки, Лао Хуан вывернул карманы и отдал ему все, что можно было использовать вместо туалетной бумаги, кроме денег, и, указав на перекресток, сказал:

– Я тебя там буду ждать.

На перекрестке стояла лавочка, где старичок-хозяин беспорядочно свалил на прилавок товары. В магазинчике Лао Хуан вспомнил, что у его дочери сегодня день рождения, и решил ей позвонить по стоявшему там телефонному аппарату. Дочь трубку не брала, но счетчик работал без сбоев. Лао Хуану ничего не оставалось, как заплатить восемь цзяо. Он только достал мобильник и собирался набрать номер, как заметил в глубине закоулка мужчину с характерными рыбьими глазами навывкате. Лао Хуану хватило беглого взгляда, чтобы узнать его. И только сейчас он обнаружил, что в кармане нет оружия, – обычно Лао Хуан всегда ходил с пистолетом, но ему никогда не выпадал случай им воспользоваться, и сегодня утром он полез взять его с собой. Лао Хуан пошел навстречу Пи Вэньхаю. Тот был высоким и хорошо сложенным, такого скрутить голыми руками непросто. У Лао Хуана не оставалось времени на размышления, он сжал в руке свой старенький, неубиваемый телефон «Нокиа». Краска на оригинальном корпусе давно облупилась, и недавно он купил новый корпус из нержавеющей стали за тридцать юаней. Рыбьеглазый приближался, но, похоже, он ничего не подозревал, шел себе, насвистывая. Лао Хуан так и не набрал номер, но деловито что-то говорил в трубку.

Когда они поравнялись, Лао Хуан вдруг резко остановился и крикнул:

– Пи Вэньхай!

Мужчина вздрогнул и обернулся. Тогда Лао Хуан вдруг стукнул его по голове телефоном – единственным в тот момент предметом, что у него был при себе тверже кулака, а кулаки надо было побережь. Он хотел попасть в особую точку, чтобы Пи Вэньхай потерял сознание, но возраст все же не щадит людей, и Лао Хуан промахнулся на несколько сантиметров. Он тут же собрался и ударил еще раз, на этот раз торцом телефона, достаточно сильно, и Пи Вэньхай со вздохом упал на землю.

Сяо Цуй поспешил на шум и еще издали крикнул Лао Хуану:

– Опять с кем-то подрались?

Лао Хуан обернулся и, улыбаясь, сказал:

– Да ты посмотри, посмотри, кто это у нас тут лежит!

Сяо Цуй узнал рыбаглазого. Телефон Лао Хуана, выполнив свой долг, с честью развалился на части, металлическая панель отлетела, и внутренности телефона подпрыгивали на земле. Лао Хуан не спешил скручивать и сажать в машину Шкурку, он взял у Сяо Цуя мобильный и позвонил на пульт распорядиться, чтобы направили людей оцепить и хорошенько прошерстить этот квартал. Он надеялся, что за иглой и нитка вытянется, и получится повязать обоих злоумышленников. Шкурка, обмякнув, лежал на земле. Лао Хуан похлопал его по щекам и, показывая на портрет Шлака, стал задавать вопросы, но Шкурка посмотрел на него и опять упал без чувств, добиться от него ничего не получилось.

Лао Хуан велел Сяо Цую продолжить допрашивать Пи Вэньхая, а сам поднял голову и огляделся. Вокруг стояли сплошь двух-трехэтажные частные домишки, облицованные белой плиткой, на их фоне четко выделялись беспорядочно расставленные столбы и спутанные провода. Подкрепление из отдела приехало быстро. Лао Хуан тотчас отдал распоряжения, раздал изображения Шлака и велел проверить каждый двор. Полицейские хорошо запомнили внешность Шлака, появившись он в поле зрения, они бы его сразу повязали по рукам и ногам. Несколько раз прочесали квартал, но Шлака так и не нашли. Уже стемнело, когда Шкурку запихнули в машину. Он лежал, развалившись, на заднем сиденье, отделенном от передних сидений решеткой из нержавеющей стали. Лао Хуан смотрел, как переулки один за другим выплевывали его понурых коллег, и понимал, что сегодня Шлака поймать не удастся. Лао Хуан обернулся и искоса посмотрел на задержанного: на лице Шкурки читалась усмешка.

У Шлака так и не выходило дособирать бомбу, зато макет бомбы был готов и выглядел устрашающе, как будто мог подорвать целый дом. В целях экономии Шлак и Шкурка сняли одну квартиру в районе Юйчэн на двоих. Шкурка все искоса поглядывал на металлическую конструкцию на столе и постоянно спрашивал:

– Братан, а эта хрень точно не сдетонирует?

– Да гарантирую, хоть и осталось всего ничего, чтобы ее доделать, сейчас она безопасна! Можешь хоть сигаретой ее поджигать, не взорвется, – смеялся Шлак.

Шкурка на время выдыхал с облегчением, но по ночам его постоянно мучали кошмары и спалось ему плохо.

Однажды утром Шкурка проснулся с предложением:

– Братан, а почему бы тебе не поехать в пригород? Снял бы деревенский домик, юаней за сто можно снять одноэтажный с тремя комнатами, перед домиком дворик, за домиком садик, сидел бы там опыты свои со взрывчаткой проводил, никто бы тебя не трогал.

Шлак поднял голову:

– Тебе чё, страшно?

– Страшно, – признался Шкурка. – Спать спокойно не могу.

Шлак посмотрел на Шкурку. За последние дни глаза у него покраснели, стали больше выдаваться наружу, а под глазами появились черные полукружия. Шлак как раз намеревался сменить место жительства. Их съемная комната была тесной, освещение – недостаточным, ему плохо там работалось. А в пригородах много пустующих домишек. Деревенские семьями уезжали на заработки и оставляли свои дома родне для присмотра, можно задешево снять. Он снял домик и перевез бомбу туда. Детонационной системой Шлак все еще не был доволен, пара деталей ускользала от его понимания. Но он не собирался останавливаться на достигнутом.

В тот день Шлак потрудился на славу в пригородном домишке и поспешил на электричку до района Юйтянь. Когда он завернул в переулок, уже стемнело. В нос ему ударил запах про-

тухшей рыбы. Вонь стояла по всей улочке. Шлак напрягся. Ему показалось, что это дурной знак. Он тотчас развернулся и пошел обратно. Когда он дошел до проспекта, мимо него, завывая, пронеслась кавалькада полицейских автомобилей, некоторые с включенными мигалками на крышах. Он моментально почувствовал, что Шкурка прокололся и его везут сейчас в одной из машин.

Шлак пришел в себя и только тут сообразил, что все их деньги остались у Шкурки. Он у Шлака был вместо экономки: и проблем меньше, и самому спокойнее. Но сейчас Шлак проклинал себя за это решение. Он вытащил все наличные из карманов, пересчитал несколько раз – не набиралось и десяти юаней! Шлак вернулся в пригород, переночевал там, а на следующее утро упаковал недоделанную бомбу в клетчатый баул, в другой запихнул свое барахло, связал ручки сумок вместе и перебросил через плечо наподобие перекидной походной сумки. Он решил, что ему нельзя больше оставаться в этом доме. Шкурка хоть и не был в курсе, какой именно дом снял Шлак, но знал, что примерно в этом районе. И возможно, они смогут заставить его заговорить.

Оказавшись опять в городе, Шлак очень захотел повидаться с Сяо Юй. Он уже и не помнил, сколько времени не видел свою милую немую. Когда он думал о ней, в его сердце одна за другой поднимались волны нежности. Шлак сел в автобус седьмого маршрута. Билет стоил один юань. Кондуктор велела ему купить еще один билет, чтобы оплатить провоз сумок. Шлаку пришлось поскандальить, но в результате юань удалось сэкономить. «Если бы только на взрывчатке был проводок, – думал он, возмущенно оглядывая пассажиров автобуса, – сейчас же бы и привел ее в действие. Что только за долбаная жизнь пошла, никакой человечности!» И только вспомнив о Сяо Юй, он немного успокоился. Выйдя у горы Бицзяшань, он приставил ладонь козырьком ко лбу и пригляделся: парикмахерская была закрыта.

Мелочи, которая оставалась у Шлака, хватило, понятное дело, ненадолго. Он пил воду и питался одними булочками на пару, но на утро третьего дня деньги кончились. В карманах гулял ветер, и Шлак совсем приуныл. Он даже подумал, что если кто-нибудь захочет купить у него бомбу, можно было бы выручить за нее несколько сотен юаней.

Приближался полдень, когда Шлак забрел в район Дунтай. Раньше ему там не приходилось бывать, и в незнакомом месте он чувствовал себя в безопасности. Шлак издали услышал звуки оркестра на открытии какого-то супермаркета и пошел в ту сторону. Народ хлынул в новый магазин, и Шлака занесло этим потоком через арочный вход, напоминавший раскрытую пасть, внутрь. Вдруг ему припомнились слова Шкурки, что при открытии супермаркета на рекламных акциях можно попробовать много новых продуктов, а если набраться наглости, то можно и полноценно пообедать. Шлак уж было собирался подняться по эскалатору, как подошел охранник и преградил ему путь:

– Оставьте ваши сумки в камере хранения.

Шлак пошел к шкафчикам, но ячейки были маловаты, и он никак не мог впихнуть в них баулы. Подошел охранник, хотел помочь утрамбовать сумки, но у него тоже не получилось.

– Тогда оставьте в углу, я пригляжу.

Шлак не согласился, повесил сумки через плечо и собрался уходить. Охранник насторожился, похлопал по одной и нащупал недоделанную бомбу.

– Что у вас там?

– Да ничего особенного, бомба, только и всего, – качая головой и улыбаясь, ответил Шлак.

Молодой охранник даже не успел испугаться, как Шлак уже повалил его на пол. Он вытащил два проводка из сумки, один обмотал вокруг большого пальца левой руки, другой – вокруг среднего пальца. Затем поднял охранника, крепко зажав его под мышкой правой руки в качестве заложника. В супермаркете тут же поднялся переполох, народ повалил на улицу. Шлак с удивлением смотрел на этот людской отток, и ему не верилось, что его причиной стал он сам.

Когда народ схлынул, на полу остались разбросанные товары, в том числе и продукты. Шлак старался не опускать глаза вниз, так как при виде съестного у него начинало урчать в животе. Он решил, что пора действовать, иначе, если он еще пропустит несколько приемов пищи, у него и сил совсем не останется.

Поначалу неожиданное происшествие в супермаркете не привлекло внимания Лао Хуана. Тот парень с бритым до блеска черепом захватил заложника и торговался с окружившими его полицейскими. Одним из выдвинутых им условий было освобождение арестованного на днях Шкурки. Но полицейские не могли понять, о ком идет речь. В тот день Лао Хуан по-прежнему патрулировал улицы и переулки района Юйтянь. Когда он услышал о происшествии в районе Дунтай, у него возникло смутное предчувствие. Лао Хуан позвонил знакомому, и тот ему сказал, что преступник хочет обменять заложника на какого-то Шкурку. Услышав это имя, Лао Хуан тут же оживился.

– Что там такое? – спросил Сяо Цуй. Он заметил, как в глазах Лао Хуана блеснула искорка.

– Шкурка – это и есть Пи Вэньхай, припоминаешь такого?

– Ни слова больше, в машину!

Войдя в зал супермаркета, Лао Хуан наконец увидел его. Шлак тоже сразу заметил Лао Хуана: он почувствовал его энергетику, как только тот переступил порог магазина. Перед ним полукругом стояли «зеленые башмаки», он скользнул по ним взглядом и последним увидел только что вошедшего «старого башмака». Шлак гневным взглядом велел молодому полицейскому, заслонявшему Лао Хуана, подвинуться. Он хотел говорить только с Лао Хуаном.

– Я тебя узнал, ты ходишь к Сяо Юй на Бицзяшань бриться.

– Я тоже тебя узнал, – ответил Лао Хуан.

– Отпусти моего братана. Ты знаешь, о ком я говорю.

– Конечно, знаю, Пи Вэньхай я и замёл.

– Так это, мать твою, ты сделал! – со злобой прошипел Шлак.

Лао Хуан не ответил, продолжая смотреть на него отсутствующим взглядом. Ему надо было бы уставиться на Шлака, и тогда у них бы началось зрительное противостояние – Шлак был готов к такому развитию событий, надо было бы взглядом побороть этого «старого башмака», иначе самому скоро пришел бы конец, крышка. Но Лао Хуан казался каким-то несообразным, отвлеченным, и взгляд его был направлен вообще не пойми куда.

– Приятель, а сколько твоя бомба весит? – внезапно бросил Лао Хуан.

– Я ее на весах не взвешивал, – оторопел Шлак.

– Сколько взрывчатого вещества, сколько стали ушло на оболочку, неужели ты не в курсе? – рассмеялся Лао Хуан.

Шлак не сразу сообразил, что ответить:

– Вот взорвется, так и узнаешь!

Охранник опять затрясся. Шлак подумал, что если этот щенок так и будет дрожать, то он и сам скоро к нему присоединится, а этого допускать нельзя.

– Не трепыхайся, мать твою, понял? – прикрикнул он.

Охранник ничего не мог поделать. Ситуация дошла до той точки, когда ему уже не хотелось перечить этому лысому мужику, но тело отказывалось подчиняться и тряслось не переставая.

Лао Хуан огляделся. Ни к чему было такому количеству полицейских находиться в зале. Он кивнул нескольким молодым полицейским, чтобы они подежурили снаружи, те поняли его без слов и вышли. Лао Хуан нащупал в кармане пачку сигарет, закурил сам и стал кидать сигареты другим полицейским, чтобы подымить вместе. У пары полицейских свело руки, и они не поймали сигареты.

Охранник перестал дрожать. Он трясся так долго, что от напряжения уже больше не мог шелохнуться. Но Шлак все прикрикивал:

– Не трепыхайся, ублюдок!

И только потом он сообразил, что это у него начало мелко подрагивать под коленками. Он поднял голову и увидел насмешку на лице «старого башмака»: он откровенно глумился над ним, зажав в желтых зубах сигарету. Шлаку это не понравилось, и он строго скомандовал:

– Шаг назад! Не думай, что я не заметил, как ты приблизился.

– Тебя бес морочит, я на этом месте и стоял.

Шлак был немного сбит с толку: может, ему привиделось? «Этот „старый башмак“ что, и впрямь стоял так близко?» – проговорил он про себя. И тут же отчетливо увидел, как Лао Хуан сделал еще один шаг вперед. Шлак моргнул. «Да нет же, мне не показалось, этот „старый башмак“...»

Лао Хуан заметил, как у лысого помутнело в глазах. Он бессознательно поднял левую руку, и Лао Хуан заметил, что красный проводок был обмотан вокруг большого пальца левой руки, а зеленый – вокруг среднего пальца. Было видно, что он подготовился не тщательно, провода смотаны неаккуратно, и к тому же концы проводов были зачищены плохо и проволоки было почти не видно из изоляции. Это придало Лао Хуану уверенности, он вдруг резко бросился вперед, видя перед собой только левую руку лысого. Лао Хуан с силой сжал его кисть и услышал хруст. Рука у Шлака была плотная, сильная, сдавить ее было непросто.

Просчет Шлака заключался в том, что он недооценил скорость «старого башмака» и его хватку. Своими прокуренными зубами Лао Хуан ввел его в заблуждение. Шлаку казалось, что кроме головы остальные органы Лао Хуана уже стали покрываться ржавчиной. Он думал, что Лао Хуан раскроет свой похожий на черную пещеру рот и начнет читать ему нотации о том, как надо себя вести, и о том, что если он признает свою вину, наказание будет не таким суровым. И вдруг этот, не поймешь, старый или не старый, дедок наносит опережающий удар, да еще с какой скоростью! Шлак почувствовал, что «башмак» крепко держит его за руки. Размышлять уже было некогда, он изо всех сил пытался соединить концы проводков, собираясь одним хлопком оборвать жизнь себе и этому чертову «башмаку», превратившись в пыль.

Силы у «башмака» было много, сухие руки словно отлиты из чугуна. В ту секунду Лао Хуана от страха прошиб холодный пот. Он ясно почувствовал, что хватка у лысого мощнее. Хорошо еще, что часть энергии Шлак затрачивал на то, чтобы удерживать охранника, да и вид у него был обессиленный.

Остальные полицейские все еще стояли с наполовину сгоревшими сигаретами в руках. Никто из них не ожидал, что этот специалист по отпечаткам следов Лао Хуан из Ю'аньского отделения полиции окажется пободрее, чем молодые, и он их обставит прямо у них на глазах. Все произошло слишком быстро, совсем не как учат на занятиях по угрозыску! Полицейские побросали окурки и направили пистолеты на блестящую лысину Шлака.

Шлака привезли в городское управление и отвели в комнату для допросов. Он был настолько изможден, что не скоро смог открыть глаза и сфокусироваться взглядом на стене. Стена комнаты для допросов оригинальностью не отличалась, как и везде, на ней были написаны иероглифы: «Проявляем великодушие по отношению к тем, кто осознал свою вину, и строго наказываем тех, кто не признает своей вины». Лао Хуан уж было приготовился приступить, но Шлак его опередил:

– Меня казнят?

Лао Хуан не хотел его обманывать.

– Сам знаешь. На тебе человеческая жизнь.

Шлак понял, что «старый башмак» человек прямой. Только у прямых людей бывает такой жестокий взгляд.

Шлак признался в убийстве Юй Синьяна за время, необходимое на выкуривание сигареты. Это удивило Лао Хуана. Сознаться в убийстве! Он был готов потратить на лысого несколько суток, чтобы тщательно все проанализировать и выудить подробности.

– Зачем вы его убили?

– Да мы не хотели убивать. Поначалу я и таксистов грабить не собирался. Эти водили только с виду богачи, а по сути тоже голь перекатная. Но банк шарахнуть у меня возможности не было, с таксистами проще.

Шлак затянулся сигаретой и приостановился. Он посмотрел на «старого башмака», и ему вдруг припомнилось, как они впервые встретились в парикмахерской у Сяо Юй и как он сразу почувствовал угрозу. Редко кто мог внушить Шлаку такое чувство.

– Вечером того дня, – продолжал Шлак, – мы решили поехать в Дадин. Никто из таксёров не останавливался. И правильно делали. Если бы я сидел за баранкой и увидел двоих мужчин, которым среди ночи надо ехать в такую даль, я бы тоже не затормозил... Все от нищеты, скажу по правде... Я уж чуть было не пошел собирать макулатуру да пустые бутылки, но самолюбие не позволило. И в этой бедности я сошелся с одной женщиной, а ей нужны были деньги... Ты ее тоже знаешь.

Лао Хуан промолчал, ему было непонятно, зачем отвечать так подробно. Он видал убийц и раньше, логика у них часто была нарушена, они говорили, перескакивая с одного на другое.

– Мы и не думали, что наткнемся на того черта, – продолжал Шлак. – Водители все настроже, в тот вечер у нас со Шкуркой и особых надежд-то не было, стояли на перекрестке, курили. Думали, докурим, спать пойдем. Тут один на «Линьяне» с номером тридцать сорок два подкатывает, спрашивает, не в Дадин ли мы едем, говорит, за пятьдесят юаней он нас без счетчика подбросит. Я смотрю, у него в кабине решетки нет¹³, видно, новичок, дома, наверное, деньги нужны, вот он и ухватился за халтурку. Ну, раз он сам подъехал, мы к нему и сели. У меня и в мыслях не было, что они с Сяо Юй брат и сестра, не похожи совсем. Раз родня, могли бы побольше сходства иметь. Это ведь не шутки, в конце концов.

Шлак попросил еще одну сигарету и закурил.

– На полдороги я ему говорю: «Гони бабло, тогда ничего с тобой не сделаю». А этот подумал, что я шутки шучу, мать его, говорит, не взял с собой. Он все считал, что мы с ним бодягу травим, а я таких, с придурью, переносу. Ну, я ему и врезал кулаком слева. Нос сломал, кровь брызнула, он только тогда уяснил, что я не шучу. Он дал по тормозам, хотел меня ударить. Хоть он и крупный, да видно, что по-настоящему драться-то не умеет. Термосом меня пытался огреть, но я увернулся и башкой стекло машины разбил. Я ему отвесил пару ударов, и он понял, что ему меня не одолеть. В коробочке, куда он деньги складывал, я нашел около трехсот юаней. Велел ехать дальше до Дадина. А он по пути все просил, чтобы мы ему немного денег оставили. Я еще терзался: если бы у него тысяча была, я б ему, может, сотку и оставил. Но у него всего-то было чуть больше двухсот юаней, мне и так невыгодно...

– Так зачем было его убивать, вы же деньги уже получили?

– Так я и не хотел убивать его, бороду себе приклеил специально, чтобы этого делать не пришлось. Мы уже довольно много проехали, и тут я заметил, что кепки нет, наверное, в окно вылетела. А у меня на голове несколько шрамов да на лбу красная круглая родинка. Меня и называли-то Цзоу Гуаньинь, что значит «правительственная печать», – когда я на свет появился, батя мой решил, что я чиновником стану. Но он не задумывался, что сам-то он обычный крестьянин, навоз по полям раскидывает, с чего мне чиновником становиться? На некоторых участках дороги фонари яркие, светло, как днем, таксист наверняка увидел мои отметины. Если бы у меня волосы были – еще куда ни шло, но я как нарочно только голову побрил, да еще и кепку потерял. У меня тогда мысли спутались, решил, что лучше свидетелей

¹³ В Китае в такси часто устанавливают решетку, отделяющую водителя от пассажиров.

не оставлять. Сказал ему притормозить. Ножом по горлу полоснул, он тут же и умер. Шкурка тут ни при чем, это я его убил.

– А потом?

– У таксиста кепка была похожая, я ее взял – один в один как у меня. Я обрадовался, надел ее. Сяо Юй, когда меня побрила, потом мне ту кепку купила. Если бы я ее потерял, она б ругаться стала.

Так вот оно как. Лао Хуан мысленно строил предположения: наверное, купила кепку Шлаку, ей она понравилась, и она купила вторую своему брату. Купить любовнику и брату одинаковые кепки – может, это была тайная задумка Сяо Юй? Вдруг он очень четко вспомнил лицо Сяо Юй, ее полный надежды взгляд.

– И где та кепка? – спросил Лао Хуан.

– На веревке сушится, еще не снял.

– А зачем постирал?

– Ее ведь покойник носил, как вспомню, так не по себе делается. Когда одежду стирал, заодно и кепку постирал.

После допроса Лао Хуан вышел. Шлак окликнул его. Этот грубый парень вдруг нежно спросил:

– Брат, а до Нового года еще сколько осталось?

Лао Хуан посчитал на пальцах и ответил:

– Больше двух месяцев. Думаешь, как Новый год отмечать? Не беспокойся, судебный процесс долго длится, этот год в тюрьме встретишь.

Шлак стал серьезным:

– Брат, можешь мне помочь?

Лао Хуан помедлил и произнес:

– Ты сначала скажи, в чем дело.

– Я обещал Сяо Юй, что вместе с ней встречу Новый год. Но я понимаю, что у меня не получится. Но я, мать его, обещал. Можешь в тот день купить что-нибудь, что там женщины любят, и вместо меня навестить ее? Прямо к ней в парикмахерскую. Она немного наивная, если меня не увидит в тот день, может и с ума сойти.

Лао Хуан посмотрел на Шлака и долго не знал, что сказать. Потом ответил:

– Там разберемся.

Сотрудники отдела технической экспертизы потом говорили, что внутренности бомбы изготовлены очень точно, профессионально, но провод детонатора не закреплен, так что она была незаряженная, только детей смешить, и даже если бы Лао Хуан не сжал руки Шлаку, бомба бы не взорвалась. Но начальство возражало, говоря, что ведь никому не было известно, что бомба неактивная. Лао Хуану было немного обидно: раз уж совершил героический поступок, хотелось бы, чтобы ситуация действительно представляла реальную опасность.

В деле Юй Синьяна была поставлена точка, и Лао Хуан мог немного отдохнуть. Но в Бицзяшань он не появлялся. Если надо было подстричься или побриться, он ходил в другую парикмахерскую, где тоже неплохо работали. Он боялся встретиться с Сяо Юй.

В конце декабря поступил донос от одного старичка на человека, изготавливавшего поддельные документы. На вопрос, что это за документы, старичок сказал, что довольно странные и у него есть образец, и достал из пакетика красную корочку. Лао Хуан взял посмотреть. На обложке было несколько иероглифов, тисненных золотом. Верхняя строчка была написана по дуге маленькими узкими иероглифами: «Комиссия по вопросам помилования. Государственный Совет КНР». Под ними большими иероглифами в столбик было написано: «Удостоверение о помиловании».

Что за брехня? Лао Хуан был озадачен. Это даже поддельным документом назвать нельзя, таких просто не бывает. Он открыл, внутри было огромное количество ошибок. Старичок ска-

зал, что купил вчера за тысячу восемьсот восемьдесят юаней. Продавец сказал, что это удостоверение типа «Б», по нему якобы облегчают наказание за крупные преступления и освобождают от мелких. Есть еще удостоверение типа «А» – за две тысячи восемьсот восемьдесят юаней, оно освобождает даже от смертной казни. Старик утром купил это удостоверение и сразу же отправился в городскую тюрьму в надежде вызволить сына, которому надо было сидеть еще два года. А с этим удостоверением «Б» получалось, что он выкупает сына всего за три юаня в день, очень даже выгодно. Но в тюрьме ему сказали, что удостоверение недействительно, да еще и посадили старичка в машину и отвезли в отделение полиции района Ю'ань, чтобы возбудить против него дело. Полиция немедленно начала действовать. У старичка память была некрепкая, кружили около часа, прежде чем нашли нужное место. Лао Хуан и еще двое полицейских, переодетых в штатское, зашли в подъезд и постучали в дверь. Изнутри мужчина с южным акцентом спросил:

– Кто?

– Мы по знакомству, есть дело, – ответил Лао Хуан.

Мужчина распахнул дверь и с широкой улыбкой сказал:

– Прошу, проходите!

Лао Хуана так и подмывало сказать ему, что раз уж он действует от имени такого органа, как Государственный совет КНР, то следует держать лицо и вести себя более официально.

Сотрудники полиции решили посмотреть на этот спектакль и зашли. Хотели сначала послушать разглагольствования этого мошенника, а уж потом задержать.

Неожиданно Лао Хуан увидел свою знакомую, немую Сяо Юй, сидевшую на табуретке рядом с кроватью и размахивавшую руками перед какой-то женщиной. Сяо Юй заметила Лао Хуана, занервничала и что-то прожестикувала. Все в комнате поняли, что Сяо Юй сказала, что это из полиции. Троице в штатском оставалось только подавить желание посмотреть спектакль и начать немедленно действовать, надев наручники на троих мошенников – двух мужчин и женщину.

Всех находившихся в комнате привезли в отделение. Но вскоре Лао Хуан вывел Сяо Юй и отпустил. Из штанов Сяо Юй торчала пачка денег. Карман был неглубоким, и Лао Хуан не удержался и велел ей спрятать банкноты получше. До Нового года оставался месяц, карманники на улицах активизировались. Сяо Юй запихнула деньги по глубже и, с ненавистью посмотрев на Лао Хуана, ушла.

Лао Хуан застыл на месте. Было холодно, но он не торопился заходить обратно. Он подумал, что Сяо Юй все-таки умная, многое понимает. Вот сейчас, например, когда мошенница обрабатывала ее, Сяо Юй не верила ей – на лице ее не было радости. Но, судя по всему, она была готова выбросить несколько тысяч юаней, чтобы купить это никчемное удостоверение «А». О чем она думала? В этот момент Лао Хуан вспомнил слова Шлака. Новый год не за горами, и Лао Хуану стало не по себе.

Спустя несколько дней майора Лю перевели в другое отделение полиции в главном городе провинции. Перед отъездом он пригласил коллег в ресторан. Лао Хуану идти не хотелось, но отказаться было неудобно. Майора Лю как будто подменили: он с такой искренностью приглашал на ужин по случаю своего перевода, что людям было трудно придумать повод для отказа. В тот вечер, как и следовало ожидать, выпили немало. Лао Хуан впервые видел, чтобы майор Лю набрался, как уличная шпана. Он с серьезным лицом подходил чокаться к каждому со словами: «Извиняй, брат, если что не так!» От выпитого алкоголя люди открываются с других сторон. Майор Лю уже и так попросил у всех прощения, но этого ему было мало. Он встал в центре зала и объявил:

– Сегодняшнего ужина мало. Завтра как раз выходной, я организую транспорт, поедем куда-нибудь, оторвемся по полной!

Куда ехать, майор Лю еще не придумал. Сохранив остатки здравого смысла, он понимал, что звать коллег на эротический массаж не стоит. Повисла пауза. Вдруг кто-то сказал:

– А поехали в Парчовую пещеру?! Слышал, что, по оценке двадцати с лишним экспертов по пещерам, это лучшая пещера в Китае.

Майор Лю глазами поискал, кто это сказал, но не нашел.

– Специалисты по пещерам? Они что, еще профессиональнее меня? А далеко эта пещера?

– Часа четыре, – ответил этот кто-то.

– Отлично, поедем туда! Завтра я приглашаю всех в Пещеру богов!

– Майор Лю, в Парчовую пещеру, – поправил голос.

– Да не все ли равно, – отмахнулся майор, – пещера и пещера.

Поначалу никто не принял его слова всерьез, посчитали, что это он спьяну. Но на следующее утро майор велел всех обзвонить и сказать, чтобы прибыли по тревоге.

У входа в полицейский участок стоял роскошный автобус. Лао Хуан и Сяо Цуй сели рядом. Настроение у обоих было подавленным. Они переглянулись несколько раз, и разговор неизбежно зашел о Юй Синьяне. В прошлый раз, когда они собрались поехать в Парчовую пещеру, Юй Синьян позвал с собой еще приятелей и все испортил. Кажется, это произошло совсем недавно. Путешествие не задалось. Сконфуженное лицо Юй Синьяна отчетливо стояло перед глазами. В этот раз они поехали по недавно открывшемуся шоссе, и дорога заняла чуть ли не вполтину меньше времени: всего через три с половиной часа автобус был у Парчовой пещеры. Во время осмотра у Лао Хуана и Сяо Цуя совсем пропало настроение. Гидом была та же девушка, что и в прошлый раз. Майор, напротив, был в приподнятом настроении и потом потащил всех в какой-то уезд еще дальше попробовать тамошнее блюдо – суп со свиным сердцем и легкими. Можно было вернуться раньше, но поедание супа затянулось на несколько часов, и в город приехали к ночи. Все проголодались и хотели отыскать ресторанчик, чтобы съесть по плошке лапши. Наконец нашли какое-то еще открытое заведение. Майор Лю и Лао Хуан сидели друг напротив друга, у каждого было по большой миске лапши с тушеной говядиной в соевом соусе. Вечером приходит аппетит. Майор Лю попробовал лапшу, вдруг сказал, что ему надо отлучиться в туалет, и вышел. Уличные фонари не горели, серебристо-серая поверхность автобуса немного отсвечивала. Искать туалет времени не было, и он зашел за автобус справить нужду.

Поднялся сильный ветер, завывавший, как дикий зверь. Лао Хуан услышал какой-то стон снаружи, но не придал ему значения. В вое ветра всякое может слышаться. Лао Хуан уже и бульон допил, а майор Лю все не возвращался. Он поднял голову – все заканчивали есть. Зимним вечером ничто так не согревает и не насыщает, как миска говяжьего бульона.

– А где майор Лю? – спросил Лао Хуан.

Только тогда все заметили, что кого-то не хватает. Лао Хуан собственными ушами слышал, что майор пошел в туалет. Так что он там, провалился, что ли?

Лао Хуан вышел из ресторана и громко кликнул майора. Он звал несколько раз, но ответа не было. У Лао Хуана застучало в висках, он почувствовал, что что-то произошло. Он обошел автобус и увидел, что майор Лю лежит на земле будто пьяный, но из груди у него торчит рукоятка ножа. Лао Хуан испугался. Он быстро сообразил, что надо оградить место преступления, и не стал сразу звать остальных. Он осторожно подошел ближе, проверил дыхание майора и определил, что он уже мертв.

Естественно, расследовать происшествие поручили Лао Хуану. Появилось дело, и времени стало совсем мало. Месяц перед Новым годом он трудился не покладая рук. Звонила дочь напомнить, что новогодняя ночь совсем близко. Единственная дочь Лао Хуана жила в другом городе. Может, она уже и замуж вышла? Лао Хуан не мог сказать точно. Дочь сказала, что в этом году опять не сможет приехать на Новый год, у нее работа. Лао Хуан почувство-

вал облегчение. За эти годы он понял, что за те несколько дней, на которые дочь приезжает к нему, их отношения лучше не становятся, а когда она уезжает, он только начинает больше о ней беспокоиться.

Утром тридцать первого Лао Хуан вспомнил о просьбе Шлака. Вообще-то он давно сделал себе пометку на перекидном календаре: вечером пойти к Сяо Юй в Бицзяшань. По дороге он не мог придумать, что бы такое купить, чтобы порадовать Сяо Юй, и приобрел целую кучу фейерверков – беззвучных, выстреливавших высоко и рассыпающихся красивыми искрами. В девять часов уже наступила непроглядная тьма. Он медленно поднимался в гору Бицзяшань. Некоторым детишкам не терпелось запустить салют, и временами отдельные всполохи фейерверков взлетали и тотчас же исчезали в ночном небе. Чем выше в гору, тем меньше домов, и тем безлюднее становилось вокруг. Какие-то из фонарей светили, какие-то нет, время от времени горевшие фонари потухали. Он шел как можно медленнее, оттягивая момент встречи с Сяо Юй. Ветер становился все сильнее. Лао Хуан поднял воротник куртки. И тут он стал сомневаться, хватит ли у него смелости войти в парикмахерскую к Сяо Юй и встретить Новый год вместе с ней. И как она на это отреагирует? Он даже почувствовал ненависть к Шлаку за то, что тот поручил ему такое дело. Подойдя ближе, он понял, что у Шлака с Сяо Юй была железная договоренность: Сяо Юй действительно была у себя, она украсила свою убогую лавочку целой гирляндой покачивавшихся на ветру фонариков. На вершине горы было темно, дул сильный ветер, и увидеть парикмахерскую, всю увешенную фонариками, стало неожиданностью.

До салона Сяо Юй было метров сто. Лао Хуан остановился и прислонился к столбу, растирая озябшие руки. Он пригляделся: было видно плохо, людей уж тем более не разглядеть. Он с трудом зажег сигарету: ветер был слишком сильным. Лао Хуан сам не знал, сколько еще простоит у этого столба и сможет ли в конце концов зайти в эту излучающую тепло и свет парикмахерскую. Отвлекшись, он вспомнил дело, которое сейчас вел. Ему казалось, что его будет просто распутать. Место преступления хорошо сохранилось, были найдены четкие отпечатки ботинок. Но убийство ускользало от его понимания, прошел уже месяц, а никаких подвижек не было. Майор Лю при жизни завел огромное количество связей, и после его смерти подозреваемых было очень много: схватишься за одну ниточку, а вытягивается целый клубок других, и вычислить убийцу никак не получалось.

Этим зимним вечером Лао Хуан вдруг почувствовал себя постаревшим и уставшим. Он курил, стоя на ветру, сигарета сгорела очень быстро. Лао Хуан стал терять веру в раскрытие этого дела. Он, опытный полицейский, редко падал духом. Он посмотрел на освещенную фонариками парикмахерскую, а потом перевел взгляд выше и уставился в небо. По темному небу своду беззвучно полз белый огонек. Эта картина сделала понятие «время» в голове Лао Хуана конкретным, осязаемым. В голове опять всплыло дело майора. Лао Хуан понимал, что существует много преступлений, которые так и не были раскрыты. И что фраза «небесные сети необъятны, но ничто из них не сможет ускользнуть»¹⁴ – не более чем отражение людских ожиданий. Конечно, «ничто не сможет ускользнуть» похоже на простое будущее время в английском языке – «сейчас не ускользнет и в будущем вряд ли ускользнет». Но Лао Хуан в профессии уже давно, он знал, что полагаться на волю времени опрометчиво: точка не поставлена, значит, остается многоточие. Потому как у времени нет границ и никогда не будет.

2006 год

¹⁴ Цитата из «Даодэ-цзина» Лао-цзы, гл. 73 (означает, что Небо справедливо, и виновные будут наказаны).

Фань Ипин Необычный допрос

Вань Игуан, как обычно, досмотрел провинциальные новости и выключил телевизор. Он прошел в кабинет и с трудом опустился на скамейку из палисандрового дерева. Это была самая простая скамья, на которую обычно клали ноги, а сейчас на нее опустилась толстая задница. Перед Вань Игуаном стоял стол со столешницей шириной один метр, длиной – два и толщиной восемь цуней¹⁵, а еще дальше от него располагался огромный стул. И столешница, и стул были выполнены из вьетнамского желтого палисандра. Поэтому можно сказать, что по сравнению с ними скамейка из обычного палисандра выглядела чем-то второсортным. Сейчас он сознательно сел на нее, потому что сегодня он по-прежнему был допрашиваемым.

Вскоре вошел допрашивающий и уселся на стул из желтого палисандра. Эта женщина с нанесенной на лицо маской из морских водорослей походила на призрак и испугала Вань Игуана, хотя он и понимал, что это его жена.

– Может, ты сначала смоешь маску, а потом уже зайдешь? – спросил он ее. – Ужас какой.

– Я ее недавно нанесла, она еще не полностью впиталась. Да и ты слишком разволновался. Посмотрим, испугаешься ли ты, если я в таком виде буду тебя допрашивать, все ли расскажешь? Вчера, когда у меня было обычное лицо, ты ничего не сказал.

Вань Игуан в душе согласился с тем, что в ее словах есть логика и даже мудрость. Допрос, действительно, должен вестись по нарастающей и становиться жестче, нельзя обращать все в шутку, как будто это просто детская забава.

Допрос начался вчера. Его жена изображала или, можно сказать, взяла на себя функцию члена провинциальной комиссии по проверке дисциплины, допрашивала Вань Игуана и изучала его дело. Он даже представил, что уже стал объектом так называемого «двойного указания»¹⁶, и теперь в кабинете – назначенном месте – его проверяют, ответит ли он на вопросы в назначенное время.

Очевидно, ни он сам, ни его жена не вжились в роль. Жена вела себя слишком вольно и беспечно – лузгала семечки и ела суп из ласточкиных гнезд, при этом внезапно спрашивала: «Сколько ты за эти годы с него взял денег?» или вдруг говорила: «А у сына в Америке сейчас восемь утра». Из-за такого ее несерьезного поведения Вань Игуан тоже не мог по-настоящему разволноваться. Он никак не мог погрузиться в ситуацию предполагаемого разбирательства в духе «двойных указаний», у него не получалось представить себя подследственным. Как бы то ни было, жена все равно выглядела ужасно вульгарной, но при этом богатой и роскошной женщиной. И то, что она, с ее пошлым вкусом, изображала чиновника из комиссии по проверке дисциплины и допрашивала хитрого и дальновидного мужчину, на самом деле выглядело смешотворно. В такой ситуации только идиот признается в получении взятки и ответит на другие вопросы, связанные с коррупцией.

Но жена была единственной, кто подходил на роль следователя из комиссии по проверке дисциплины. Ему нужно было, чтобы она допросила его, допросила со всей строгостью, как настоящий член комиссии или как прокурор, посостязалась с ним в мужестве и мудрости, помогла проверить психологическую закалку, способность приспособливаться к новым условиям и стойкость. И если вдруг его действительно вызовут для «двойных указаний» или прямо

¹⁵ Цунь – мера длины, равная примерно 3,33 см, то есть толщина столешницы составляла примерно 26 см. – *Здесь и далее примеч. пер.*

¹⁶ *Двойное указание* – требование партийной комиссии по проверке дисциплины в назначенное время в назначенном месте дать разъяснения по предмету расследования. Это внутрипартийная мера для расследования случаев коррупции, предполагающая неограниченную внесудебную изоляцию подозреваемого.

в прокуратуру, он был бы уже подготовленным «стреляным воробьем», роботом-трансформером.

Накануне вечером после неудачного допроса супруги легли спать, и Вань Игуан обеспокоенно спросил супругу, ожидавшую от него «уплаты налогов»¹⁷:

– Товарищ Ли Мэйфэнь, могу я выдвинуть требование?

– Какое требование?

– Когда будешь меня допрашивать, сделай так, чтоб я разволновался, чтобы мне стало страшно. Когда ты меня только что допрашивала, я ничего такого не испытывал.

Жена недоуменно спросила:

– Зачем тебе волноваться и бояться?

– Если я разволнуюсь, испугаюсь, то могу проболтаться, выдать себя с головой и честно все рассказать.

Жена все еще недоумевала:

– Разве не лучше не рассказывать честно? Нам ведь как раз нужно, чтобы ты не говорил честно.

– Если я здесь разволнуюсь, испугаюсь и все честно расскажу, то ничего страшного. Потому что это лишь предварительный допрос, учения, как учения по противовоздушной обороне, противопожарные учения и учения на случай землетрясения. И если когда-нибудь меня вызовут для «двойных указаний» или в прокуратуру, я смогу не волноваться и не бояться, и тогда не надо будет рассказывать все по-честному. Это называется «предупрежден – значит вооружен», так можно предотвратить беду. Ты понимаешь?

Жена осмыслила услышанное и произнесла:

– Понимаю.

Глядя на мужа, равнодушного к ее ожиданиям, она была вынуждена действиями напомнить ему о своих желаниях. Однако он по-прежнему оставался безучастным, и тогда она сказала:

– Сейчас ведь ты должен удовлетворить мой запрос?

Вань Игуан посмотрел на свою жену, постаревшую, похожую на пожелтевшую жемчужину, но свирепую, как волк или тигр. Его сердце застучало от страха, тело затряслось в ознобе, выступил холодный пот:

– Хорошо бы завтра, когда ты будешь меня допрашивать, я так же разволновался и испугался.

Сегодня жена действительно выглядела устрашающе. Вань Игуан взглянул на нее и больше не осмеливался поднять глаза. Он низко опустил голову, словно собирался признать вину.

– Готов? – спросила жена.

– Угу.

– Тогда я начинаю допрос. – Она прочистила горло, а потом, глядя на толстощекого мужа, внезапно хлопнула рукой по столу и вскочила: – Вань Игуан! У тебя наверняка еще есть деньги, о которых я не знаю, где ты их спрятал?

Вань Игуан поднял голову и топнул ногой:

– Да кто ж так спрашивает? Никто так не спрашивает!

– А я хочу и спрашиваю! Я подозреваю, что ты прячешь от меня деньги!

Вань Игуану пришлось взглянуть на жену:

– Товарищ Ли Мэйфэнь, ты должна запомнить, что сейчас ты – член комиссии по проверке дисциплины или даже прокурор. Задавай вопросы как профессионал, хорошо?

¹⁷ «Уплата налогов» – эвфемизм для обозначения исполнения супружеских обязанностей.

Выслушав замечание мужа, жена изменила свое поведение и образ мыслей, все обдумала и произнесла:

– Вань Игуан, сначала я разъясню вам политику нашей партии: великодушные по отношению к тем, кто признал свою вину, и суровое наказание тех, кто вину не признает. И теперь я задам вопрос, а вы должны честно и откровенно ответить.

– Хорошо, спрашивайте.

– Как нам стало известно, с того момента, как вы получили должность начальника управления по контролю за безопасностью на производстве в городе Наньхэ, за неполные четыре года вы, не зная меры, брали взятки от владельцев рудника, компании по постройке железнодорожных мостов, фирмы по производству фейерверков и хлопушек. Если не учитывать взятки вещами, а только наличными, то, по грубым подсчетам, сумма составит примерно тридцать пять миллионов юаней. Правильно?

– Неправда! Я бескорыстно и неподкупно служу обществу, я абсолютно чист и никогда не нарушал закон за взятку и не занимался коррупцией.

– Вань Игуан, у меня есть доказательства моих слов. Мне прекрасно известен источник этих тридцати пяти миллионов. Бизнесменов, которые передавали вам деньги, много, я лишь выбрала наиболее крупных. Сян Бэйфан из корпорации «Рудник Лунчан» несколько раз давал вам взятки. Миллионов восемь же было? Тан Лэй из компании «Бэньтэн», занимающейся постройкой железнодорожных мостов, вы еще называете друг друга братьями, дал как минимум шесть миллионов, так? Только ваша жена получила от него три миллиона. Вэй Дуннин из плавильного завода Наньси – пять миллионов, они тоже пошли вашей жене напрямую. Это уже девятнадцать миллионов. А еще добавить к этому взятки от бизнесменов разных уровней на Новый год и другие праздники – больше десяти миллионов. Вот в целом и выходит как минимум тридцать пять миллионов. Из них двадцать уже переведены за границу, а конкретнее – в США. А еще пятнадцать хранятся в газовом баллоне под деревянным полом в спальне в герметично закрытом пакете. Все верно?

Вань Игуан слушал, дрожа всем телом, и к концу речи сжался в комок, словно его раздели догола. Информация была четкая и конкретная, точно и совершенно достоверно назывались по порядку дававшие ему взятки люди и суммы, некоторые сведения он и сам помнил не так подробно.

– Вань Игуан, не отпирайся! Это бесполезно. Чистосердечное признание – вот твой единственный выход!

Вань Игуан плюхнулся на колени и начал биться головой об пол:

– Я буду честен! Я признаю! Я, Вань Игуан, виноват перед партией, партия меня взрастила, доверила важный пост, а я не оправдал ожиданий. Я сейчас же верну эти тридцать пять миллионов, прошу проявить ко мне снисходительность, указать мне путь к спасению!

Сначала его коленопреклоненная просьба вызвала у супруги смех, но потом она начала его бранить:

– Вань Игуан, ну ты и тряпка! Сразу сдал оружие и капитулировал. Если ты признаешься, то за эти тридцать пять миллионов лишишься головы, ты хоть это понимаешь?

Вань Игуан поднял голову и посмотрел на черное из-за нанесенной маски лицо бранившей его жены:

– Я и правда принял тебя за члена комиссии по проверке дисциплины или за прокурора!

– Тогда тем более нельзя признаваться, идиот!

– Но ты же точно перечислила всех взяткодателей и суммы!

– Это потому что я – твоя жена! И я знаю, что ты столько получил. И сейчас я тебя допрашиваю, естественно, я все верно говорю.

– Но что если комиссия или прокуратура тоже все тщательно расследует и узнает, сколько я получил?

– Все равно можно отпираться!

– Как?

– Говорить, что ни от кого денег не брал!

– А если кто-то меня выдаст и даст показания против меня?

– Ну и что? А ты говори, что они возводят на тебя клевет.

– Но ведь я и правда брал у них деньги!

– Я тогда задам тебе вопрос, – сказала жена. – Когда тебе давали деньги, их переводили на счет? Ведь нет? Тебе напрямую давали наличные, и свидетелей при этом не было же? И никто ведь не снимал скрытой камерой? Ничего этого не было, так чего ты боишься? Зачем паникуешь?

– А ведь и правда. – Вань Игуан успокоился и снова уселся на скамейку. – Все-таки моя супруга более спокойна и невозмутима.

– Ага, невозмутима, как же! Ты только что признался, перепугал и разозлил меня. Если ты потеряешь голову, то и мне тогда конец. Бедный наш сын!

– Двадцать миллионов в США, сыну хватит, – ответил Вань Игуан.

Тут супруга вскрикнула, словно наткнулась на какую-то сложную проблему. Она смотрела на мужа, как на мудреца или Чжугэ Ляна¹⁸.

– Лао Вань¹⁹, даже если никто не даст показаний, а ты сам не признаешься, то если они вдруг узнают про эти тридцать пять миллионов, сразу поймут, что они превышают наши легальные доходы, и обвинят нас во владении имуществом неизвестного происхождения. Что же делать?

Вань Игуан ломал голову, ломал, но так и не придумал, как выпутаться. Жена предложила:

– Я скажу, что это – прибыль от игры на бирже, хорошо?

– Игра на бирже? – Вань Игуан холодно рассмеялся. – Сейчас по всему миру лидируют «медведи»²⁰, девяносто девять процентов держателей акций теряют деньги, и только ты получаешь прибыль? К тому же официальным лицам запрещено играть на бирже, и их родственникам тоже. Так что говорить, что играешь на бирже, – нельзя.

– Что же делать?

Вань Игуан покачал головой:

– Можно только сказать, что заняли у моих братьев. Это выход на случай, когда нет выхода.

– Но откуда у твоих братьев деньги, чтобы одолжить тебе? Чем они занимаются? Один – рыбак на Хуншуйхэ²¹, другой разводит овец. Раньше они к тебе приходили занимать на рыбководство и овцеводство, а ты им не давал.

– Не я не давал, а ты не разрешала давать.

– В общем, ты обидел своих братьев, разве у тебя есть еще братья?

Вань Игуан глубоко задумался, а потом произнес:

– Настоящих друзей у меня один-два – например, Сян Бэйфан и Тан Лэй.

– А мне кажется, что самые ненадежные, – это именно Сян Бэйфан и Тан Лэй. При малейшем «дуновении ветра и колыхании травы» они точно первыми тебя сдадут.

– С чего ты взяла?

¹⁸ *Чжугэ Лян* (181–234 гг. н. э.) – китайский полководец периода Троецарствия (220–280 гг. н. э.). Считается олицетворением мудрости, хитрости и стратегического мышления.

¹⁹ *Лао* – ставится перед фамилией при неформальном обращении к уважаемому человеку, означает «старый», «старший».

²⁰ «*Медведи*» – игроки на бирже, которые покупают активы на пике стоимости в надежде, что цена упадет. В противоположность им «быки» покупают на минимуме и ставят на то, что цена будет расти.

²¹ *Хуншуйхэ* – река в южном Китае. Начинается в провинции Гуйчжоу, а на территории Гуанси-Чжуанского автономного района сливается с рекой Люцзян.

– Да потому что они умные и верткие, как обезьяны, и двуличные, как улыбающийся тигр!

Видя, что супруга говорит прямо, Вань Игуан сказал:

– И что же делать? Я же больше всего денег взял именно у них – у Сян Бэйфана и Тан Лэя.

Жена заскрежетала зубами:

– Отдай им обратно.

Вань Игуан остолбенел от изумления:

– Ты с ума сошла?

– Нет.

– А тебе не жалко?

– Даже если жалко, придется смириться. Сохранить свободу – это второстепенно, на первом месте – сохранить жизнь!

Ближе к вечеру Вань Игуан увидел у пагоды Дуншань знакомый внедорожник «БМВ», который остановился перед ним словно преданный пес. Вань показал ему, чтобы тот встал рядом с его машиной.

Посмеиваясь, Сян Бэйфан вылез из машины, он, семеня, шел ему навстречу и с теплотой в голосе кричал:

– Приветствую, брат Вань!

Однако Вань Игуан чрезвычайно холодно сказал ему:

– Открой багажник! – И, увидев, что друг медлит, повторил: – Открой!

Затем Вань Игуан открыл багажник своего автомобиля, достал оттуда раздутый, с выступающими углами мешок, и переложил в машину Сян Бэйфана.

Тот, словно подозревая в этом какую-то махинацию, проворно остановил Вань Игуана:

– Брат, ты что это делаешь?

– Возвращаю все деньги, которые ты мне дарил.

– Брат, это что, шутка?

– Я не шучу.

Сян Бэйфан потряс пластиковым пакетом с четырьмя ручками:

– А это тогда что такое?

– Возвращаю тебе, вот что такое.

Тут Сян Бэйфана осенило:

– Брат, это же ты меня испытываешь, правда?

– Можешь так думать, но я это не имел в виду.

– Брат, но так делать нехорошо. – Сян Бэйфан притворился, будто сердится. – Неловко тебе об этом говорить, но я никаких денег тебе не давал.

– Что?

– Денег я тебе не дарил. Никогда!

Вань Игуан тоже потряс пакетом:

– А это тогда что?

– Я дарил только вяленое мясо и цзунцзы²².

– Хорошо, тогда я сейчас возвращаю тебе вяленое мясо и цзунцзы.

– А я и мясо, и цзунцзы тебе не дарил! – Сян Бэйфан отпустил руку Вань Игуана и поскорее захлопнул багажник. – Брат, у вас еще ко мне какое-то дело? Если нет, то я поехал.

²² Цзунцзы – традиционное китайское блюдо, употребляемое во время празднования Дуаньцзе – Праздника «двойной пятерки», который отмечается в пятый день пятого лунного месяца, что примерно соответствует концу мая – середине июня. Представляет собой клейкий рис с начинкой, завернутый в лист тростника или бамбука, обычно ему придается форма тетраэдра.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.